

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ОБРАЗОВАНИЕ СССР: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Материалы круглого стола, посвящённого
90-летию со дня образования СССР

19 декабря 2012 г.

Научные рецензенты:

декан исторического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, кандидат философских наук, доцент **Н.П. Галимова**;
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина **А.Ю. Бодак**

Члены редакционной коллегии:

доктор исторических наук, профессор **М.В. Стрелец**;
кандидат исторических наук, доцент **Н.Н. Ковалёва**;
кандидат исторических наук, доцент **А.В. Мощук**;
кандидат исторических наук **Т.В. Лисовская**;
старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета **С.В. Грибова**.

Образование СССР: ключевые аспекты современного осмысления: материалы круглого стола, посвящённого 90-летию со дня образования СССР, Брест, БрГТУ, 19 декабря 2012 года / Под ред. М.В. Стрельца. – Брест: УО «БрГТУ», 2012. – 120 с.

ISBN 978-985-493-235-4

В настоящем сборнике публикуются материалы круглого стола на тему «Образование СССР: ключевые аспекты современного осмысления», который состоялся в Брестском государственном техническом университете 19 декабря 2012 года. Настоящий круглый стол был посвящён 90-летию со дня образования СССР. Издание адресуется преподавателям учебных заведений, студентам вузов, магистрантам, аспирантам, всем, кто интересуется проблемами советской истории.

ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА БССР В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

На завершающем этапе гражданской войны, после освобождения большей части территории Беларуси от польских интервентов, 31 июля 1920 г. в Минске было объявлено о воссоздании независимой Социалистической Советской Республики Белоруссия. Новое белорусское руководство продолжило политику тесного военно-политического и экономического сотрудничества советских республик, сложившуюся в годы войны. 16 января 1921 г. между БССР и РСФСР был подписан Союзный рабоче-крестьянский договор, в котором говорилось о создании объединенных наркоматов, в том числе и народного комиссариата финансов. Таким образом, вся финансово-кредитная и эмиссионная политика, проводимая властями РСФСР, распространялась и на белорусские земли.

Проводимая в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны политика «военного коммунизма» не оправдывала себя в мирных условиях и привела к серьезнейшему внутривнутриполитическому кризису советской власти в конце 1920 – начале 1921 г. Большевикское руководство во главе с В.И. Лениным вынуждено было перейти к новой экономической политике (нэп), означавшей возвращение к рыночной экономике. Важнейшей составной чертой нэпа было проведение денежной реформы в 1922–1924 гг., вошедшей в историю под названием «реформа Сокольников».

Она была вызвана тем, что за годы гражданской войны произошла натурализация хозяйственной жизни, что привело к свертыванию товарно-денежных отношений. В период с ноября 1918 г. по май 1921 г. было принято 17 декретов об отмене различных видов денежных расчетов и о бесплатном обеспечении и снабжении подавляющим большинством товаров и услуг. Так, к 1920 г. 93% заработной платы рабочих и служащих выдавались товарами первой необходимости и только 7% выплачивалось денежными знаками. Вершиной натурализации и демонетизации народного хозяйства явился декрет СНК РСФСР от 19 февраля 1920 г. «Об упразднении Народного банка», предусматривающий передачу его функций, активов и пассивов бюджетно-расчетному управлению Наркомфина. Эмиссия бумажных денег достигла колоссальных размеров, и деньги перестали выполнять присущие им функции.

В стране процветало производство бумажных «совзнаков». Несмотря на гиперинфляцию, денег все равно не хватало, хотя их выпускали четыре типографии в Москве, Пензе, Перми, Ростове-на Дону и бумажная фабрика в Петрограде, где было занято 14 тысяч работников.

Важнейшей составной частью реформы было внедрение в хозяйственный оборот так называемого «золотого исчисления», или «счета на золото» в довоенных рублях. В довоенных рублях предписывалось составлять государственный бюджет, в золотом исчислении были установлены сборы и налоги, арендная плата и плата за коммунальные услуги и т.п. Золотой рубль как счетная единица применялся для учета деятельности промышленных предприятий и торговых учреждений, при заключении хозяйственных сделок и договоров, при расчетах с рабочими и служащими. В операциях Государственного банка, воссозданного в октябре 1921 г., и других специализированных банков (Торгово-промышленный, Электробанк, Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства и др.), целой сети коммерческих и акционерных банков, кредитовавших отдельные отрасли промышленности, так же использовался золотой рубль как счетная единица.

В итоге в стране фактически сложились и параллельно действовали две системы цен – в бумажных деньгах и в золоте, которые были связаны между собой через курс золотого рубля в «совзнаках», постоянно определявшегося как рыночными (биржевыми) котировками, так и официальными оценками Госбанком десятирублевой царской золотой монеты, к которой была приравнена новая денежная единица – червонец.

Официально началом денежной реформы принято считать 11 октября 1922 г., когда вышел декрет о выпуске банковских билетов в червонцах. Новая валюта была на 25% обеспечена золотом, другими драгоценными металлами, устойчивой иностранной валютой по курсу на золото и прочими активами Государственного банка, а на 75% легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными обязательствами. В отличие от ранее выпускаемых бумажных денежных знаков, червонцы представляли собой, таким образом, кредитные деньги. Название «червонец» возникло не случайно – этому предшествовало длительное обсуждение, в ходе которого твердую советскую валюту предлагали назвать «федералом», «целковым», «гривной». На названии «червонец» остановились в расчете на то, что это слово в сознании людей ассоциировалось с твердым золотым обеспечением денег и должно было вызвать доверие. Банковые билеты выпускались достоинством в 1, 3, 5, 10, 25 червонцев.

Первые червонцы появились в обращении 27 ноября 1922 г. и первоначально они рассматривались не как деньги в собственном смысле слова, а как особый товар, ибо законными платежными средствами продолжали числиться «совзнаки». Червонцы были кредитными деньгами, выпускавшимися Госбанком для кредитных операций и увеличения оборотных средств банка, а не для финансирования бюджетного дефицита. Формально банк не отвечал по обязательствам правительства, и отсутствие статуса законного платежного средства помогало червонцу иметь необходимое качество денежного посредника не благодаря внеэкономическому государственному принуждению, а через реальный экономический интерес. До весны 1923 г. червонец не выходил за рамки крупного оптового оборота и межбанковских расчетов, но, начиная с марта 1923 г., усиленная его эмиссия вызвала постепенное вытеснение «совзнаков» из наличного оборота, и уже летом червонец проник в розничный оборот, включая деревню.

При выпуске червонца было объявлено о его твердом золотом содержании, соответствующем прежней монетной стопе царской России. Первоначально был обещан обмен червоных банкнот на золото и начата чеканка советских золотых червонцев, полностью повторяющих метрологические характеристики (размер, вес, проба) царских золотых десятков, но, разумеется, с советской символикой. На аверсе монеты помещен рисунок сеятеля по скульптуре Шадра, а не портрет последнего российского императора Николая II, на реверсе вместо российского двуглавого орла – герб РСФСР. На практике попытка вернуться к золотомонетному стандарту не удалась, да и Наркомфин в принципе не ставил такой цели. Ведь после окончания Первой мировой войны: ни одна страна не вернулась к системе золотого стандарта в его золотомонетной форме (исключение составляли только США, где и в годы войны существовал свободный обмен бумажных долларов на золотые монеты).

В Советском Союзе формально не перешли к золотослитковому или золотодевизному стандарту, как в большинстве западных стран в 1920-е годы, но червонец пользовался устойчивой репутацией. Это было достигнуто тем, что свободная рыночная цена золота была близка к официально объявленной для чего Госбанк проводил интервенционные продажи и по-

купки иностранной валюты и золота и добился практически полной стабилизации червонца по отношению к основным зарубежным денежным единицам. В 1925–1926 гг. червонец официально котировался на валютных биржах Вены, Каунаса, Константинополя, Милана, Таллина, Тегерана, Токио, Риги, Рима, Харбина, Шанхая, Улан-Батора.

В ходе денежной реформы в стране были проведены две деноминации денежных знаков, т.е. изменение нарицательной стоимости купюр. Первая деноминация проходила в 1922 г., новые банкноты достоинством 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10000 рублей обменивались на ранее выпущенные деньги в соотношении 1 рубль выпуска 1922 г. = 10 тысячам ранее выпущенных денег. На аверсе новых банкнот имелась надпись «Государственный денежный знак. Обеспечивается всем достоянием республики» (в этой надписи примечательно то, что впервые на советских выпусках пишется денежный знак, а не расчетный). В результате первой деноминации из обращения было изъято 55 триллионов рублей ранее выпущенных денежных знаков.

Первая деноминация и выпуск устойчивой валюты червонцев не решили проблему инфляции. В стране сложилась система двойной валюты: с одной стороны, стремительно падающие бумажные «совзнаки», практически не имеющие никакого обеспечения, с другой – набирающий силу червонец, практически равный довоенным золотым деньгам. Из-за продолжающейся бюджетной эмиссии и падения курса «совзнаков» в конце 1923 г. пришлось провести вторую деноминацию. 22 октября 1922 г. СНК РСФСР принял декрет «О выпуске в обращение денежных знаков образца 1923 года». В декабре 1922 г. в обращение поступили денежные знаки достоинством в 1, 5, 10, 25, 50, 100 рублей, на оборотной стороне которых имелась надпись «Один рубль 1923 г. равен одному миллиону рублей дензнаками, изъятыми из обращения, или ста рублям дензнаками 1922 г. Прием по сему расчету обязателен для всех».

Это были последние денежные знаки, имевшие герб РСФСР и являвшиеся законным платежным средством на территории формально независимой БССР. 14–18 декабря 1922 г. в Минске состоялся IV Всебелорусский съезд Советов, который утвердил постановление об образовании СССР и вхождении в него БССР и внес соответствующие изменения в Конституцию БССР. 26 декабря 1922 г. в Москву на X Всероссийский и I Всесоюзный съезды прибыла полномочная белорусская делегация из 33 человек во главе с А.Г. Червяковым. 30 декабря 1922 г. четыре республики – РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР подписали Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. В новом государстве была установлена единая денежная система и начали выпускаться денежные знаки с гербом СССР, утвержденным 22 сентября 1923 г. Госбанк РСФСР передал право эмиссионной деятельности Госбанку СССР.

Впервые денежные знаки с символикой Союза ССР были выпущены в ноябре 1923 г. – это была купюра достоинством в 10 000 рублей. На её аверсе в левой стороне имеется белое поле в виде вертикальной полосы, где вверху изображен государственный герб СССР с шестью витками ленты на колосьях, по числу советских республик, образовавших Союз. На каждом витке имеется надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на языках республик, в том числе и на белорусском – «Пралетары ўсіх краін, яднайцеся!». Внизу полосы – цифры года выпуска знака (1923). На правой стороне, имеющей зеленый фон, помещен вид столицы СССР Москвы с панорамой Московского кремля и Большого Каменного моста, указаны наименование знака, номинал прописью, подписи Народного комиссара финансов и кассира, серия и пятизначный номер. На реверсе в центре напе-

чтан номинал купюры крупными цифрами на фоне виньетки, полное название знака и текст «Имеет хождение на всей территории Союза» на языках республик (белорусский вариант «Дзяржаўны грашовы знак Саюзу Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік», «Ходзіць на ўсім абшары Саюзу»). Это были первые в истории бумажные деньги с белорусскоязычными надписями.

На завершающем этапе денежной реформы Декретом ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1924 г. были выпущены в обращение государственные казначейские билеты номиналом в 1, 3 и 5 рублей. Основное их назначение – появление в наличном обороте устойчивых денег достоинством менее одного червонца. 10 рублей казначейскими билетами приравнивались к одному червонцу.

2 февраля 1924 г. второй Всесоюзный съезд Советов постановил ввести в обращение новую устойчивую советскую валюту. На основании этого решения в феврале–марте 1924 г. был принят ряд декретов, официально осуществивший унификацию денежного обращения. Данный пакет документов включал в себя уже упоминавшийся декрет: «О выпуске государственных казначейских билетов» от 5 февраля 1924 г., а так же декреты «О прекращении эмиссии советских денежных знаков» от 14 февраля 1924 г., «О чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты советского образца» от 22 февраля 1924 г., «О порядке выпуска советских денежных знаков» от 7 марта 1924 г. и некоторые другие. С 10 марта по 30 апреля 1924 г. был организован выкуп совзнаков, находившихся в обращении, в следующем соотношении: чтобы получить один рубль государственными казначейскими билетами образца 1924 г., необходимо было сдать 50 000 рублей совзнаками образца 1923 г. или 50 миллиардов рублей старых (до первой и второй деноминаций) образцов.

К 1 июля 1924 г. выкуп совзнаков у населения закончился. Одновременно расширилось хождение серебряных и медных монет. К середине 1924 г. денежная реформа в СССР была завершена и в стране была создана устойчивая денежная система.

Успех денежной реформы 1922–1924 гг. тем более весом, что в СССР была создана устойчивая валюта без внешних займов, в условиях экономической и политической блокады со стороны ведущих капиталистических стран.

Белевич Я.И. (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. О ПОДДЕЛКЕ ДОКУМЕНТОВ (20–30 гг. XX в.)

Подделка документов является одним из наиболее распространенных противоправных деяний, запрещенных Уголовным кодексом (далее – УК) Республики Беларусь 1999 г., относящихся к системе преступлений против порядка управления, причиняющих существенный вред установленному порядку управления, осуществляемому в различных сферах деятельности органами государственной власти и управления, местного управления и самоуправления, должностными и иными уполномоченными лицами.

Рассматриваемый состав преступления не является новым видом преступных посягательств. Нормы, устанавливающие уголовную ответственность за подделку документов, были закреплены еще в Соборном Уложении 1649 г., где выделялся такой состав, как использование подложных грамот в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных

1845 г. – подделка или использование поддельных казенных печатей и штемпелей, в Уголовном Уложении 1903 г. – подделка документа, «...могущего служить удостоверением установления, изменения или прекращения права или обязанности» – и в некоторых иных правовых актах [1, с. 808–809].

Что касается советского периода развития уголовного законодательства, то в УК РСФСР 1922 г., который применялся на территории БССР, была выделена глава «Преступления против порядка управления», которая включала такие составы, как бандитизм, уклонение от уплаты налогов или выполнения повинностей, фальшивомонетничество, контрабанда, нарушение правил о валютных операциях, сопротивление или воспрепятствование законным действиям должностного лица, его насильственное принуждение или склонение (в том числе, путем дачи взятки) к неисполнению служебных обязанностей, присвоение власти или ее неуважение и многие другие. В результате почти все деяния, так или иначе затрагивающие интересы государства и непосредственно не являющиеся «контрреволюционными», стали именовать преступлениями против порядка управления [2, с. 13–14].

Подделка документов относилась как к преступлениям против порядка управления, так и к преступлениям, посягающим на иные охраняемые уголовным законом объекты. Например, выделялись следующие составы: подделка предоставляющих право или освобождающих от повинности официальных документов (преступление против порядка управления), уклонение от призыва путем подлога, уклонение от сдачи по мобилизации животных и предметов посредством подлога, должностной подлог, хищение из государственных и общественных хранилищ путем подлога. Ст. 189 УК РСФСР 1922 г. устанавливала ответственность за имущественное преступление: подделку в корыстных целях как официальных, так и простых бумаг, документов и расписок. В данном случае подлог документа признавался противоправным уголовно наказуемым деянием, когда был средством посягательства на имущественные права. Упрощение имущественных отношений между гражданами позволило и вовсе отказаться от наказуемости подлога частных документов, что явилось следствием нечастого вступления советских граждан в гражданско-правовые отношения друг с другом.

УК БССР 1928 г. в ст. 170 устанавливал ответственность за подделку в корыстных целях только официальных бумаг, документов и расписок, тем самым устранив уголовную ответственность за подлог частных документов.

Ввиду понимания в советском праве управления предприятиями в качестве вида государственного управления, документы, исходящие от общественных и государственных предприятий, стали рассматриваться в качестве документов официальных. Их подделка наказывалась как преступление против порядка управления. Сам по себе подлог утратил в значительной степени общественную опасность. Документы служат, прежде всего, для ограждения частных прав и интересов и во многом утрачивают свое значение, если роль частного права в жизни общества поглощается непосредственным распорядительным управлением.

Общее понятие документа не определяло в советском праве всех признаков предмета какого-либо преступления, оно всегда должно было быть дополнено специальными признаками для того, чтобы в качестве предмета войти в определение признаков состава какого-либо преступления. Во всех случаях документ должен был исходить от какого-либо государственного или общественного учреждения, организации или предприятия либо находиться в их ведении [3, с. 23–24].

Таким образом, установление ответственности за подделку документов по советскому уголовному законодательству имело свои особенности, связанные, прежде всего, с развитием и совершенствованием управленческих отношений. В настоящее время выделение рассмотренного состава преступления в качестве уголовно наказуемого деяния подчеркивает важность правовой охраны отношений, возникающих по поводу обращения официальных документов, для государства и общества в целом.

1. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / И.Я. Козаченко [и др.] ; под ред. З.А. Незнамова и Г.П. Новоселова. – М. : Норма, 2006. – 920 с.
2. Гончаров, Д.Ю. Официальные документы : проблемы квалификации по Уголовному кодексу РФ / Д.Ю. Гончаров // Право и экономика. – 2000. – № 12. – С. 12–15.
3. Клепицкий, И. «Должностное лицо» в уголовном праве (эволюция правового понятия) / И. Клепицкий // Законность. – 1997. – № 10. – С. 23–26

Билевич О.И. (Брестский государственный технический университет)

РЕАКЦИЯ США НА РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Распад Советского Союза и появление новых суверенных государств на постсоветском пространстве представляют собой редкий поворотный момент в мировой истории. Тот факт, что западные эксперты не смогли предугадать распад Советского Союза, можно отчасти отнести на счет своего рода исторического ревизионизма, который был склонен преувеличивать стабильность и законность советского режима. Те, кого сложно было заподозрить в излишних симпатиях к коммунизму, были точно так же смущены его крахом. Один из архитекторов американской стратегии холодной войны Джордж Кеннан написал, что, размышляя над общей картиной «истории международных отношений современной эпохи», он обнаружил, что «сложно помыслить событие более странное и изумляющее и, на первый взгляд, необъяснимое, чем внезапное полное распадение и исчезновение ... величайшей державы, известной как Российская империя, а позднее, как Советский Союз» [1]. Ричард Пайпс, один из ведущих американских историков, специалист по изучению Советского Союза, а также консультант американского президента Рональда Рейгана, назвал эту революцию «неожиданной». Сборник эссе о крахе Советского Союза в специальном выпуске консервативного журнала *National Interest* был озаглавлен «Странная смерть советского коммунизма». Реакции на распад Советского Союза были и остаются принципиально разными.

Для подавляющего большинства американских политических деятелей это был однозначно положительный поворотный момент в российской и мировой истории. Причем по мере того, как в американской триумфалистской интерпретации распад СССР быстро стал определяющим событием. Преобразования Горбачева оказались принижены и почти забыты – вместе с былой надеждой Запада на их успех. Весь период существования советского государства отныне был представлен в американской прессе как «семь десятилетий существования косного и безжалостного полицейского государства», «не просто империя или катастрофа, а гигантское преступление», «ужасное прошлое» и история, «насквозь пропитанная злом даже большим, чем мы думали раньше» [2]. Один ведущий колумнист даже заявил, что «фашистская Россия» была бы «гораздо лучше» [2]. При-

мерно такой же была и реакция американских ученых. Все они, за малым исключением, дружно вернулись к старым советологическим аксиомам, гласившим, что система всегда была не реформируемой, а ее судьба – преддрешенной. Тезис о том, что в советской истории были весьма обещающие реформы, был снова отвергнут, как «невероятная идея», основанная на «сомнительных предположениях». Эволюционный «средний путь» Горбачева якобы был «химерой», как и нэп в свое время, и, стало быть, Советский Союз скончался от «недостатка альтернатив» [2]. Большинство ученых, даже в свете последовавших трагических событий, более не задавались вопросом: а может быть, для советских республик реформируемый Советский Союз был бы лучшей надеждой на посткоммунистическое будущее? Они считали, что все советское «должно быть отброшено» путем «полного сноса всего здания политических и экономических отношений» [2].

В августе 1991 года посетивший с визитом СССР президент США Джордж Буш – старший, выступая в Киеве, призывал как аудиторию, так и все советские народы к сохранению Союза. Ни американские антисоветчики, назвавшие это выступление «котлетой по-киевски», ни украинские «самостийники» не могут и по сей день простить этого Джорджу Бушу – старшему. Действительно, для большинства западных лидеров стремительный распад СССР выглядел пугающе. Несмотря на то, что десятилетиями велась работа, направленная на его развал, которая особенно усилилась в перестроечные годы. Однако на Западе предполагали, что процесс этот будет протекать в плавном режиме и растянется на годы. Политиков на Западе в первую очередь пугала проблема советского ядерного арсенала, перспектива появления нескольких новых ядерных держав, угроза расползания ядерных запасов по другим странам мира и возможность их попадания в руки террористических группировок. Тот «порядок» в СССР, что установился при Горбачеве, с политической точки зрения Запад вполне устраивал.

Стивен Козн, американский историк, специалист по изучению Советского Союза, размышляет о том, как августовский путч 1991 года в конечном итоге привел к распаду Советского Союза в декабре 1991 года: «Новые же режимы, возникшие на осколках Союза, могли оказаться просто непредсказуемыми. Хотя, конечно, и ГКЧП, который, как предполагали и его сторонники, и противники (и в СССР, и за рубежом), намеревался установить в стране жесткий порядок и покончить с ползучим развалом государства, Западу не мог понравиться по определению. Было ясно, что при реформировании страны были большие проблемы. Но, честно говоря, как мы наблюдали из посольства, советское правительство действовало. Оно продолжало развивать свою внешнюю политику. Оно должно было иметь военную структуру, которая была сплоченной, и осуществляло структурирование экономических реформ на национальном уровне. Так что настроение было не из «разлетающихся». Было видно, что большая часть страны выступала за существование Советского Союза» [3]. Джеймс Коллинз, временный поверенный в делах США в СССР в 1991 году, считает, что «...на протяжении большей части 1990 года и до осени 1991 года мысль о том, что СССР был неизбежно обречен, никому не приходила в голову. И именно поэтому августовский путч был оценён критически. Это были драматические события. Но то, что произошло в эти три дня, резко изменило всю политическую ситуацию в Советском Союзе, так как коммунистическая партия потеряла свои позиции. Через несколько дней она была объявлена вне закона. Г-н Горбачев перестал быть Генеральным секретарем ЦКПСС, теперь он был президентом Советского Союза, но без партийных функций. И вся ткань, которая держала всю эту систему вместе, идеологические структуры

перестали существовать» [3]. Вышеизложенные мысли Джеймса Коллинза о причинах распада СССР созвучны взглядам многих историков на постсоветском пространстве.

Джеймс Коллинз, самый высокопоставленный американский дипломат в СССР в то время, размышляет о реакции правительства США на события августовского путча 1991 года, о том, что никто из западных историков не предвидел распада СССР в ближайшее время: «Августовские события были драматическими. Никто в правительстве США не ожидал такого поворота событий, не понимал что происходит. Правительство вынуждено было реагировать. Я думаю, что правительство действительно реагировало очень хорошо на изменение событий мирового значения. Не осуществляли необдуманных действий, были осторожны в суждениях о том, как подойти к решению проблемы. В годы, предшествующие 1991 году, практически ни один западный эксперт, ученый, чиновник или политик не предвидели приближение распада Советского Союза, с его однопартийным диктаторским режимом, с его государственной экономикой и тотальным контролем Кремля внутри страны. Не ожидали (за редким исключением) этого и советские диссиденты; не ожидали, судя по мемуарам, и сами революционеры. Когда Михаил Горбачев в марте 1985 года был избран Генеральным секретарем ЦК коммунистической партии, ни один из его современников не почувствовал близость революционного кризиса. Были, конечно, разногласия по вопросу масштабов и глубины проблем советской системы; но никто не думал, что они окажутся несовместимыми с самим ее существованием; во всяком случае, так скоро»[1].

В чем причина столь поразительной всеобщей неадекватности? Если рассмотреть экономическое развитие СССР, то ни один из ключевых экономических показателей до 1985 года не указывал не быстрое приближение катастрофы. С 1981 по 1985 год рост ВВП страны, хотя и несколько замедлился по сравнению с 1960-ми и 1970-ми годами, но все же составлял в среднем 1,9% в год. Такое же вялотекущее, но едва ли катастрофическое положение сохранялось вплоть до 1989 года. Бюджетный дефицит, со времен Великой Французской революции, считавшийся одним из признаков грядущего революционного кризиса, тоже составлял в 1985 году меньше 2% ВВП. Несмотря на его быстрый рост, к 1989 году он все еще был ниже 9% – то есть, на уровне, который многие экономисты считают еще вполне контролируемым. Резкое падение цен на нефть, примерно с 66 долларов за баррель в 1980 году до примерно 20 долларов за баррель в 1986 году (в ценах 2000 года), конечно, тяжело ударило по советским финансам. Однако, с поправкой на инфляцию, нефть на мировых рынках была дороже в 1985 году, чем в 1972, и стоила всего на одну треть ниже, чем на протяжении 1970-х в целом. В то же время советские доходы в 1985 году возросли более чем на 2%, а зарплаты после внесения поправок на инфляцию продолжали расти в следующие пять лет до 1990 в среднем на 7%. Вышеуказанные экономические показатели свидетельствуют о том, что застой был очевидным. Однако, как подчеркнул профессор Узслевского университета Питер Рутланд, «...хронические болезни, в конце концов, не обязательно смертельны»[1]. Один из лучших исследователей экономических причин распада СССР Андерс Ослунд отмечает, что с 1985 по 1987 год ситуация «вовсе не была драматической» [1]. По мнению американских историков, США не сыграли роль катализатора в распаде Советского Союза. «Рейгановская доктрина» противостояния и, по возможности, обращения вспять успехов Советского Союза в странах «третьего мира», оказала значительное давление на СССР в таких странах, как Афганистан, Ангола, Никарагуа и Эфиопия. И все же советские трудности и тут тоже были далеко не фатальными. «Мы склонны забывать, –

отметил позднее историк Адам Улам, что в 1985 году правительство ни одного из крупных государств не выглядело столь прочно стоящим у власти, со столь ясно определенным политическим курсом, как правительство СССР»[1].

Конечно, было множество конструктивных причин – экономических, политических, социальных – того, почему Советский Союз должен был развалиться; однако все они не могут полностью объяснить, как это случилось, когда это действительно случилось.

Политические и экономические альтернативы продолжали существовать в России и после 1991 г. Впереди были новые решающие битвы и судьбоносные решения. Что касается кончины Советского Союза, то ни один из факторов, так или иначе повлиявших на такой исход, не был predetermined. Но среди этих факторов были не только подлинные демократические и рыночные устремления, но и жажда власти, политические перевороты, стяжательство элиты, экстремистские идеи и то, что воспринималось большинством как не легитимность и «величайшее предательство XX столетия». Все эти факторы продолжали играть свою роль и после 1991 г., но уже тогда должно было быть ясно, какие из них возобладают.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что распад Советского Союза в 1991 году оказался неожиданным для США, которые, однако, положительно восприняли исчезновение с политической карты мира своего основного соперника.

1. Леон Арон. Забудьте все, что вы знали о распаде СССР (ForeignPolicy, США) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/history/20110718/172154108.html> – Дата доступа: 18.07.2011.
2. Стивен Козн. Антимодернизация. Распад СССР не был прорывом к демократии [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsAphp?st=1161927060> – Дата доступа: 27.10.2006.
3. Fall of the Soviet Union—The Inside Story James F. Collins [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://carnegieendowment.org/2011/08/18/fall-of-soviet-union-inside-story/8kmz> – Дата доступа: 25.10.2012.

Бодак А.Ю. (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СОСТАВЕ СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Вопрос о реальности суверенитета Беларуси в составе СССР является риторическим. Точно так же обстояли проблемы суверенности остальных союзных республик. Послушное белорусское руководство в своей национальной политике руководствовалось тезисом «И.В. Сталин – создатель БССР». Формально БССР имела все атрибуты суверенитета в составе СССР. В январе 1949 г. пышно отпраздновала своё 30-летие, в сентябре того же года с разрешения Сталина и 10-летие воссоединения. 28 декабря 1951 г. Указом Президиума Верховного Совета БССР республика получила новый флаг, более «соответствовавший национальной тематике», чем прежний. Как свидетельствовала «Звезда»: «Новый флаг символизирует кульминацию ленинско – сталинской национальной политики» [1]. В 1955 г. Москва утвердила текст и музыку гимна БССР [2].

Беларусь имела представительство в Совете Национальностей и Совете Союза ВС СССР, имела право законодательной инициативы в союзных органах власти и могла потребовать созыва внеочередной Сессии ВС СССР. Все декларативные права БССР наглядно представимы при сопоставлении статей 14 Конституции СССР и 19 – Конституции БССР:

КОНСТИТУЦИЯ	
СССР	БССР
представительство в международной сфере	представительство в международных делах
решение вопросов войны и мира	
принятие в состав СССР новых союзных республик	
контроль за выполнением Конституции СССР и регулирование в этой связи Конституций союзных республик	Установление Конституции БССР и контроль за ее выполнением
вопросы государственной безопасности	охрана государственного порядка и прав граждан
утверждение народнохозяйственных планов СССР	утверждение народнохозяйственных планов БССР
единый государственный бюджет	установление государственных и местных налогов и сборов
основное законодательство по отдельным областям права	соблюдение законодательства и руководство судебными органами
руководство банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями союзного масштаба	руководство банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями союзно-республиканского подчинения
общее руководство промышленностью и строительством союзно-республиканского подчинения	руководство местной промышленностью и определением порядка землепользования
руководство транспортом и связью	дорожное строительство, руководство городским и местным транспортом и связью
руководство денежной и кредитной системой	
	определение границ и районов, образование автономно административных районов
	руководство страховым и сберегательным делом, жилищным строительством и благоустройством населенных пунктов, жилищно-коммунальным хозяйством
	трудовое законодательство
	руководство системой социального обеспечения, образованием, культурно-просветительскими, научными организациями и учреждениями
	охрана здоровья, физкультура и спорт

Таким образом, Беларусь делегировала Центру защиту, внешнюю торговлю, финансовую политику, правовой приоритет, госбезопасность – важнейшие составляющие суверенной политики. Оставшиеся в её ведении прерогативы имели какой-либо серьёзный смысл как раз при наличии именно тех прав, которые были отданы Москве. В ином случае государственная машина республики работала на правах эдакого земства. Тем более, что союзное законодательство со временем обрастало косвенными положениями, урезающими и без того куцые республиканские права. Например, в этот период – 11 февраля 1953 г. родилось постановление СМ СССР «О расширении прав министров СССР».

Наиболее конкретным примером, опровергающим наличие реального суверенитета и подавления даже декларированных прав БССР, стали территориальные преобразования послевоенного периода. Статья 16 Конституции БССР гласила, что изменение территории республики не может произойти без согласия БССР. Как было учтено мнение БССР по Белостокскому вопросу – известно. Кроме того, другие, сугубо белорусские территориальные вопросы, не имевшие такого политического и стратегического значения, как Бе-

лостокий. так же решались не в Минске, а в Москве. Именно согласно Указам Президиума ВС СССР от 20 сентября 1944 г. были образованы Бобруйская, Полоцкая и Гродненская области, а областной центр Вилейской области перенесён в Молодечно.

Несколько проясняется данный вопрос в воспоминаниях П.К. Пономаренко – создание новых областей мыслилось центральным руководством на случай обороны /та делегирована Центру/. дабы в возможной прифронтовой полосе существовали «крупные областные центры с рабочим классом». Таким образом, вмешательство в любой республиканский закон было легитимно обосновано общесоюзными приоритетами.

Но если указанные мероприятия Центра увязываются с положениями Конституций СССР и БССР, то последующие административно-территориальные изменения /упразднение Барановичской, Бобруйской и Пинской областей – как же «прифронтовая полоса»! – перекройка границ районов, переносы райцентров, осуществляемые союзным руководством, оказываются подзаконными. На степень суверенитета в экономической сфере указывает Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП/б/ от 6 сентября 1946 г. «О создании собственной базы снабжения мясом населения г.Москвы и прилегающих промышленных городов и г.Ленинграда и прилегающих промышленных городов». Под «собственной базой» здесь подразумевалась Полоцкая область [3]. На ее сельскохозяйственное развитие Центр выделял средства. Республика только констатировала данный факт.

На международной арене БССР играла роль «свадебного генерала», несмотря на заметные изменения официальной позиции советского руководства по отношению к внешней политике союзных республик. 1 февраля 1944 г. 10-я Сессия Верховного Совета СССР даровала им более широкие права в данной сфере. Им было разрешено заключать межправительственные договоры, обмениваться посольствами и консульствами. В феврале 1944 г. СНК СССР преобразовал Наркоминдел в союзно-республиканский, т.е. БССР формально получила своё соответствующее республиканское ведомство.

Беларусь явилась одним из учредителей ООН. Великобритания и США были согласны с её приёмом в эту организацию. У. Черчилль заявлял: «Мое сердце – с Белоруссией, оно обливается кровью при виде ее ран». БССР ратифицировала Устав и была избрана членом ряда органов ООН. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе /естественно, согласованной с Центром/ БССР приняла резолюцию о выдаче и наказании военных преступников. В 1954 г. БССР совместно с СССР и УССР вошла в состав ЮНЕСКО. Тогда же БССР присоединилась к Международной конвенции «В защиту жертв войны», «О политических правах женщин». В 1955 г. Беларусь была принята в МОТ.

Помимо участия в деятельности ООН и её дочерних организаций, БССР приняла участие в работе Парижской мирной конференции, подписала и ратифицировала мирные договоры с бывшими германскими сателлитами. Формальное ощущение суверенности тешило руководство республики во время таких мероприятий, как официальный визит в БССР делегации польского сейма в декабре 1955 г.

Однако, несмотря на активную деятельность в международной сфере, БССР общалась с внешним миром через Москву. Все её внешнеполитические инициативы строго дозировались Центром. Так, делегация БССР воздержалась при принятии Всеобщей декларации прав человека. Попытки западных стран обменяться посольствами с союзными республиками СССР, в том числе БССР, натолкнулись на молчание Центра. В Минске так и не было открыто консульство Польши, несмотря на соответствующие договорённости. Белорусский МИД, надо думать, такой инициативы со своей стороны не проявлял.

Подоўжываючы вышесказанае, следуе адзначыць, што вызначанае абмежаванне суверенітэта саюзнай рэспублікі ў рамках аднаго велікага дзяржавы – факт аб'ектыўны. Аднак існавалі і такія абмежаванні, якія ў каранне супярэчылі інтарэсам Беларусі (как, вядома, і другіх такіх жа дзяржав ССРС).

1. Звязда – 1951. – 28 ліст.

2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 4. – Оп.62. – Д.421 – л.87.

3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 47. – Оп.29. – Д. 842а – л.115.

Борсук Н.М. (Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт)

«МІЖ ДВУХ БЕРАГОЎ...»: ВОБРАЗ ЛІРЫЧНАГА ГЕРОЯ Ў ТВОРЧАСЦІ ПАЭТАЎ-ЭМІГРАНТАЎ

Шмат таленавітых плодных пісьменнікаў параскідана па свету. Адарвананы ад сваіх беларускіх каранёў ў адзіноце дагаралі А. Салавей у Аўстраліі, У. Дудзіцкі ў правінцыі Венесуэлы – Турэне, Н. Арсеннева ў Рочэстэры, М. Сяднёў, Р. Крушына ў Саўт-Рыверы (штат Нью-Джэрсі ЗША).

Пік беларускай эміграцыі прыпадае на пасляваенны перыяд (пагодле вызначэння вучонага-гісторыка А. Калубовіча, гэта была восьмая хваля беларускай эміграцыі, пачынаючы ад часоў паўстання Т. Касцюшкі). Шкада, што многія па-ранейшаму без разбору, не ўчытваюцца ў творы пісьменнікаў-эмігрантаў і лічаць тых, хто пакінуў радзіму ў 1944 годзе здраднікамі, калабарантамі. Яны – не ворагі народу, не ўцекачы, не выгнанцы. Гэта – палітычная эміграцыя, пісьменнікі, якія пакінулі радзіму, але толькі геаграфічна. Усе пісьменнікі-эмігранты, нягледзячы на тое, што валодалі асноўнымі еўрапейскімі мовамі, пісалі свае творы па-беларуску, бо беларуская мова была для іх першаасновай жыцця наогул.

Амерыка стала прытулкам для Наталлі Арсенневай, але ж гэтая краіна не стала блізкай і дарагой сэрцу паэтэсы. Невыпадкова ёй мастачка слова не прысвяціла ніводнага верша. А ці магло быць па-іншаму для чалавека, месца нараджэння якога – Вільня, для паэткі, якая ў вершы, прысвечаным улюбленаму гораду (верш «Вечар у Вільні») яшчэ ў раннюю пару сваёй творчасці выказала заветную мару – сустрэць у родным краі апошнюю зару: «Малюся тут сваю апошнюю / зару я сустракаць, / адсюль – / пайсці адвечным шляхам...».

Н. Арсеннева вымушана было многа працаваць, каб зарабіць на кавалак хлеба. Зразумела, што аб паэзіі думаць не было калі. Тым не менш, апынуўшыся «між берагамі» яна не ўзбунтавалася, не ўзлавалася, не загарэлася помстай, а прымірылася з накіраваным лясам («Мой лес даў можа болей, як каму»). «Скарэнне» Н. Арсенневай перад доляю не мае нічога агульнага з прыстасаванствам. Паэтэса любіць жыццё і смакуе яго на кожным кроку: «А я люблю жыццё, / ягоны смак гаркавы / ніколі йшчэ ня здаўся мне бліжэй» (верш «Тут гэтага няма»).

Калі ж туга па роднаму краю становіцца невыноснай («туга, якой не выліць», «ня збыць тугі», «кі хоць воўчай тугой завуўна галасіць ня сьціхаюць дні...»). Н. Арсеннева дазваляе сабе «выплакацца» на сваю долю па-жаночаму ціха, не павышаючы, не надрываючы голасу. Гэтыя пачуцці паэтэса выяўляе ў вершах-элегіях, вершах-успамінах, успамінах-замалёўках. Для перадачы адчуванняў выкарыстоўвае час ад часу шэрыя колеры, але ніколі не ўжывае Н. Арсеннева рэзкія чорна-белыя.

Дарэчы, пачуцці смутку, тугі па радзіме ў пазычнай творчасці М. Сяднёва афарбоўваюцца ў светлыя, празрыста-блакітныя тоны неба. Адсюль і лёгкае, нязмушанае гучанне верша (верш «Смута»), а перавагу пазт-эмігрант для перадачы свайго лірычнага «я» аддае ўнутранаму маналогу, дыялогу, вершам-лістам, малітвам, невялікім лірычным замалёўкам, вершам-зваротам. Бачна, як М. Сяднёў паступова перастае жыць «сам перад сабой на паядынку», больш пільна ўглядаецца ў незнаемую Еўропу: «тугу, мой верш, адкінь, / заўсёды сніся маладое...». «Цяпер я ў неба болей закаханы / і бег хмурынак разумею болей, чым калі. / Гляджу ў неба я – і зажываюць раны, / Што атрымаў я на пакутлівай зямлі...» (верш «Цяпер у неба...»).

Праз усе вершы эміграцыйнага перыяду Н. Арсенневай праходзіць вобраз Бацькаўшчыны: «Мой край», «Блакітная, далёкая Радзіма», «О, Бацькаўшчына, любая без меры», «Мая Радзіма-Беларусь», «Беларусь, Беларусь зялёная, палыменны, балючы сон». «Радзіма! Беларусь! Каханая, святая!» «Не цалавала рук / нікому я ў жыцці. / Табе-ж, / мая зямля, / я цалавала-б ногі» (верш «Сон»).

У вершах, напісаных «на ростанях» выразна акрэслена трагедыйна постаць лірычнай гераіні Н. Арсенневай. То яна прадстае перад чытачом у вобразе кволага, адзінокага лістка, адарванага ад роднага дрэва («Я ж толькі лісток прыжаўцелы, табе бяз крыві і бяз цяла // вятрамі ўкінены ў рукі...»), то праз бясконцы параўнанні «ў нас» і «тут» перадае да болю несучасны ўражанні ад сустрэчы з «нязнаным, новым светам» («Тут гэтае завуць зіма», «Тут гэтага няма», «О, Новы Край, /.../ будзь нам прытулкам цёплым і ўтульным, / але ня Бацькаўшчынай, / не!»).

І толькі трэдку Н. Арсеннева звяртаецца да дэкларатыўна-публіцыстычных інтанацый і, падобна М. Багдановічу, заклікае: «Вазьмі мяча ці дзіду / ды бі іх, Маці, бі і дзідай і мячом / у сэрцаў шэрае, амшэлае каменье, / ... / О, Маці, / Маці, / Маці Беларусь! / Дык бі іх, / бі за ўсё, / за ўчора і за сяння!» (верш «Сыны й Маці»).

Жыццёвае крэда пазтэсы – як бы цяжка не было, «не трэба мяняць душу на ка-меньне». Па магчымасці яна імкнецца спатоліць духоўную смагу ў творчасці («бага-славёныя змаганне. Боль і праца! / Праз іх, хоць плачам мы, ірвёмся – ды жывём!»). Калі ж вера, што калі-небудзь ёй давядзецца ўбачыць радзіму, страчваецца, яна моліцца, каб добры Кон даў шчаслівы лёс далёкай любімай Бацькаўшчыне. Па гэтай прычыне ў творчасці пазткі ўсё часцей гучыць тэма ўваскрэснення Хрыста, малітвы-споведзі («Верце!», «Ускрэсьні!»). Перахварзўшы Амерыку, бетонную, непрыветлівую, лірычная гераіня Н. Арсенневай адчула асаблівую роднасць са светам прыроды: «Восень, восень, калі-ж / напалам перарэжам / мы з табой і ўцеху, і смутак упойны? / Гэтак будзеш ты мной, / з маёй смагай і жалем, / я-ж табою, / зыркою і перапялёстай» (верш «Гэтак будзеш ты мной»).

Асноўным аб'ектам мастацтва з'яўляецца прыгажосць. Гэтую традыцыю ў развіцці еўрапейскай паэзіі працягвае другі пазт-эмігрант Янка Юхнавец: «Я прыгаства ніяк не атулю...», «Чараўніча на свеце ўсё!», «расьціна кажная жыццё свае / у тысячах цягліц прыгажыла». Нават з вышэйпрацытаваных пазычных радкоў бачна, як захапленне «чарам зямлі» гарманічна спалучаецца ў творчасці паэта з «чудам жыцця» і адно не можа існаваць без другога. Нягледзячы на гэта, жыццё «ля чужых берагоў», безумоўна, выклікае хвілінныя трывожныя адчуванні ў душы лірычнага героя Я. Юхнаўца. Пакута быцця, адзінота-самота асобы выразна акрэсліваюцца ва ўстойлівых выразях аўтара зборніка «Шорах моўкнасьці»: «ад болю ран», «пакуты дзён», чужакія абшары», «спалялела шчасце», «вауком плятуся па чужыне», «на зямлі бытую адзінотным», «змрочнасьць у душы». Па гэтай прычыне матыў пакорлівасці ў шасцідзiesiąтыя-

сямідзiesiąты гады двойчы ўрываецца ў творчасць паэта-жыццялюбца: «Чалавек жыццёю вялікая абраза». «Для жыцця ўсёдна ці ты ёсць, ці няма цябе! / Жыццёю прыхільнікі не патрэбны». Такі матыў ўрываецца не толькі ў творчасць Я. Юхнаўца.

Драматызм светаўспрымання даходзіць наогул да таго, што і Уладзімір Клішэвіч пачынае сумнявацца ў стваральнай дзейнасці чалавека («прашуміць над жыццём чалавечым / дасягненняў ягоных чума...»)

Чужына, якая «не галубіць, не песьціць», нараджае матывы бессэнсоўнага жыцця, бясконцай дарогі ў творчасці Янкі Золака. Думкі падчас душэўнага надломю пэнт занатоўвае ў афарыстычных чатырохрадкоўях. Для яго гэта своеасабліва спроба пераадолець адчуванне нейкай часовасці жыцця, тужліваю непрадказальнасць: «Калі суворы лёс табе дасць аплявуху, / Суцеш сябе, што быць магло б і горш, / Пакулу жывеш, ня траць надзеі, веры, / Што прыйдзе да цябе прамудрасць і любоў» (верш «Калі суворы лёс»).

«Песні-думы» эміграцыйнай ліры паэт Уладзімір Дудзіцкі характарызуе як «трываю душы», «замардованыя мроі», «журботныя струны». Наколькі ў жыцці ён быў рашучым, дзейным, не губляўся ні ў якіх сітуацыях, настолькі адзінокай, тужлівай была яго лірыка. Гэта абумоўлена тым, што паэт апынуўся без сяброў, без людзей, блізкіх па духу, у далёкай спякотнай паўднёвай правінцыі Венесуэлы – Турэне. Падобныя эпітэты, метафары перш-наперш сустракаюцца ў настальгічных вершах-зваротах да заўчасна і даўно загінутай Маці: «Ня крыўдуй, дарагая Мама, / наяву і ў сьне жывеш ты. / Цяплынёю да сьмерці самай / знітавала гадоў маіх рэшту... / Пра самога ж такое ведай, / вось каб толькі б дайшла дэлепа: / як той камень. – удаўся ў дзеда, / адно сушаць туга і вершы. / Ня журыся. На цэле, кажучы, / ня сьціраецца знак радзімы... / Хоць упокат дзе-небудзь ляжам, / але зьблізімся... / Сын Уладзімер».

Маці і Сын – гэтыя два вобразы сталі даволі сімвалічнымі ў творчасці амаль усіх паэтаў-эмігрантаў. Напрыклад, Алесь Салавей, лёс якога закінуў у далёкую Аўстралію, праз названьня вобразы выказвае свае нацыянальна-патрыятычныя пачуцці. Вобраз Маці-Беларусі ён параўноўвае з вобразам Божай Маці, якая ішла дарогамі пакут, страт, цяплення ў пошуках свайго сына Ісуса, а беларуская Маці шукае сына на дарогах выгнаньня, зьяўлення, вайны: «Адарвалі, схалілі, сілком павялі. / Зьледзянелыя хмары. І водгулье грому. / Ці жыве на далёкай зямлі? / Ці прыйдзе дадому?..» (верш «Смутлівая маці»).

«Міжагнёўе» – сімвалічная назва паэмы Міхася Кавыля, як і шматзначная метафара Н. Арсенневай «між берагамі», вызначае стан душы эмігрантаў. На наш погляд, заслуга гэтага паэта як мастака слова ва ўменні пераадолець «дзіды жыцця» праз эстэтызацыю, упрыгожанне, часам ускладанне верша лексічнымі знаходкамі, незвычайнымі рыфмамі, пошукамі ў галіне формы. М.Кавыль першы ў беларускай літаратуры напісаў вянк санетаў, кароны санетаў, якія пачалі з'яўляцца з 1956 года.

Вершы-газэлі, танкі, паўтанкі, паліндромы, туюгі Рыгора Крушыны, якімі паэт апарэдыў шмат у чым (у сэнсе фарматворчасці) наватарскія кнігі Алесь Рязанова, – гэта не столькі дзеля формы, пэтычных практыкаванняў. Ён карыстаўся імі дзеля выказвання сваіх пачуццяў да Бацькаўшчыны: «Пойдзем, любая, у шлохі гаю! / Бачыш, словамі раны гаю. / Дыямантаў, караляў ня маю – / Нясу табе песьню маю» (верш «Заміж караляў»).

Услед за М. Багдановічам і Алесь Салавей выразна ўсведамляў, што «няма красы без спажытку, бо сама краса і ёсць той спажытак для душы...». Па гэтай прычыне паэт-эмігрант імкнуўся не абніжацца да моўнага ўзроўню чытача. Ні ў аднаго беларускага паэта мы не знойдзем столькі вершаў класічнай формы (санеты, вянк санетаў, актывы, рандо, трыялеты, тэрцыны). М. Сяднёў быў заўсёды ў пошуках новага слова, яго адценняў, ствараў неалагізмы («жаўроніць вясна», «вечер ветліцца з травой», «заскорбляў душы», «згібенне», «жальны крык», «ацвеченая краса»).

Як бачна, толькі апынуўшыся за межамі Бацькаўшчыны, чалавек здольны ўсвядоміць што такое выгнанне. Вонкава жыццё працякала вельмі цяжка. Але цяжэй было ад пакутлівага ўнутранага стану. Думка: як існаваць без радзімы? бясконца свідрала душу 3 гэтым раздвоенным станам душы і вандравалі па дарогах Еўропы, Амерыкі, Аўстры Н. Арсеннева, А. Салавей, М. Сяднёў, М. Кавыль, Я. Золак, У. Дудзіцкі, Р. Крушына многія іншыя пазты-эмігранты. Несучы крыж выгнанніка, яны апантаны былі адной любоўю – мастацкай творчасцю, якая пазначана душэўным надломам, балючай памяццю пра далёкую Айчыну, лёс свайго пакалення.

Будник О.А.(Брестский государственный технический университет)

МОДИФИЦИРОВАННЫЕ И СОБСТВЕННО-АВТОРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М.А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

Фразеология – та особая сфера лингвистической науки, которая позволяет представить особенности быта определённого народа, региона через только ему свойственные обороты речи. Интересны имеющие непосредственное отношение к истории становления фразеологии русского языка работы И.И. Срезневского, учение Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, которое продолжили и развили Д.Н. Ушаков и В.К. Порезинский, статьи В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, работы Б.А. Ларина, С.И. Ожегова и других.

Повседневная речь не включает весь арсенал выразительных средств. Их правильное употребление придает нашей речи дополнительную эмоционально-экспрессивную окраску, иллюстрирует ее неповторимыми «картинками» самобытности народа.

В рамках фразеологического исследования интересным представляется обращение к анализу фразеологических оборотов как выразительных средств языка романа М.А. Шолохова «Поднятая целина».

Кажется, что тема первой и второй книг романа одна: жизнь казачьего хутора в 1930 году, коллективизация, период суровой и решительной ломки общественных отношений. Но при более внимательном сопоставлении во второй книге виден новый взгляд автора на своих героев, на события прошлого.

Автор «Тихого Дона», написанного в 1940 году, пережил Великую Отечественную войну, тяжелые послевоенные годы, великие перемены после XX съезда КПСС. Эти обстоятельства и определили его новое отношение к героям «Поднятой целины», что, в свою очередь, отразилось в языке второй книги романа.

Известно, что наряду со словосочетаниями, построенными по сложившимся в языке грамматическим правилам сочетаемости и состоящими из слов, диктуемых логикой мысли, в языке функционируют такие сочетания слов, которые являются целостными единицами обозначения чего-либо и не создаются, а воспроизводятся в речи целиком – фразеологизмы.

Фразеология (от греч. *phrasis* – выражение, *logos* – учение) – раздел лингвистики, в котором изучаются семантические, морфолого-синтаксические и стилистические особенности устойчивых словосочетаний.

В связи с анализом фразеологизмов в языке романа М. Шолохова «Поднятая целина», важно отметить, что автор романа родился на хуторе Кружилине станицы Вешенской Донецкого округа и жил среди донских казаков. Язык этого региона Шолохов воспроизвёл в романе «Поднятая целина», где широко используются диалектизмы. Диалектизмы в шолоховских произведениях – не набор случайно услышанных человеком городской культуры деревенских слов, а точное отражение родной писателю донской речи. Они используются автором как образные поэтические средства.

При составлении классификации фразеологизмов по лексико-семантическому признаку было выделено 3 группы: собственно фразеологизмы, авторские и модифицированные фразеологизмы.

К модифицированным фразеологизмам можно отнести такие, как *курам на смех (курам на смех)*, *кровя высосал (кровь высосал)*, *глаз коли (глаз выколи)*, *волосья дыбом (волосы дыбом)*.

К авторским фразеологизмам относятся словосочетания типа *протянули меня в игольную ушку*, *вяза враз скрутят*, *засосет в доску*, *хвост в зубы*, *засосет в грядях*, *не обнять глазом*.

Наиболее многочисленной является первая группа: выражения типа *едрёна-зелена*, *к ядрене фене*, *язви их в жилу*, *едрить твою за кочан* и другие. Во фразеологических словарях эти фразеологизмы не зафиксированы, но их можно определить как грубо-просторечные.

В модифицированных фразеологизмах происходит замена слова или морфемы другим словом или морфемой в устоявшемся обороте. Например, *зубы не лечи (зубы не заговаривай)*, *разобьюсь в доску (разобьюсь в лепешку)*, *курам на смех (курам на смех)*.

К собственно-авторским фразеологизмам относятся выражения *вяза скрутят*, *засосет в доску*, *протянули в игольную ушку*, *выбить ей бубну*, *омочить кулаком*. Это та немногочисленная, но интересная группа, примеров и описания которой не встретим ни в толковом, ни во фразеологическом словарях.

Многообразен и бесценен вклад Шолохова в мировую культуру. Воздействие его произведений испытывает на себе и современный читатель. Они приобретают новую окраску для каждого поколения. Несомненно, у романа «Поднятая целина» всегда найдутся свои читатели. И в этом неумирающая сила художника.

1. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова [и др.] ; под общ.ред. А.И. Молоткова. – 5-е изд. – СПб : Вариант, 1994. – 544 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
3. Шолохов, М.А. Поднятая целина. Книга для ученика и учителя. Статьи, справочные материалы / М.А.Шолохов; под ред. Т.А. Касаткиной. – М. : Олимп, Изд-во АСТ, 2000 – 752 с.
4. Шолохов, М.А. Поднятая целина / М.А. Шолохов. – М. : Советская Россия, 1977. – 230 с.
5. Якименко, Л.Г. Творчество М.А. Шолохова / Л.Г.Якименко. – М. : Советский писатель, 1977.

Варич В.Н. (Брестский государственный технический университет)

ЦЕННОСТИ СОВЕТСКОГО НАРОДА И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Представители старшего поколения современного белорусского общества, жизнь которых хотя бы частично прошла в Советском Союзе, отчетливо помнят программное положение Коммунистической партии о том, что в СССР сложилась новая историческая общность – советский народ. Данный народ благодаря политике гласности и перестройки и последовавшим за ними радикальным переосмыслением социалистического прошлого получил пренебрежительное название «совков», а советские ценности постепенно стали предметом насмешек и порицания. Затянувшаяся полоса экономических, социальных и культурных реформ привела к кризису ортодоксальной (в данном случае советской) идеологии и практически полному ее разрушению.

Произошел мировоззренческий переворот, в ходе которого ценности федерализма, этнонационализма, коллективизма, патриотизма, научности знаний, нравственной стойкости, мужества, порядочности, искренности и другие существенно изменили свои позиции в ценностной иерархии либо же и вовсе были замещены противоположными ценностями установками. Достаточно упомянуть о том, что самое читающее в мире общество советского атеизма исподволь превратилось в объединение людей, исповедующих самые разнообразные религии, в том числе и такие, которые подвергаются критике со стороны традиционных конфессий; в то же самое время страна с единым культурным пространством и общим языком распалась на воюющие национальные сообщества, для которых воды «почвы» и «крови» вновь обрели актуальность.

Дальнейшее развитие идеологии могло пойти различными путями, наиболее оптимальной из которых стала бы выработка в каждой из республик привлекательной и убедительной общегосударственной идеологии, сопровождающаяся формированием соответствующих социальных институтов. Менее привлекательный вариант – это неопределенно долгое сохранение идеологической амбивалентности, характерной для нестабильного общества. Должающаяся же критика прежних социальных достижений в конечном итоге могла бы кончиться полным распадом поля идеологического взаимодействия и облегчить распространение националистических, шовинистических, ненаучных и мистических идеологий.

К сожалению, в бывших советских республиках собственные консолидирующие идеологии так и не образовались, однако идеологический вакуум был заполнен различными идеологическими учениями, распространенными за пределами бывшего социалистического лагеря. Спектр этих мировоззренческих установок весьма широк – от потребительской идеологии западного общества до исламского фундаментализма и от квасного славянского патриотизма до псевдонаучных теорий. Однако речь по-прежнему не идет об аутентичных идеологиях, выражающих социальные интересы большинства населения постсоветских стран, и уж тем более преждевременно говорить о формировании некоей евразийской идеологии, способной воссоединить распавшуюся общность.

Вместе с тем единство и целостность духовной жизни общества невозможны без функционирования в нем устойчивой, развитой и дифференцированной системы ценностных ориентаций. Именно она формирует ценностно-смысловое ядро культуры и на его основе – доминирующую культуру, в рамках которой развиваются многообразные субкультуры, в том числе и весьма различные по своим ценностным установкам. Общепатриотическая (общегосударственная) идеология с развитой ценностной иерархией является тем базисом, на котором произрастают разнообразные явления духовной жизни общества, и той средой, в которой снимаются ценностные оппозиции и формируется устойчивый образ жизни, включающий в себя общезначимые цели и средства реализации этих целей.

Благодаря единой идеологии возможны взаимодействие и взаимная адаптация национальных, конфессиональных и профессиональных компонентов общества, а также тот социальный порядок, в котором личность может продуктивно реализовывать свои интеллектуальные и творческие ресурсы. В ходе социализации на основе повседневной практики и взаимодействия с другими людьми личность усваивает культурные образцы и стереотипы, которые становятся ее собственными привычными формами поведения и установками, не подвергающимися впоследствии ревизии. Иными словами, устойчивая система личных убеждений, взаимосвязанная с обоснованной системой знаний, не может сформироваться в обществе, которое не обладает собственной идеологией и не рассматривает ее как важнейший объект государственной политики и государственного интереса.

В советское время такой идеологией был марксизм-ленинизм. весьма умело и успешно адаптированный к уровню и интересам большинства общества. Советская идеология, без сомнения, не была совершенной и абсолютно непротиворечивой, однако обладала важнейшими достоинствами: она, во-первых, представляла собой целостную систему взглядов, основанных на научных знаниях и охватывающих все сферы действительности, и, во-вторых, предлагала четкие и постоянно пропагандируемые цели и ценностные ориентации – как на уровне всего общества, так и в личном плане. Советская идеология, как и другие развитые идеологии в иные времена и в иных обществах, выполняла те функции, без которых стабильное существование общества как единого организма невозможно, а именно: функции смыслообразования, социализации, социальной регуляции, интеграции и легитимизации. В процессе образования и воспитания каждый советский человек получал ясные и устойчивые представления об объективных законах развития природы и общества, о простых нормах нравственности, о достоинствах и недостатках различных форм общественной жизни и личного поведения. Становление личности, ее самоутверждение и признание осуществлялись по вполне ясной и определенной социальной программе, позволяя ей приобрести желаемый социальный статус и воспринимать себя как полноценного члена социальной общности.

Кроме этого, советская идеология содержала и долгосрочную программу общественного развития, целью которого являлось построение коммунистического общества, понимавшегося как подлинно светлое будущее. Можно вести продолжительные дискуссии о возможности или невозможности построения коммунизма или какой-либо другой версии земного рая, однако в качестве идеала социального развития общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» («Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса) представляется более ценным, нежели идеология перманентно нарастающего потребления. Как бы там ни было, декларируемые от лица всего общества и поддерживаемые всей силой государственного пропагандистского аппарата ценности советской идеологии стали тем скрепляющим раствором, который позволил создать развитое индустриальное общество с высоко образованным народом, с энтузиазмом и оптимизмом глядящим в будущее. В данной характеристике присутствует некоторое ностальгическое преувеличение, однако достижения советского общества, в том числе и в области духовной культуры, неоспоримы.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасов так охарактеризовал социально-экономический и культурный переворот, который сопровождал отмену крепостного права в России: «Распалась цепь великая, распалась и ударила: одним концом по барину, другим – по мужику». С крушением Советского Союза распалась еще более великая «цепь», которая объединяла народы с разнообразным историческим и культурным наследием в достижении общих целей. Выражаясь метафорически, различные «звенья» этой «цепи» используются в идеологиях новых государств, не образуя при этом единой консолидирующей системы ценностей. В этих условиях особую значимость приобретают исследования ценностных ориентаций современных белорусов в их динамике, позволяющие раскрыть причины ценностных сдвигов и прогнозировать грядущие изменения в ценностной иерархии. Однако в классическом определении идеология – это система взглядов, выражающих социальные интересы и потребности определенной группы или общества в целом. Поэтому профессиональная деятельность специалистов по выработке новой идеологии может стать успешной только в том случае, если ее объективные предпосылки сложатся в процессе реальной социальной жизнедеятельности.

ОБРАЗОВАНИЕ СССР И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС (ОКТАБРЬ 1917–1922 гг.)

Для многонациональной Российской империи в первой четверти XX в. национальный вопрос являлся весьма актуальным по ряду причин. Поэтому не случайным стало то обстоятельство, что лозунг большевиков о праве наций на самоопределение нашел отклик у народа.

25 (12) января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой было провозглашено, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик» [1, с. 103]. А через три дня, 28 (15) января, тот же съезд в резолюции о политике СНК по национальному вопросу «выразил глубокое убеждение в том, что дальнейшие шаги Советской власти в этом направлении будут способствовать превращению бывшей Российской империи в братский союз свободно объединившихся на федеративных началах Советских Республик России» [1, с. 105].

Вскоре В.И. Ленин представил проект программы, в которой трижды говорилось о принципе федерации: «Закрепить и развить дальше федеративную республику Советов... как единственный тип государства, соответствующий... переходному периоду от капитализма к социализму...»; «Федерация наций, как переход к сознательному и более тесному единству трудящихся, научившихся добровольно подниматься выше национальной розни»; «...освобождение колоний. Федерация как переход к добровольному слиянию» [2, с. 71, 73, 76].

При этом в сложившихся исторических обстоятельствах процесс федерализации советского государства осуществлялся в чрезвычайно сложной и запутанной политической обстановке. Прежде всего, сама инициатива федерализации шла как от периферии, так и от центра. Кроме того, сами формы, в которые федерация оформлялась, были обусловлены не только уровнем развития соответствующих наций, но характером и остротой политической ситуации. Так, в частности, волна федерализации была обусловлена политической обстановкой, сложившейся под влиянием таких факторов, как германская революция 1918 г. и ликвидация Брестского мирного договора. На нее оказало существенное влияние оформление к весне 1919 г. Украины, Латвии, Литвы и Беларуси как «особых Советских Республик» [3, с. 425]. Важную роль в данном процессе сыграли также такие политико-правовые документы, как декрет ВЦИКа «Об объединении Советских Республик» от 1 июня 1919 г., серия военно-экономических двухсторонних договоров РСФСР с другими советскими республиками в 1919–1921 гг., соглашение от 22 февраля 1922 г. «О передаче РСФСР представительства Советских Республик на общеевропейской конференции» (в Женеве), подписанное девятью республиками: Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Украиной, Хорезмом, Бухарой, Дальне-Восточной республикой, РСФСР.

Уже в январе 1918 г., закрывая III съезд Советов, установивший политику и систему советской федерализации, В.И. Ленин следующим образом определил ее смысл и историческое значение: «Верность мировой пролетарской революции... вот основа нашей федерации, и я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима» [2, с. 288].

И.В. Сталин также был назначен народным комиссаром по делам национальностей сразу же в октябрьские дни именно для того, чтобы осуществлять политику партии в национальном вопросе, направлять, должным образом организовывать и согласовывать,

возглавлять разнообразные процессы самоопределения наций, которые довольно бурно и противоречиво разворачивались на периферии страны, претворяя их в единый процесс социалистической федерализации государственного строя бывшей Российской империи. При этом деятельность Сталина конкретизировалась для отдельных областей страны (Украины, Крыма, Польши, Закавказья, Туркестана, Среднего Поволжья, Киргизского края и др.) и воплощалась в соответствующей – специфической – национальной политике. Эта политика со временем оформилась как особая линия в национальном вопросе, которая отличалась от ленинской и вступила с последней в прямую конфронтацию летом 1920 г.

На заседании II Конгресса Коминтерна, включившего в повестку дня своей работы национальный и колониальный вопросы, Ленин разослал ряду политических соратников свои наброски по этому вопросу с просьбой прислать ему свои «отзывы или исправления, или дополнения, или конкретные пояснения». Свои замечания на ленинский проект прислал и Сталин. Он не принял концепцию В.И. Ленина: вместо ленинских двух типов федерации И.В. Сталин довольно прямо и категорично выдвигал идею «эластичности советской автономии», «допускающей самые разнообразные формы и степени своего развития». При этом Сталиным отвергались формулы независимости и права на отделение. Осенью 1920 г. сталинская концепция национального вопроса, его концепция советского федерализма предстала уже полностью сложившейся.

В своем докладе по национальному вопросу на X съезде партии, состоявшемся в марте 1921 г., Сталин не стал акцентировать внимание на своих расхождениях с Лениным в вопросе конструкции федерации. Он стал дожидаться возникновения обстоятельств, которые позволили бы ему попытаться получить признание своей линии партийной линией и добиться ее осуществления как государственного закона. Очевидно, что до тех пор, пока Ленин находился «у руля» в деле управления государством, такая возможность не могла представиться [4, с. 255]. Но летом 1922 г. болезнь надолго оторвала В.И. Ленина от непосредственного и повседневного участия в делах государственного управления, и для Сталина пришло время действовать.

Окончание гражданской войны, переход к мирной жизни и развернувшиеся процессы перестройки и реформирования политической и административной организации страны в рамках новой экономической политики потребовали также упорядочения и конституционно-правовой регламентации вопроса о взаимоотношениях РСФСР и, в той или иной мере независимых, национальных советских республик. Летом 1922 г. Политбюро включило этот вопрос в повестку очередного Пленума ЦК, и для подготовки вопроса 11 августа в рамках ЦК была создана соответствующая комиссия. В сентябре Сталин внес на рассмотрение проект резолюции комиссии, который предлагал ликвидировать договорные союзные отношения национальных республик, отменить их независимость и превратить их в автономные республики РСФСР, унифицировав и централизовав, таким образом, государственный аппарат страны. Проект Сталина был разослан для обсуждения в ЦК компартий республик, договорных с РСФСР.

Реакция руководства союзных республик была различной: ЦК Армении и ЦК Азербайджана согласились с предложением Сталина об автономизации, тогда как ЦК Грузии отклонил его как «преждевременное», а ЦК Беларуси ответил уклончиво. ЦК Украины вообще не высказал свое суждение о проекте Сталина. Несмотря на это, проект без каких-либо существенных изменений был поставлен на рассмотрение комиссии ЦК РКП(б), которое состоялось 23 и 24 сентября. В то время Сталин уже находился в должности Генерального секретаря и с помощью председательствовавшего Молотова сумел провести свой проект в комиссии

В окончательном виде первый, принципиальный, пункт сталинской резолюции гласил: «Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР». Казалось, что Сталин добился своей цели и его давнишняя идея автономизации в конце концов восторжествовала. Но политические махинации не помогли Сталину обойти Ленина. По запросу последнего проект Сталина и прочие материалы комиссии были 25 сентября направлены ему в Горки. Ленин реагировал немедленно и самым оперативным и категорическим образом. В новой резолюции, 6 октября предоставленной Пленуму ЦК, первый пункт гласил: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Беларусью, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в «Союз Советских Социалистических Республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава «Союза». Соответствующим образом, в духе Ленина были отредактированы и прочие пункты документа.

30 декабря 1922 г. и на следующий день, находясь в Горках, В.И. Ленин продиктовал свою записку «К вопросу о национальностях или об «автономизации», составляющую часть его политического завещания и адресованную им XII съезду партии. В записке он, в частности, отмечал, что при существующем бюрократическом аппарате «...очень естественно, что свобода выхода из союза окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинного русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической русской швали, как муха в молоке». Далее В.И. Ленин уточнил: «Я думаю, что тут сыграла роковую роль торопливость и административное увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль». И резюмировал: «Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского» [5, с. 357, 361].

Все это происходило в момент образования СССР, и суть данного противостояния заключалась в столкновении двух принципиально различных и противоположных по своей тенденции политических линий. Если линия В.И. Ленина была направлена на максимально возможное урезание компетенции Союза, то линия И.В. Сталина, напротив, была направлена на максимальное сужение компетенции отдельных республик, входящих в Союз. Вместе с тем, вынужденный согласиться с ленинской формулой «союз республик». Сталин тут же как бы сделал заявку на то, чтобы под вывеской Союза Советских Социалистических Республик осуществить свой проект «автономизации» государственного строя страны.

1. История Советской Конституции: в документах, 1917–1956. / сост А.А. Липатов, Н.Т. Савенков ; под общ ред. А.А. Студеникина. – Москва : Госюриздат, 1967.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. / В.И. Ленин. – Москва : Политиздат, 1969. –Т. 36.
3. Восьмой съезд РКП(б), Март 1919 г. Протоколы. – Москва : Госполитиздат, 1959.
4. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. / В.И. Ленин. – Москва : Политиздат, 1970. –Т. 44
5. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. / В.И. Ленин. – Москва : Политиздат, 1970. –Т. 45.

НЕДОНЕСЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРВЫХ АКТАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В современном уголовном праве заранее не обещанное укрывательство преступлений и недонесение о преступлении являются самостоятельными составами преступлений против правосудия (ст.ст. 405 и 406 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь) и рассматриваются в качестве форм прикосновенности к преступлению. Прикосновенность к преступлению – это умышленное деяние (действие или бездействие) лица, которое не участвовало совместно с другими лицами в совершении преступления и не способствовало его совершению, выразившееся в заранее не обещанном укрывательстве преступления, недонесении о преступлении либо попустительстве преступлению, совершенному другим лицом. Укрывательство и недонесение о преступлении представляют собой умышленную деятельность, связанную с готовящимся или совершенным другими лицами преступлением, лежащую вне данного преступления, не содействующую его совершению. Общественная опасность указанных деяний состоит в том, что они препятствуют раскрытию и расследованию преступлений, изобличению виновных лиц, затрудняют работу правоохранительных и судебных органов. Тем самым нарушается принцип неотвратимости уголовной ответственности, не достигается цель восстановления социальной справедливости, наносится ущерб нормальному состоянию общественных отношений. В связи с этим недонесение и укрывательство были наказуемы в различные исторические эпохи, в том числе и в советский период нашей истории.

До систематизации уголовного законодательства нормы об ответственности за прикосновенность к преступлению содержались во многих декретах советской власти. Первые об ответственности лиц, прикосновенных к преступлению, сказано в декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», в соответствии с которым соучастники и все лица, прикосновенные к даче взятки, подлежали такому же наказанию, что и взяточполучатель. Декрет «О спекуляции» от 22 июля 1918 г. и постановление СНК «О набатном звоне» от 30 июля 1918 г. содержали указание, что подстрекатели, пособники и прикосновенные лица наказываются наравне с главными виновниками. Следовательно, характерным для декретов «О спекуляции» и «О набатном звоне» является отнесение различных категорий прикосновенных к преступлению лиц к соучастникам. Оба эти декрета говорят о прикосновенности в общей форме, не различая отдельных видов прикосновенности[3].

Об укрывательстве или «покрывательстве» впервые упоминает постановление Наркомфина «О запрещении купли, продажи или передачи хлопковых предприятий всех видов и о регистрации акций и паев этих предприятий». Пункт 8 постановления гласит: «За неисполнение сего постановления, сообщение ложных сведений, сокрытие сведений, несоблюдение сроков и за содействие и покрывательство по нарушению сего постановления виновные предаются революционному трибуналу»[6, с. 541].

По п. 9 декрета СНК «О тыловом ополчении» от 20 июля 1918 г. наказанию подлежал «виновный в содействии к склонению к невыполнению ополченских обязанностей, в содействии к побегу, к укрывательству уклоняющегося, а равно в несообщении властям об уклонении виновного» [3]. Данный акт, в отличие от предыдущих, выделяет недонесение («несообщение») в отдельное преступное деяние.

В связи с началом гражданской войны и необходимостью защищать советское государство был принят ряд нормативных правовых актов, предусматривавших ответствен-

ность за дезертирство, в том числе за укрывательство дезертиров. Постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 г. «О дезертирстве» за укрывательство отвечали председатели домовых комитетов и хозяева квартир, в которых находился дезертир. В постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 3 июня 1919 г. «О мерах к искоренению дезертирства» было включено несколько норм об ответственности за укрывательство. Во-первых, ответственности подлежали семьи дезертиров, виновные в укрывательстве, и вообще укрыватели (ст. 6). Во-вторых, более строгие меры наказания (вплоть до расстрела) предусматривались для советских должностных лиц, виновных в укрывательстве мобилизованных и дезертиров. В-третьих, в ст. 8 постановления закреплялось: «В тех случаях, когда местное население упорно укрывает дезертиров или не оказывает содействия их задержанию, губернским комиссиям по борьбе с дезертирством предоставляется право налагать штрафы на целые волости, села и деревни за круговой порукой всего населения и назначить для них принудительные общественные работы. От штрафов и общественных работ освобождаются семьи красноармейцев и все, оказавшие содействие в поимке дезертиров». Введение этой нормы, по мнению А.В. Баркова, было оправдано необходимостью принятия самых радикальных административных мер в борьбе с опасными преступлениями, установление круговой поруки должно было активизировать участие населения в изобличении дезертиров[1, с. 20].

Первым советским систематизированным уголовно-правовым актом стали «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», принятые постановлением НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г. Они являлись своего рода опытом обобщения судебно-трибунальской практики за первые два года существования диктатуры пролетариата и вместе с тем инструкцией судам для дальнейшего развития их работы. В них впервые были сформулированы исходные юридические нормы Общей части уголовного права. В «Руководящих началах» термин «прикосновенность к преступлению» не упоминался, а по ст. 24 пособиями считались «те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействует выполнению его словом или делом, советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т.е. не препятствованием совершению преступления» [7]. Укрывательство, как и ранее, было отнесено к соучастию в виде пособничества. То же можно сказать и о недонесении, которое, хоть и не упоминалось прямо, но по своему содержанию относилось к попустительству.

26 мая 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР. ЦИК БССР постановлением от 24 июня 1922 г. ввел в действие этот кодекс на всей территории Белорусской ССР с 1 июля того же года без всяких изменений. Более того, в постановлении указывалось, что «Уголовный кодекс применяется по отношению ко всем преступным деяниям, не рассмотренным в судебном порядке до введения его в действие»[2, с. 232], т.е. ему придавалась обратная сила. Согласно ст. 16 Общей части УК РСФСР 1922 г. пособиями считались те, кто содействовал выполнению преступления советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления. Таким образом, укрывательство рассматривалось как проявление соучастия в преступлении независимо от того, было оно заранее обещано или нет.

Некоторые нормы о деяниях прикосновенных лиц содержались лишь в Особой части УК РСФСР 1922 г. В разделе «О контрреволюционных преступлениях» главы первой «Государственные преступления» УК РСФСР 1922 г. предусматривалась ответствен-

ность за укрывательство и пособничество контрреволюционным преступлениям, не связанное с непосредственным совершением этих преступлений и при неосведомленности об их конечных целях (ст. 68). Наказание устанавливалось в виде лишения свободы на срок не ниже одного года. Отметим, что в соответствии со ст. 57 УК 1922 г. контрреволюционным признавалось «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами» [5].

В УК РСФСР 1922 г. была установлена ответственность за недоносительство. В Общей части УК о нем ничего не говорилось, а в ст. 89 Особенной части к преступлениям против порядка управления было отнесено недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных контрреволюционных преступлениях, за что предусматривалось лишение свободы на срок до одного года. Недонесение о других преступлениях не являлось уголовно наказуемым.

Принятые 31 октября 1924 г. общесоюзные Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик характеризовались недостаточно четкой разработкой соучастия, не отличали от него прикосновенность к преступлению. В связи с этим в уголовных кодексах большинства союзных республик и заранее обещанное, и заранее не обещанное укрывательство относилось к пособничеству в преступлении. Только в кодексах Украинской и Грузинской ССР заранее не обещанное укрывательство рассматривалось как самостоятельное преступление.

По УК БССР 1928 г. пособниками признавались лица, содействующие выполнению преступления сокрытием преступника или следов преступления (ст. 24). Согласно ст. 26 данного закона недонесение о совершенном или готовящемся преступлении преследовалось только в случаях, указанных в статьях УК. Такими статьями были: ст. 73 – недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении; ст. 86 – недонесение о достоверно известных готовящихся или совершенных массовых беспорядках, бандитизме, фальшивомонетничестве [4, с. 24, 29].

Анализ приведенных положений советского уголовного законодательства позволяет констатировать, что его классовый характер, направленный на защиту диктатуры пролетариата, нашел отражение и в нормах о недонесении и укрывательстве. Практически во всех рассмотренных актах не проводится четкое отграничение этих форм прикосновенности к преступлению и соучастия в нем. Укрывательство не разграничивается на заранее обещанное и заранее не обещанное, и признается пособничеством преступлению. Недонесение в качестве преступления последовательно выделяется только с УК РСФСР 1922 г. И укрывательство, и недоносительство были наказуемы лишь, когда совершались в отношении отдельных преступлений, которые представляли наибольшую опасность для молодого советского государства, прежде всего, контрреволюционных.

1. Барков, А.В. Уголовный закон и раскрытие преступлений / А.В. Барков. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 112 с.

2. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён) вучэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі., Я.А. Юхо; пад агул.рэд. праф. А.Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд., дап. – Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – 320 с.

3. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б.С. Утевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alpravo.ru/library/doc101p0/instrum107/item492.html> – Дата доступа : 07.11.2012.
4. Крымінальны кодэкс Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. – Афіц. выд. – Мінск, Выд. Кіраўніцтва спраў СНК:Выд. экан. нарады БССР, 1928 – 163 с.
5. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1922_года/Темр – Дата доступа : 07.11.2012.
6. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А.А. Пионтковский. – М.:Госюриздат, 1961. – 666 с.
7. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР : постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr7311.htm>. – Дата доступа : 07.11.2012.

Данилов Ю.Д. (Брестский государственный технический университет)

КЛАССОВАЯ ДОМИНАНТА В РЕШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА ПРИ СОЗДАНИИ СССР

Возникновение Белорусской ССР, как собственно и других союзных республик, стало следствием развития российского революционного движения. Несмотря на довольно распространенное мнение о том, что национальный вопрос являлся предметом особого интереса для победившего пролетариата, сегодня следует признать, что пришедшие к власти большевики не придавали национальному вопросу большого значения.

Как известно, концепция решения национального вопроса в 1917 году рождалась с позиций, которые были сформулированы В.И. Лениным еще в 1913 году. Тогда эта проблема рассматривалась исключительно сквозь призму глобальной цели – построения мировой советской республики. В этом же, 1913 году, вышла в свет и известная работа И.В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». И в том, и в другом случае, национальный вопрос признавался не только второстепенным в контексте задач предстоящей революционной борьбы пролетариата, но и вредным, потому что, по мнению и Ленина и Сталина, лозунги националистического характера вводили рабочих от истинных целей революционной борьбы. Например, Ленин отмечал в этой связи, что «... национальная политика буржуазии по определению чужда рабочему классу любой национальности, потому что она проникнута национализмом, который отвлекает рабочих от революционной борьбы»[1, с. 115]. При этом подчеркивалось, что большевикам в принципе безразлично, где будут проходить национальные границы, потому что основной задачей является сохранение «...союза между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией»[1, с. 116].

В ноябре 1917 г. в составе первого правительства Советской России был создан народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), руководителем которого был назначен И.В. Сталин. При Наркомнаце РСФСР стали создаваться национальные комиссариаты, призванные стимулировать развитие национальных чувств у народов бывшей империи и осуществлять мобилизацию этих народов на поддержку коммунистической революции и Советской России.

Тем не менее, развитие событий показало, что во многих случаях революционный процесс в национальных окраинах России развивался именно под националистическими

лозунгами, которые провозглашались многочисленными мелкобуржуазными партиями, повсеместно возникавшими в пределах бывшей империи, и которые увлекали значительные массы пролетариата и крестьянства.

В сложившихся условиях большевики были вынуждены начать поиск новой, более адекватной реальным условиям, формы реализации принципа права наций на самоопределение и нашли ее: стремление народов к независимости стало рассматриваться с позиции **«самоопределения трудящихся»**. Новый подход сделал советскую национальную политику более гибкой, позволяя признавать независимость новых государств с учетом политической конъюнктуры.

Ленин также прагматично высказался за использование в вопросе о праве наций на самоопределение классового и диалектического подхода, в соответствии с марксистским требованием анализа конкретной ситуации в конкретном месте и времени. Он заявил о поддержке самоопределения наций там и тогда, где и когда это ведет к объединению трудящихся, и против такого самоопределения там и тогда, где и когда это ведет к их разъединению.

Еще дальше пошел Бухарин, который прямо писал, что нужно говорить не о праве наций на самоопределение, а о «праве трудящихся классов», понимая под таковыми довольно широкие пролетарские и полупролетарские массы. Бухарин, по сути, отвергал тезис самоопределения наций как таковой, утверждая вместо него идею о **«праве на отделение трудящихся классов каждой нации»** [2, с. 65].

Кроме того, более подробному рассмотрению была подвергнута и идея суверенитета, в рамках которого стали рассматриваться суверенитет культурный и территориальный, о чем неоднократно заявлял Сталин и что, собственно, было заключено в его доктрине автономизации. Самое большее, на что были готовы пойти большевики в вопросе национального самоопределения, это – придание национальным окраинам культурной, в некоторых исключительных случаях – территориальной автономии. Например, по поводу Белоруссии он утверждал, что «белорусские массы, пока что не очень живо, так сказать, не с очень большим интересом относятся к вопросу развития их национальной культуры, но, несомненно, что через несколько лет, по мере того как мы апеллируем к низам белорусским, будем говорить с ними на том языке, который им понятен прежде всего, — естественно, что через год-два-три вопрос о развитии национальной культуры на родном языке примет характер первостепенной важности» [3, с. 351].

Общим для всех этих подходов является то, что ни один из теоретиков не только не пытается анализировать вопрос о государственном суверенитете (что само по себе естественно, в контексте решения проблемы самоопределения наций), но и не упоминает о таком вообще. Строительство советской государственности предполагалось вести под лозунгом классовой унитарности, а границы национальных государств рассматривались лишь как временное явление.

Первым актом «самоопределения трудящихся» стало провозглашение Советской Украины в конце 1917 году, однако после немецкого наступления в феврале 1918 г. эксперимент по созданию советских национальных республик по понятным причинам был приостановлен. Он возобновился только после подписания перемирия в условиях роста революционного движения в самой Германии и других странах Европы. Тут уже наблюдается прямое, можно сказать, насильственное насаждение классового подхода к решению национального вопроса. Например, в телеграмме Сталина и Ленина Главному республике

И. Вацетису говорилось: «С продвижением наших войск на запад ... создаются областные временные Советские правительства, которые призваны закрепить Советы на местах. Ввиду этого просим дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства... но, разумеется, только Советские правительства» [4, с. 234].

Таким образом, государственность на советской основе обрели Эстония, Латвия и Литва, в начале 1919 года была восстановлена Советская Украина. Возникновение советских республик в Прибалтике и Украине сделало актуальным вопрос о провозглашении Советской Беларуси, что и было реализовано в виде провозглашения БССР.

Закончив гражданскую войну и получив поддержку нерусского населения, советское правительство заняло по национальному вопросу более определенную и смелую позицию. Сталин заявил в 1923 году, что, помимо права наций на самоопределение, существует также право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву на самоопределение является подчиненным. При этом Сталин и разъяснил ситуативность подходов при рассмотрении национального вопроса, заявив о том, что возникают такие ситуации, когда право на самоопределение приходит в столкновение с правами рабочего класса. В таких случаях, по мнению Сталина, право на самоопределение не может и не должно служить препятствием для использования рабочим классом своего права на диктатуру.

Последующий ход решения национального вопроса показал, что именно данное доминирование и стало главной теоретической концепцией построения многонационального государства на территории бывшей Российской империи и создания СССР.

1. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Изд-во Политической литературы, 1974. – Т.35. – 600 с.
2. Хрестоматия по истории СССР. 1917–1945 – М., 1991.
3. Сталин, И.В. Сочинения: в 18 т. / И.В. Сталин – М.: Тверь, 1946–2006. – Т.4. 521 с.
4. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Изд-во Политической литературы, 1974 – Т. 37. – 748 с.

Ермакович Л. І. (Брєсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна)

ПРАВА НАЦЫЙ НА САМАВИЗНАЧЭННЕ Ў ТЭОРЫІ І ПРАКТЫЦЫ БАЛЬШАВІЦКАЙ ПАРТЫІ

У сусветным сацыялістычным руху права народаў на самавызначэнне ўпершыню было сфармулявана на Лонданскім кангрэсе Другога Інтэрнацыянала ў 1896 годзе. Кангрэс абвясціў, што ён стаіць за поўнае права самавызначэння ўсіх нацый і выражае сваё спачуванне рабочым кожнай краіны, якая ў сапраўдны час пакутуе пад ігам ваеннага, нацыянальнага і іншага абсалютызму. У праграму РСДРП патрабаванне права на самавызначэнне прыгнечаных народаў Расійскай імперыі было ўключана на Другім з'ездзе ў 1903 годзе па прапанове лідэраў меншавікоў Пляханова і Мартава.

Такім чынам, права нацый на самавызначэнне не з'яўляецца вынаходніцтвам Леніна, як гэта можна было зразумець з савецкай палітычнай літаратуры. Яно выступае як агульнапрызнаны дэмакратычны прынцып міжнароднага сацыялістычнага руху з канца XIX стагоддзя. Аднак заслуга Леніна ў дадзеным пытанні ляжыць у іншай плоскасці – у майстэрскім выкарыстанні гэтага прынцыпа створанай ім партыяй бальшавікоў на яе шляху да ўлады.

Што разумеў Ленін пад правам нацый на самавызначэнне? Вось яго вызначэнне: «Если мы хотим понять значение самоопределения наций, не играя в юридические дефиниции, не «сочиняя» абстрактных определений, а разбирая историко-экономические условия национальных движений. то мы неизбежно придём к выводу: под самоопределением наций понимается государственное отделение их от чужденациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства» [1, с. 259].

Лозунг самавызначэння нацый шырока выкарыстоўваўся бальшавіцкай партыяй і яе лідэрам Леніным у перыяд Першай сусветнай вайны, з якой звязваліся надзеі на хуткае набліжэнне сацыялістычнай рэвалюцыі ў Расіі, якая не магла перамагчы без удзелу ў ёй расійскіх нацыянальных ускраін. На палітычнае згуртаванне прыгнечаных народаў Расійскай імперыі пад правадэрствам бальшавікоў якрз і быў разлічаны дадзены лозунг.

Аднак паўстае пытанне: «Ці гатовы быў сам Ленін дазволіць прыгнечаным народам выйсці са складу Расійскай імперыі, калі ён і яго партыя прыдуць да ўлады ў Расіі?» Вылучаючы права нацый на самавызначэнне Ленін ніколі не ставіў яго ў практычную плоскасць. Ён падкрэсліваў што «обвинять сторонников свободы самоопределения, т. е. свободы отделения, в поощрении сепаратизма – такая же глупость и такое же лицемерие, как обвинять сторонников свободы развода в поощрении разрушения семейных связей» [1, с. 286].

Тое, што лозунг самавызначэння нацый меў для бальшавікоў толькі тактычнае значэнне, з'яўляўся адным з галоўных сродкаў заваёвы імі палітычнай улады, яскрава прадэманстравалі паслякастрычніцкія падзеі. У 1918 годзе народы Расіі, спасылаючыся на дэклараванае бальшавікамі права на незалежнасць, пачалі адзін за адным заяўляць аб сваім выхадзе са складу Расіі і ўтварэнні незалежных нацыянальных дзяржаў. Такія незалежныя дзяржавы стварылі Украіна, Беларусь, Літва, Латвія, Эстонія, Туркестан, Татары-Башкірыя, Паўночны Каўказ, Грузія, Арменія, Азербайджан. Усе яны, адны раней, другія пазней, былі бальшавікамі заняволены. Некаторыя з іх былі далучаны непасрэдна да РСФСР (Паўночны Каўказ, Туркестан, татары-башкіры, Крым), а іншыя народы былі абвешчаны «незалежнымі» савецкімі рэспублікамі (Беларуская ССР, Украінская ССР, ЗСФСР, куды ўваходзілі Грузія, Арменія і Азербайджан).

Да 1922 года, г. зн. да стварэння СССР, яны не падапарадкоўваліся цэнтральным дзяржаўным органам у абліччы РСФСР і ў гэтым сэнсе былі «незалежнымі» савецкімі рэспублікамі. Аднак гэта была толькі бачнасць незалежнасці, бо гэтымі рэспублікамі, як і Расійскай федэрацыяй, кіраваў вышэйшы заканадаўчы, выканаўчы і кантралюючы орган у адным абліччы: Цэнтральны Камітэт партыі бальшавікоў прама і непасрэдна з Масквы, які ніколі не прызнаваў, як у сваім статуце, так і на практыцы, не толькі незалежнасці, але нават мясцовай аўтаноміі кампартый гэтых рэспублік.

Але ўсё ж такі кіраванне гэтымі «незалежнымі» савецкімі рэспублікамі давалася маскоўскаму бальшавіцкаму кіраўніцтву нялёгка. Усе гэтыя рэспублікі пачалі лічыць сябе хоць і савецкімі, але сапраўды незалежнымі. Яны нярэдка ігнаравалі дырэктывы цэнтральных органаў партыі. Усе кіруючыя пасады ў рэспубліках займалі прадстаўнікі мясцовых народаў, якія свае інтарэсы ставілі вышэй агульных савецкіх інтарэсаў. Нацыянальныя камуністы, якія шчыра паверылі ў ленінскі лозунг самавызначэння народаў, прынялі яго за стрыжань бальшавіцкай нацыянальнай праграмы, амаль аднадушна трымалі курс на пераход ад умоўнага да поўнага суверэнітэта сваіх рэспублік ва ўсіх абласцях дзяржаўнага жыцця, акрамя абароны і знешняй палітыкі. Палітычнай і

прававой базай тут служылі, акрамя сачыненняў Леніна, рашэнні вышэйшых кіруючых органаў партыі – Красавіцкай канфэрэнцыі партыі 1917 года, VIII 1919 года і X 1921 года з'езда РКП(б) па нацыянальным пытанні.

Асабліва моцны штуршок сепаратысцкім тэндэнцыям далі рашэнні X з'езда партыі, які паставіў задачу рэспублікам развіваць і умацоўваць у сябе савецкую дзяржаўнасць у формах, якія адпавядаюць нацыянальна-бытавым умовам мясцовых народаў.

Успрыняўшы гэтую задачу літаральна, нацыянальныя рэспублікі прыступілі да адраджэння нацыянальнай культуры, навукі, мастацтва, нацыянальнай эканомікі, стварэння нацыянальных вайсковых форміраванняў, да рашучай і усеагульнай «карэнізацыі», па выразу Сталіна, усіх відаў органаў улады і яе апарата на ўсіх узроўнях.

Такая сітуацыя паражала цэласнасці ствараемай бальшавікамі новай савецкай імперыі. Яна падштурхнула бальшавіцкае кіраўніцтва да актыўных крокаў па пераадоленні мясцовага сепаратызму. Па прапанове Палітбюро ЦК РКП(б) 10 жніўня 1922 года была створана камісія пад старшынствам генеральнага сакратара Сталіна для распрацоўкі праекта стварэння адзінай шматнацыянальнай дзяржавы з існуючых савецкіх рэспублік: Беларусі, Украіны, Закаўказкай федэрацыі і РСФСР. Сталін сам асабіста склаў адпаведны праект, паводле якога савецкія рэспублікі ўваходзяць у склад РСФСР на правах аўтаноміі. Такое далучэнне да РСФСР фактычна з'яўлялася паглынанням савецкіх рэспублік, ці іх анексіяй новай Расіяй, цяпер ужо савецкай. Таму Беларусь і Грузія адверглі сталінскі праект аўтанамізацыі, а Украіна заняла чакальную пазіцыю.

Ленін, як і Сталін, таксама не дапускаў думкі, што ўмоўны суверэнітэт мясцовых рэспублік можа быць працяглым. Але яго насцярожыў сталінскі праект, які выкрываў на справе бальшавіцкую філасофію аб роўнасці і суверэнітэце народаў Расіі, і які выклікаў вялікую насцярожанасць і недавер у асяроддзі партыйнага кіраўніцтва рэспублік. І Ленін вынайшаў рэгіянальна і этнічна неабмежаваную форму аб'яднання савецкіх дзяржаў – «Саюз Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік», які задумваўся як дабрахвотная і раўнаправная федэрацыя народаў.

Гэтая формула, як і сталінскі праект аўтанамізацыі, дазваляла дамагацца камуністычнай інтэграцыі народаў Расіі ў адзіную нацыю з рускім народам, але негвалтоўным, мірным шляхам.

У абодвух выпадках размова ідзе аб дзвюх тактыках (гвалтоўнай і памяркоўнай) пры вырашэнні нацыянальнага пытання дзеля дасягнення аднолькавай стратэгічнай мэты – стварэння і ўмацавання новай, але ўжо савецкай імперыі.

Неўзабаве, аднак, высветлілася, што ленінская тактыка абвешчана не дзеля яе практычнага ажыццяўлення, а дзеля стабілізацыі бальшавіцкага рэжыму, які яшчэ быў вельмі слабым на толькі што саветызаваных нацыянальных ускраінах. З «карэнізацыі», якую беларусы і украінцы пераклалі на сваю ўласную мову, назваўшы яе адпаведна «беларусізацыяй» і «украінізацыяй», хутка было скончана. Інтэлектуальна-духоўная эліта ў рэспубліках спачатку была ізалявана палітычна, а пасля знішчана фізічна.

Савецкая імперыя неўзабаве была створана з усімі класічнымі атрыбутамі незалежных дзяржаў. Саюзнаыя рэспублікі мелі свае канстытуцыі, парламенты, урады, кампартыі, нацыянальныя сцягі і дзяржаўныя гербы. Аднак усе гэтыя атрыбуты незалежнасці і суверэнітэту савецкіх рэспублік, і гэты ведаў кожны савецкі чалавек, у рэальным жыцці з'яўляліся не болей, чым фікцыяй.

1. Ленин. В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – 5-е изд – М. : Политиздат, 1973. – Т. 25.

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Известно, что концепцию советской федерации В.И. Ленин обосновал в острой полемике со Сталиным И.В. накануне образования СССР, в работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации»».

После окончания гражданской войны, когда усилились тенденции к объединению советских республик, образовавшихся на территории бывшей Российской империи, некоторые партийные работники видели в стремлении республик к укреплению своих суверенных прав главную преграду на пути к единству. В.И. Ленину потребовалось специально разъяснять, что становление и развитие национальной государственности не противоречит стремлению советских народов к объединению в форме федерации.

Проект Ленина был связан, в том числе, и с ожиданиями мировой революции. А она и требовала такой конструкции. Что-то вроде сегодняшнего Евросоюза. В январе 1924 г. Конституцию государства утвердили, записав, что доступ в Союз открыт всем советским социалистическим республикам как существующим, так и имеющим возможность возникнуть в будущем, и что такое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов.

Сталин же считал автономии «субъектами федерации», лишёнными независимости и права на отделение, а саму федерацию с сильной центральной властью рассматривал как переходную ступень к «социалистическому унитаризму». Такое однозначное понимание федерации кардинально расходилось с ленинской трактовкой её как союза равноправных и суверенных республик (по-сталински подобный союз – это только «конфедерация»). Вот почему, подводя итог сталинским рассуждениям о конфедерации и федерации, Ленин написал: «Федерация может быть разных типов».

Сама история разрешила эту полемику. Сталин, изначально проигравший её, больше не делал попыток вернуться к своему первоначальному замыслу. И СССР, как федеративное государство, существовало и развивалось не по территориальному, не по экономическому, а именно – по национальному признаку. Живя в СССР, многочисленные нации и народности сохранили себя, свою национальную культуру, язык, обычаи. Такого калейдоскопа в Западной Европе уже не было. Английский историограф Арнольд Тойнби, например, рассказывает, как были уничтожены народы, не принадлежавшие к основной европейской цивилизации. От пруссов, например, осталось лишь слово «Пруссия», – а это был самый мощный, самый высококультурный из всех прибалтийских этносов.

Так в чём актуальность этих дискуссий сегодня? И на каких условиях и зачем государства в современном мире готовы объединиться?

Прежде всего, государства объединяются для того, чтобы лучше жить, чтобы лучше развивалась экономика. Ведь известно, что внутренний рынок должен составлять 300 миллионов потребителей. Тогда он успешно работает, развиваются все отрасли хозяйства. Если рынок существенно меньше, то в развитии экономики наблюдаются перекосы. Объединение в одно государство или в союз снимает таможенные барьеры, позволяет капиталам, людям, товарам беспрепятственно перемещаться из страны в страну. И именно поэтому объединилась Европа.

При этом интересно, что основатели ЕС Франция и Германия воевали между собой ещё совсем недавно. И государства, которые вступили в ЕС, очень разные и по экономическому развитию, и по культурному наследию. Тем не менее объединение произошло.

Россия и Беларусь вообще долгое время жили в одном государстве и никогда не воевали друг с другом. И понятно, что форма объединения у нас должна быть другая. Наверное, никогда не будет больше такого государства, как Советский Союз, да, возможно, и не нужно, чтобы оно появилось. А вот развитие отношений между братскими народами, усиление интеграционных процессов, создание единого экономического, оборонного, политического пространства – это то, к чему, на наш взгляд, необходимо стремиться.

Остро стоящий на сегодня вопрос о том, как объединившись, сохранить себя как народ, как нацию, как страну, остаётся открытым. Время покажет.

Однозначно можно лишь сказать, что это не должно быть унитарное государство. Сегодня объединение в таком виде, даже с дружественной и братской Россией не приветствуется подавляющей частью населения РБ (о чем свидетельствуют результаты многочисленных соцопросов), которое ясно понимает, что за этим стоит, в первую очередь, потеря суверенитета. С другой стороны, в процессе объединения важно преодолеть существующую сегодня взаимную подозрительность, обидчивость, предъявление каких-то эксклюзивных прав и перейти к нормальным добрососедским отношениям на равных.

Кабот Т.Ф. (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

ПОРТРЕТ ЭПОХИ В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ 20-Х ГГ.

Приоритет идеологических задач над собственно художественными – характерная черта советского искусства. Вместе с тем, переживания исторического значения современности в искусстве достигло в это время необычайной остроты и непосредственности. Образование (1922) многонационального государства создало не виданный еще в мире прецедент – сложения многонациональной культуры, которая мыслилась в будущем как интернациональная революционная культура нового мира. Уже к середине 20-х гг. и позднее советские живописцы достигают больших успехов в создании историко-революционной картины, портретной живописи, бытовом жанре и пейзаже. Развивая прогрессивные реалистические традиции, художники и скульпторы создают яркие произведения, запечатлевшие динамичный, экспрессивный облик эпохи. Именно реализм отвечал требованиям правды, истинности в изображении совершающихся событий. В этот период мастера стремились запечатлеть сюжеты привычным изобразительным языком фактологического отображения. Одновременно работают авторы, которые использовали более сложное, образное восприятие современности, создававшее образы-символы, в которых пытались выразить свое поэтическое вдохновенное восприятие эпохи в ее новом состоянии. Таким образом, 20-е годы – один из тех периодов в истории советского искусства, когда оно только начало поиски своих путей, время существования самых разных группировок со своими платформами, манифестами, системой выразительных средств. Особенно влиятельной из них становится АХРР (Ассоциация художников революционной России), пользующаяся официальной поддержкой государства. АХРР выдвинула лозунг «героического реализма» как фундамент будущего мирового искусства.

В 20-е гг. широкое распространение получает принцип решения историко-революционной темы, принцип достоверного изображения недавних исторических событий. Наиболее полное воплощение этот принцип получил в творчестве И.И. Бродского (1883–1939), Б.В. Иогансона (1893–1973), М.Б. Грекова (1882–1934).

Зачинателем историко-революционной живописи явился И. Бродский, «... работавший прямо по политическому заказу и создавший свою живописную «Лениниану», положившую начало «культовым» произведениям, по сути, основным в советском искусстве» [2, с. 167]. В своей автобиографии И. Бродский писал: «Великая Октябрьская революция с первых же дней глубоко захватила меня. Мне сразу сделалось ясно, что позорно современнику, а тем более художнику, пройти мимо тех великих событий, которые не по дням, а по часам развивались перед глазами. Я понял, что отобразить революционную эпоху и ее великих людей – долг художника» [3, с. 171]. Среди работ Бродского – и многофигурные исторические композиции, и жанровые картины, и портреты, и пейзажи. Значительным достижением художника является цикл исторических картин, запечатлевших наиболее выдающиеся события революционной эпохи, героике борьбы народных масс. В этот период художник создал монументальные полотна «Торжественное заседание Второго конгресса Коминтерна» (1924), «Расстрел 26 бакинских комиссаров» (1925), «Выступление В.И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода в мае 1917 года» (1929) и ряд других произведений, имеющих большое художественно-документальное значение. Будучи превосходным портретистом, Бродский исполнил серию портретов видных исторических деятелей. Образу Ленина, которого он имел возможность рисовать с натуры, художник посвятил ряд работ. Одна из наиболее известных – «В.И. Ленин в Смольном» (1929).

Историзм в форме прямого отражения факта действительности присущ баталистической живописи. Выдающийся российский баталист А. Верецагин полагал, что «... дать обществу картины настоящей, неподдельной нельзя, глядя на сражения в бинокль из прекрасного далека. Нужно самому ... участвовать в атаках, штурмах, победах» [1, с. 286]. Личное участие в боевых действиях в период гражданской войны помогло первому советскому баталисту М.Б. Грекову увековечить историю походов легендарной Конной армии. Обширная галерея картин М. Грекова соотносится с рассказами И. Бабеля, поэзией М. Светлова. Запечатлевая историческую хронику боев, Греков создает запоминающиеся образы, пейзажи битв. В числе знаменитых работ серии: «В отряд к Буденному» (1923), «Разгром корпуса генерала Крыжановского» (1924), «Бой под Егорлыкской» (1927), «Бой за Ростов у Генеральского моста» (1928), «Чертов мост» (1929), «На Кубань» (1930). Написанные по живым впечатлениям, картины отличаются достоверностью, конкретностью. Блестящий мастер-баталист Греков сумел передать в картинах и тревожную боевую лирику, и горечь разочарования поражением, всесторонне раскрыть суровый фронтовой быт, многотрудность солдатского подвига. Художник отходит от традиционного построения батальных композиций, в которых вокруг исторического лица группируются безымянные персонажи. Герои его картин – рядовые красноармейцы. Развитие батального искусства в его творчестве идет по линии углубленного раскрытия психологии современников, осознающих значимость творимой ими истории.

А.А. Дейнека (1899–1969), Ю.П. Пименов (1903–1977), А.Д. Гончаров (1903–1979) и другие воспитанники Вхутемаса, под руководством Д. Штеренберга вошли в состав Общества станковистов – ОСТ (1925). ««Ахрровцы» были скорее художниками-фиксаторами факта, часто не умевшими избежать натуралистичности и поверхностного бытописательства. «Остовцы» боролись за законченную, претендующую на обобщение станковую картину, в которой стремились передать дух современности, как они его понимали, жизнь новой, индустриальной России, и прежде всего нового человека – строителя этого индустриального мира, прибегая к минимуму выразительных средств, но очень

динамично. Излюбленным становится образ спортсмена (отсюда изображение соревнований, кроссов, спринтеров, футболистов, гимнастов). «Остовцы» основываются не на традициях передвижничества с его бытописанием и описательством, а обращаются к динамике и деформации экспрессионизма, к фрагментарной композиции, которой можно было учиться у импрессионистов, к законам лапидарности монументальной живописи» [2, с. 176].

Чувство современности и глубокая связь искусства художника с судьбой народа породили и определили индивидуальный изобразительный язык и стиль блестящего советского мастера А. Дейнеки. «Оборона Петрограда» Дейнеки (1928) была типичным произведением ОСТА, это первая советская подлинно монументальная историко-революционная картина. Сюжет, композиция, ритм, пластика и цвет в произведениях автора используются с максимальной остротой и всегда раскрывают большое жизненное содержание. При этом самой решающей силой в арсенале художественных средств живописца является именно композиция, принципы которой полностью отвечают всей идейно-художественной сущности его творчества. Чувство ритма у Дейнеки поразительно. В «Обороне Петрограда» ритмическое сопоставление масс, различный характер движений фигур в нижней и верхней части картины предельно точно выражают идейный смысл произведения.

В 20-е гг. к историко-революционной теме обращается К.С. Петров-Водкин. Его знаменитое полотно «Смерть комиссара» (1927) стало своего рода символом революции. В нем отражены морально-этические проблемы жертвенности, смерти во имя долга. В «Смерти комиссара» Петров-Водкин сочетает прямую и обратную перспективу, усиливая панорамность изображаемой сцены. Петров-Водкин работал и в других жанрах: портрете, пейзаже – выявляя всегда их строгую конструкцию. В 1922 г. им исполнен портрет А.А. Ахматовой, отмеченный экзотичностью ее внешнего и изысканностью духовного облика.

В 20-е годы закономерно обращение к портрету, в котором делается попытка сочетать сугубо индивидуальные черты с типическими, характерными для определенной эпохи, отражающими социально-общественное лицо модели. В портретном жанре этого типа работают С.В. Малютин (1859-1937), Н.А. Касаткин (1859–1930) и Г.Г. Ряжский (1895–1952). Ряжский создает портрет-тип «Делегатка» (1927), «Председательница» (1928).

В пейзажном жанре индустриальный пейзаж должен был явиться как бы символом созидания. Картина Б.Н. Яковлева (1890–1972) «Транспорт налаживается» (1923, ГТГ) суждено было стать определенной вехой в развитии советской пейзажной живописи [3, с. 214].

Лирический пейзаж в эти годы получил развитие в творчестве К.Ф. Юона («Купола и ласточки», 1921), А.А. Осмеркина («Мойка. Белые ночи», 1927), В.Н. Бакшеева («Голубая весна», 1930), В.К. Бялыницкого-Бирули («Голубой март», 1930) и др. [3, с. 282].

В скульптуре произведения, овеянные «революционной романтикой», создал в 20-е годы И.Д. Шадр (1887–1941, настоящая фамилия Иванов). Это сделанные по заказу Гознака (для изображения на новых советских денежных купюрах, марках и облигациях) «Сеятель», «Рабочий», «Крестьянин», «Красноармеец» (все –1921–1922). «Бульжник – оружие пролетариата» – одно из лучших советских скульптурных произведений, посвященных историко-революционной теме. Рабочий у Шадра – это не только отвлеченный образ пролетария, это изображение российского рабочего в действии и борьбе. Автор решительно вводит в однофигурную скульптуру элементы сюжетной конкретизации и сюжетного действия. Индивидуальная, почти портретная выразительность лица рабочего сочетается с его острой социальной характеристикой. Стремясь использовать традиции мирового искусства, Шадр создал произведение, овеянное духом современности, как он ее понимал.

В 1926 г. в Москве создается Общество русских скульпторов (ОРС), куда вошли мастера различных художественных школ и ориентации: А. Голубкина, А. Матвеев, И. Андреев, И. Шадр, В. Мухина, С. Лебедева, И. Чайков, В. Ватагин, В. Домогацкий, И. Ефимов и др., но всех их объединил интерес к современности. Некоторые из членов ОРС были и членами АХРР. Общество просуществовало до 1932 г.

Идейно-содержательный историзм в форме прямого отражения факта действительности был одной из основных примет советского искусства 20-х гг. Историческая интерпретация фактов мастерами искусства одновременно открывала современность и увековечивала ее.

1. Алпатов, Н.В. Этюды по истории русского искусства: в 2 т. / Н.В. Алпатов. – М., 1967 – Т. 2. – 327 с.
2. Ильина, Т.В. История искусств. Отечественное искусство / Т.В. Ильина. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 2000. – 407 с.
3. Советское изобразительное искусство 1917–1941. – М.: Высшая школа, 1977. – 318 с.

Кавецкий С.Т. (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР

Период конца 80-х и начала 90-х годов XX века ознаменовался глобальной катастрофой–распадом СССР. Это событие затронуло миллионы людей, более ста наций и народностей сверхдержавы. Среди множества причин системного развала страны особо выделяются кризисные явления в сфере национальных отношений.

В состав СССР входили 35 национальных государственных систем (15 союзных и 20 автономных республик) и 18 национальных государственных образований (8 автономных областей и 10 автономных округов). Причем этнический состав в каждой из указанных территориальных образований, как правило, был смешанным, в него входили представители различных этнических групп, хотя их коренная нация могла проживать на другой территории. СССР являлся одним из самых многонациональных государств мира. Уже сама по себе сложность этнического состава народонаселения СССР говорит о громадной научной и политической значимости изучения национально-этнических отношений, резкое обострение которых привело к распаду страны, формированию самостоятельных национальных государств на территориях бывших республик. Отметим два наиболее существенных обстоятельства, обусловивших обострение национально-этнических отношений.

1. На протяжении многих десятилетий в стране происходил процесс огосударствления наций, они создавались без учета реальных потребностей и интересов людей коренной нации и национальных меньшинств. Искусственно выделялись такие административно-государственные единицы, как союзные и автономные республики, национальные округа и области. Не существовало четких и ясных критериев помимо идеологических, которые давали бы возможность, например, провести строгое разграничение между союзными и автономными республиками.

«Интернационализм» как один из ведущих принципов марксистско-ленинской идеологии также сыграл отрицательную роль в проведении национальной политики. На практике он вел к нивелированию национально-этнических различий, порождая и усиливая предубеждения, недоверие одной нации по отношению к другой. Одним из важных свидетельств политики интернационализма и сближения наций явилось объём

ление русского языка в качестве единственного государственного языка, что автоматически вело к принижению роли национальных языков и культурных особенностей. Интернационализм означал вместе с тем приоритет политических и социально-экономических отношений над национально-этническими, тормозил процессы роста этнического самосознания, формирование самобытной культуры и психологии. Хотя нельзя отрицать отдельных фактов своевременного оказания помощи различным республикам, как это было, например, после землетрясения в Ташкенте в 1968 г. и в Армении в 1988 г. В годы «перестройки», когда наметились признаки ослабления централизованной государственно-партийной власти, стала формироваться первая волна националистических движений в республиках Прибалтики, «интернационализм» стал нарицательным именем, синонимом «русской империи», реальным образом врага, на котором сконцентрировались националистические страсти и эмоции.

2. Второй большой круг проблем, повлиявших на обострение национально-этнических отношений в бывшем СССР, заключается в самой природе этничности; точнее порождаемых ею специфических взаимосвязях личности и этнической группы. Эта проблема никогда прежде не рассматривалась всерьез ни официальной идеологией, ни теорией марксизма-ленинизма, считающей национальные отношения в качестве вторичных, порожденных классовыми и политическими отношениями. Однако принадлежность человека к определенному классу, или социальному строю и этническая принадлежность – это явления разного порядка.

Кроме вышеперечисленных причин кризиса национальных отношений в СССР, выделим также объективные и субъективные причины частного характера. В первую очередь речь идет об объективных причинах экономического характера: неравномерность развития экономик союзных республик, преобладание экстенсивного развития над интенсивным, гонка вооружений, в результате которой был достигнут военно-стратегический паритет между СССР и США, однако экономическое соревнование было проиграно.

Во-вторых, это Великая Отечественная война и ее последствия. Одним из источников победы Советского Союза над фашистской Германией стала дружба народов, однако некоторые из них были объявлены пособниками гитлеровцев, репрессированы и депортированы, лишены гражданских прав и государственности. В августе 1941 года в Северный Казахстан и Алтайский край были сосланы немцы Поволжья, которым вернули гражданские права лишь в 1964 году. Последствием этих событий стал массовый выезд из СССР в конце 80-х годов «казахских немцев» в ФРГ. В мае 1944 года были депортированы крымские татары, которые были реабилитированы в 1967 году, но вернуться в Крым смогли лишь после распада Советского Союза. Сейчас непростые проблемы обустройства крымских татар решает правительство Украины. Зимой 1944 года были лишены государственности и выселены с родной земли народы Северного Кавказа: чеченцы, ингуши, карачаевцы, черкесы, балкарцы и другие. Этим народам вернули гражданские права и государственность в середине 50-х годов. Однако военные конфликты после распада СССР показали, что реабилитация была половинчатой и оставила негативный след на десятилетия. Третий объективный аспект кризиса – языковая проблема. С одной стороны, языком межнационального общения стал русский язык, а с другой – «ненавязчивое продвижение» его для более ста наций и народностей в СССР привело к манкуртизму, забвению традиций и национальных языков. Последствия этого процесса реально существуют и сейчас, и не только в Беларуси. Следующая причина – территориальная. Выступая на заседании правительства России в апреле 2008 года, ее Президент В. В. Путин отметил, что в СССР было более 2500 территориальных претензий. К сожалению, некоторые из них до сих пор не решены, а наиболее сложные конфликты – между Азербай-

джаном и Арменией по поводу Нагорного Карабаха, Молдовой и Приднестровьем. Грузией и Южной Осетией. а также Грузией и Абхазией – сопровождались боевыми действиями, жертвами среди мирного населения и их бегством от родного очага. В-пятых, это конфессиональные причины. Наличие в СССР множества религий, большинство из которых несут вечные общечеловеческие ценности. Однако даже замалчивание религиозных распрей в стране не смогло остановить межконфессиональные конфликты, особенно в период распада сверхдержавы. В-шестых, это геополитические причины. СССР – самая большая страна в мире – 22,4 миллиона квадратных метра, 12 часовых поясов, различные климатические зоны. В одной части страны вечная мерзлота, а в другой была возможность собрать два урожая. Закупка продовольствия за рубежом, скудный ассортимент продуктов на полках магазинов большинства городов – все это приводило к ухудшению морально-физиологического климата среди населения общества «развитого социализма».

Среди субъективных причин кризиса национальных отношений в СССР можно выделить следующие: а) пренебрежение опытом других народов и национальная «кичливость»; б) бытовой уровень национализма в стране, который проявлялся через мифы, слухи, прогнозы, анекдоты; в) культ личности И.В.Сталина, от которого пострадали все народы СССР.

В заключение можно выделить некоторые тенденции последствий распада СССР для развития национальных отношений.

Во-первых, это утрата прежнего достаточно высокого статуса русской нации. Правительства некоторых новых национальных государств открыто проводят политику оживления представителей русской этнической группы, лишая их политических и гражданских прав. Русским часто приходится довольствоваться статусом национальных меньшинств, они вынуждены бороться за свои социально-экономические права, отстаивать интересы своей этнической группы в экономике, политике, культуре. Несмотря на поддержку правительства России, многие русские вынуждены мигрировать из Эстонии, Литвы, Латвии, Украины и др.

Вторая проблема связана с ростом сепаратистских тенденций на территориях России. Ряд крупных республик, таких как Башкирия, Татарстан, Якутия, Бурятия, заявили о создании собственной государственности и, не ставя вопрос о выходе из Российской Федерации, вместе с тем, проводят линию на расширение своих прав в хозяйственных, финансовых, социальных областях и внешнеэкономической деятельности.

В-третьих, сами союзные республики в большинстве своем столкнулись с этническими проблемами, которые требуют отдельного изучения. Причины многих современных разногласий и конфликтов уходят корнями в прошлое, разжигание же новых не имеет под собой никакой логической базы.

Кавецкий С.Т. (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

РАСПАД СССР КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

Территория Беларуси, ее население в XX веке испытали большинство катаклизмов, особенно острыми были социальные катастрофы: I мировая война (1914–1918 гг.), революции (1905–1907 гг., 1917 г.), Гражданская война (1918 – 1921 гг.), раздел страны в 1921 году по Рижскому договору, сталинские репрессии (30-50-е годы XX в.), развал на глазах современников Советского Союза, глобальная катастрофа в Чернобыле.

Для Беларуси она обернулась подлинно национальным бедствием. Радиоактивное загрязнение охватило 23% территории республики, под мрачной тенью которого оказались 2,1 млн. человек (около 20% населения), в том числе 800 тысяч детей. А экономический ущерб, нанесенный катастрофой, превысил 32 республиканских годовых бюджета 1985 года. За время, прошедшее после взрыва ядерного реактора, из радиационно-загрязненных районов переселено более 132 тыс. человек, что потребовало огромных материальных затрат, превысивших 5 млрд. долларов США. Главное же в том, что заболеваемость злокачественными образованиями (раком) возросла на 32%, в 3,1 раза увеличилось число инфарктов миокарда, в 3 раза – различных аномий, почти в 5 раз – болезней щитовидной железы у малышей. Катастрофа в Чернобыле по своему содержанию явилась комплексной радиозоологической, а по масштабам воздействия на окружающую среду – глобальной.

Среди некоторых объективных и субъективных причин распада СССР можно назвать следующие объективные причины.

1. Экономические.
2. Последствия войн и революций, гонки вооружения.
3. Неополитические, в первую очередь внутреннего характера.
4. Конфессиональные.
5. Языковые проблемы и др.

Субъективные причины:

1. Национальные проблемы.
2. Последствия культа личности И. В. Сталина.
3. Бытовой уровень национализма.
4. Духовные предпосылки.

Один из аспектов глобализма геополитический, а конкретнее, превращение биполярного мира в однополярный. Этот фактор непосредственно затронул страны Восточной Европы.

Так, Президент Социологической международной ассоциации с 2002 по 2006 годы П. Штопка ведёт речь, в частности, «о концепции социальной травмы», позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований [3]. Рассматривая концепцию социокультурной травмы в некотором более широком или узком смысле, исследователь относит ее к состояниям схожим, со следующими:

1. Аномия.
2. Цивилизационная некомпетентность.
3. Социальное трение.
4. Синдром недоверия.
5. Коллективное чувство вины.
6. Коллективное чувство стыда.
7. Кризис идентичности.
8. Кризис легитимности.
9. Теория культурного лага [3].

«На общем фоне по-разному переживаемой культурной амбивалентности, подвижек потенциально возникают травмирующие факторы: а) безработица, неизвестная в коммунистический период; б) высокая инфляция; в) резкое падение уровня жизни; г) переворот стоатификационных иерархий и деградаций ранее привилегированных групп; д) времен-

ный крах правоохранительных органов и т. д.» [3]. При этом отметим, что степень шока связана с национальными культурными традициями, а также влиянием глобальной западной культуры. «Различная степень этих влияний вела к разнообразию стран, принадлежавших к социалистическому лагерю». Польша не была идентична ГДР, Венгрия – Румынии, Чехословакия – России» [3]. Так венгерский исследователь Иштван Вингендер отмечает, что в трансформационный период усилилась девиантная напряженность. В 90-е годы XX века при высоком уровне самоубийств «число алкоголиков выросло в четыре раза, употребляющих наркотики – в десять раз, число преступлений – в пять раз, и по крайней мере, в три раза численность умственных заболеваний» [4].

Таким образом, во всех постсоветских и восточноевропейских странах есть в большей или меньшей степени явные признаки «неуверенности в себе». Так, российский социолог В. В. Кривошеев, отмечая специфику аномии и её небывалую криминальную насыщенность, делает вывод, что для современной ситуации в России характерна «криминализация всего социума» [5]. Во-вторых, аномия российского общества реально проявляется в процессе перехода общества от некоего целостного состояния к фрагментарному, атомизированному. При этом надо иметь в виду, что несколько поколений формировалось в духе коллективизма. Ныне общество все больше воспринимается как поле битвы за сугубо личные интересы.

В XIX веке Э. Дюркгейм искал выход из аномии в новой идеологии, в новых социально-профессиональных группах. Где искать выход из аномического состояния в современном белорусском обществе? Академик Е.М. Бабосов отмечает, что аномическое поведение индивидов и их групп существенно возрастает в тех случаях, когда в обществе преобладают определенные стандарты поведения и символы успеха, а существующие социально-экономические, политические и социокультурные условия, социальная культура общества резко ограничивают возможности достижения прогнозируемых эталонов успеха для значительной части населения. Основная предпосылка формирования целостной неаномической личности – гармонизация стремлений, интересов и действий различных индивидов, социальных групп и общностей, достижение устойчивого и динамического развития общества [2, с.20].

В этой ситуации важно прислушаться к мыслям Р. Дарендорфа: «Осознание беспорядков, сеяние смуты, неопределенности – это уже достаточно плохо. Но еще большая опасность заключена в другом. Состояние аномии не может длиться долго. Это пригласение узурпаторам, желающим навязать обществу ложное ощущение порядка. Либералы ненавидят в защитниках «закона и порядка» именно то, что сами провоцируют отсутствием четкого осознания необходимости социальных институтов. Опасность аномии – тирания, в каком бы обличье она не явилась» [1, с.242].

1 Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт, Пер. с нем. / Р. Дарендорф // Иностранная литература, 1993/ – № 4.

2 Социологическая энциклопедия / Под ред. А.Н. Данилова. – Минск: БелЭн.

3 Штомпка, П. Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социологическое исследование. – 2001. № 1 – 2.

4 Вингендер, И. Аномия и девиация в венгерском обществе / И. Вингендер // Социологическое исследование. – 2001. – № 5.

5. Социологическое исследование. – 2004. – №3.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЛАРУСИ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

В условиях сегодняшних реалий, когда суверенная Республика Беларусь не может преодолеть экономическую зависимость от России, несмотря на свой значительный промышленный и кадровый потенциал, созданный за годы существования СССР, стоит вспомнить об экономической ситуации в республике накануне образования СССР.

Если даже не принимать во внимание разрушений, нанесённых войной, перспективы экономического развития Беларуси вне советской социалистической федерации представлялись совсем не радужными. Провозглашённая повторно в 1920 г., ССРБ имела территорию всего 52,3 тыс. кв. км, и 1,5 млн. человек населения [1, с. 181]. Реальная возможность увеличения территории существовала только за счет возвращения восточных регионов: Могилёвской (с 1919 г. – Гомельской), Витебской и Смоленской областей. Что и было осуществлено в 1924 и 1926 гг. Но и в новых границах, с учетом двух укрупнений, ССРБ не имела перспектив экономического роста.

Следует отметить, что восточные регионы Беларуси (Минская, Витебская и Могилёвская губернии) в конце XIX – начале XX вв. представляли собой сугубо аграрный регион. Ни одна из перечисленных губерний не входила в число двадцати трёх промышленных губерний России (где процент промышленного населения выше 10,5%) [2, с. 9]. К таковым из белорусских губерний принадлежала только Гродненская. По мнению известного исследователя М.В. Довнар-Запольского, аграрный характер экономики предопределялся однотипностью равнинного ландшафта белорусских земель. Однотипность равнинного ландшафта и однородность занятий населения не способствовала долгое время появлению промышленного центра, куда могло бы стекаться избыточное сельское население. Культурный центр белорусских земель Вильна, не смог стать политическим и экономическим центром ввиду «неудобного географического положения (изолированный и мелкий водный путь и окраинное положение)» [3, с. 8].

По причине отсутствия рыночных и промышленных центров после демографического подъёма пореформенного времени, когда население за 40 лет удвоилось [4, с. 471], в сельской местности возникла проблема аграрной перенаселённости (от 73 до 86 душ на 1 кв. версту). Естественным способом преодоления проблемы в конце XIX в. стала первая волна массовой трудовой эмиграции: переселение белорусов в восточные районы России, в США, Канаду. В 1896 – 1912 гг. из Беларуси в Сибирь переселилось более 700 тыс. человек [5, с. 210].

Конечно, неразвитость промышленности была результатом действия не только физико-географических, но и политических факторов: нахождение в сфере польского влияния, когда белорусские земли представляли собой восточную окраину сельскохозяйственного характера, а затем включение в состав Российской империи, где русификаторская политика царских властей имела свои негативные проявления в области экономики («ограничительные» законы и дискриминационные по отношению к лицам не православного вероисповедания мероприятия). В результате, отсутствие в Беларуси промышленных центров и капиталов превратило её в рынок для сбыта варшавских и московских промышленных изделий.

Промышленный бум в восточных регионах начался только в 80-е гг. XIX в., что было связано с превращением леса и произведённых из него изделий в главный экспортный товар. Причем значительную роль в создании в восточных регионах предприятий деревообрабатывающей промышленности играл германский капитал.

Рост производства древесины и развитие сельского хозяйства стимулировались возможностью вывоза продукции благодаря наличию путей сообщения (железных дорог, водных путей), система которых на белорусских землях была более развита, чем в других регионах России. Но дискриминационная, по отношению к белорусским предпринимателям, политика царского правительства, установившего железнодорожные тарифы, выгодные, прежде всего, российским производителям зерна, заставляла белорусских производителей ориентироваться преимущественно на водные пути, где транспортировка больших объемов грузов обходилась значительно дешевле. «В своем историческом прошлом, Белоруссия, – писал Довнар-Запольский, – охватывала систему верхнего Днепра до устья Припяти, всю систему последней с северными притоками, систему Немана, Западной Двины и соединялась с системой Вислы» [1, с. 13]. Традиционно большое количество леса и изделий из древесины сплавлялись по Неману и Западной Двине в Западную Европу. Отторжение части белорусских земель по Рижскому миру 1921 г. ограничило возможности экспорта товаров в западном направлении и ликвидировало имевшиеся ранее выгоды положения довоенной Беларуси.

Таблица 1 – Распределение национального дохода по отраслям (данные на 1913 г.) [3, с. 9].

Отрасли	Минская губерния	Могилёвская губерния	Витебская губерния	Европейская Россия
Сельское хозяйство	61,3	68,3	56,8	50,0
Промышленность	22,3	13,7	18,4	24,9
Транспорт и торговля	16,4	18	24,8	25,1

Главной отраслью хозяйства Беларуси в конце XIX – нач. XX в. было земледелие, занятие которым представляло собой достаточно трудоёмкий процесс по причине подзолистых малоплодородных почв, наличия значительных заболоченных территорий. Недосток земли и прирост населения стимулировали более быстрое, по сравнению с хозяйством других регионов России, продвижение сельского хозяйства по пути интенсификации. В довоенное время три белорусские губернии (Минская, Витебская, Могилёвская) давали валового дохода на один гектар сельскохозяйственной площади 68,7 рубля, в Московско-промышленном и Центрально-земледельческом районах доход с гектара был 45 руб., а в остальных – значительно меньше (до 16 руб. в Юго-восточном).

Действительно, в течение нескольких десятилетий предвоенного времени белорусское сельское хозяйство уверенно повернуло на путь интенсификации, стихийно определив те направления, которые это обеспечивают: увеличение производства картофеля, кормовых и технических культур, а также развитие животноводства. Картофель и технические культуры были, безусловно, рыночными культурами: дворянские хозяйства значительное количество производимого картофеля перерабатывали на винокуренных предприятиях и 53% – предназначалось на корм скоту, т.е. картофель шел на рынок в виде спирта и крахмала или в мясе и молоке. По количеству винокуренных предприятий Минская губерния занимала среди губерний Европейской России 4-е место, опережая другие белорусские губернии. Не обеспечивая себя пшеницей, белорусские губернии производили значительное количество озимой ржи и ярового овса, которые при посредничестве торговых домов в Риге, Ковно и Пинске поставлялись в Мемель, Данциг, Кёнигсберг и другие города.

Таким образом, при слабо развитой промышленности, ориентированной на переработку местного сырья, белорусские земли имели интенсивно развивающееся сельское хозяйство, ориентированное на поставку продукции на рынок. Изменение экономической

системы, при которой перестали действовать рычаги рыночного регулирования, и главное – лишение Беларуси рынков сбыта (Западная Европа, Россия) подрывали основу белорусской экономики – сельское хозяйство. В условиях политической изоляции единственным выходом для стабилизации экономики представлялось объединение с другими советскими республиками.

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2008. – Т.5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006.
2. Чернышев, И. О всеобщем избирательном праве и его применении в России / И. Чернышев. – С.-Петербург, 1905.
3. Экономическая география СССР / под ред. М.Б. Вольфа и Г.А. Мебуса. Разд. СССР по районам. Западная область (Белорусская ССР и западная область РСФСР) / сост. проф. М.В. Довнар-Запольский. – Москва – Ленинград: госуд. изд-во, 1928.
4. Эцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэд. калегія: М.В. Бяч, А.П. Грыцкевіч, М.І. Ермаловіч [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1993. – Т. 1.
5. Сяргеева, Г. Беларуская дыяспара / Г. Сяргеева // Крыжовы шлях. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. – Мінск: Згода, 1993.

Кудрицкая Е.Г. (Брестский государственный технический университет)

ФЕДЕРАЛИЗМ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Актуальность темы обуславливается значением, которое приобрел в современном мире федерализм в рамках европейской интеграции. Несомненно, что Европейский Союз, как эффективная форма межгосударственного и международного сотрудничества не может быть унитарным объединением. В течение последних лет, начиная с 1986 г. (принятие Единого европейского акта), Европейский Союз интенсивно накапливал основополагающие принципы федерализма. Вместе с тем реализация основополагающих идей федерализма в рамках наднациональной организации представляет собой довольно сложный и противоречивый процесс.

Федерализация отнюдь не представляет собой установление федеративной системы в обычном смысле. Современные западные исследователи видят смысл федерализма, с одной стороны, в предоставлении составным частям федерации самостоятельности и самоуправления, а с другой – в обеспечении их участия в управлении государственными делами. Сам федерализм при этом рассматривается как хорошо испытанное средство для решения конфликтов, в том числе основанных и на этнических различиях. По словам У.Райкера, современный федерализм – это «политическая сделка», тем не менее, выходящая далеко за пределы простой сделки [1, с.52]. Федерализм означает согласие, контракт, но в то же время – веру или доверие, взаимное уважение сторон и добровольность принимаемых обязательств.

Федералистская идея присутствовала как важная составная часть с самого начала европейского объединения – в проектах Мишеля Дебре 1949 года и Ассамблеи *ad hoc* 1953 года под председательством Поля Анри Спаака. Процесс европейской интеграции возник после окончания Второй мировой войны как следствие неограниченного суверенитета национального государства. «Европа, состоящая из суверенных государств», – писал Жан Монне, – сама по себе не способна, при всей доброй воле ее руководителей, принимать разумные решения, необходимые для общего блага. Зато все становится возмож-

ным, если право принимать решения получают институты, призванные заботиться об общих интересах в рамках единых правил и на основании воли большинства» [2, с. 45]. Таким образом, создание нового европейского политического объединения, строящегося на принципах федерализма, явилось одним из способов преодолеть существующие международные трения и конфликты, недостатки национально-государственной формы организации и, тем самым, избежать в будущем очередной войны в Европе. Однако продвижение к политическому союзу началось с восстановления европейской экономики и пошло по пути постепенного секторального объединения (функционалистский подход). В 1951 г. был подписан договор о создании ЕОУСТ (Европейское объединение угля и стали). Ведущие монополии проявляли заинтересованность в Общем рынке, и они его создали, расширив в 1957 г. идею свободы рынка для угля и стали на всю европейскую номенклатуру товаров, рабочей силы и услуг. При этом были созданы механизмы смягчения конкуренции. Так на свет появились Римский договор 1957 г. о ЕЭС и тогда же договор о Евратоме. Упомянутые договоры заложили правовую основу Европейского Экономического Сообщества (Общий рынок). Таким образом, институциональная структура ЕОУС была частично функциональной, частично федеральной, частично межправительственной, предполагающей постепенную интеграцию.

Последующие соглашения стран-участниц начинают все больше приобретать политический характер. Исследователи отмечают, что федерализация Западной Европы получила свое дальнейшее развитие в 70-80-х годах. В отчете «Об общей концепции Европейского союза» Л. Тиндмана от 29 декабря 1975 г. подчеркивалось, что федерация является наиболее целесообразной формой политической организации. В этой связи показательны проект Европейского акта, предложенный правительствами Италии и ФРГ («инициатива ГенШер – Коломбо»), Штутгартская торжественная декларация о Европейском союзе от 19 июня 1983 г. и проект договора «Об учреждении Европейского союза», одобренный Европейским парламентом 14 февраля 1984 г, автором которого был Альтьерро Спинелли. В результате в феврале 1986 г. в Гааге был подписан Единый европейский акт (ЕЕА), который, реализуя федералистские идеи, внес изменения в правила голосования в Совете, произвел некоторое увеличение полномочий Европейского парламента и учредил Суд первой инстанции. Несмотря на многочисленные нормы, в которых сохранялось правило единогласия, ЕЕА ввел процедуру принятия решений квалифицированным большинством голосов в Совете, а также новую процедуру сотрудничества, которая предполагала два чтения законопроекта в парламенте (ст. 7 ЕЕА). Следующий шаг – Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор) принятый 9–10 декабря 1992 г., который, естественно, не завершил создание полноценной системы федеративных институтов в ЕС, но добавил наднациональным институтам новые важные компетенции и формальные обязательства. Маастрихтский договор подтвердил федералистскую направленность Союза. К числу федеративных признаков можно отнести следующие: определенное разделение компетенции между государствами-членами и Европейскими сообществами; принцип субсидиарности; наличие законодательных (Совет ЕС и Европейский парламент), исполнительных (Комиссия) и судебных органов (Суд Европейских сообществ); избираемый с 1979 г. Европейский парламент; издание собственных правовых актов, которые являются обязывающими; создание единого правового пространства, реализуемого через верховенство и прямое действие права Европейских сообществ; роль Суда Европейских сообществ в качестве конституционного суда; создание валютного союза с введением единой валюты, собственные средства ЕС; введение союзного гражданства и принятие Хартии основных прав ЕС: институт Омбудсмена; формирование европейских политических партий; комитет регионов [3, с. 51–52].

Таким образом, с одной стороны Европейские сообщества и ЕС формально отвечают определенным признакам федерации, но, вместе с тем, не является, ни федерацией, ни конфедерацией. В свете вопроса о федеративности Европейских сообществ и ЕС важное место занимает проблема соотношения государственного суверенитета с институтами Европейских сообществ. Возникновение классической федерации влечет за собой исчезновение государственного суверенитета входящих в нее субъектов. В этой связи договоры подчеркивают международно-правовую природу Европейского союза и Европейских сообществ, что находит свое непосредственное выражение в обязанности Союза соблюдать национальную идентичность государств-членов (ст. 6 Договора о Европейском союзе). Кроме того, национальные конституции исходят из делегированной сущности компетенции Европейских сообществ (например, ст. 78 Конституции Франции, ст. 23 Основного закона ФРГ).

Новым этапом в развитии европейской интеграции стал подписанный 26 февраля 2001 г. Ниццкий договор. В Декларации «О будущем Европейского Союза» обращается внимание на необходимость изучения таких проблем, как разграничение полномочий между Европейским союзом и государствами-членами с учетом принципа субсидиарности; уточнение роли национальных парламентов государств-членов в европейской интеграции. Результатом этой работы стало принятие Лакенской декларации 15 декабря 2001 г. В этом документе государства-члены впервые заявили о необходимости принятия Конституции, которая могла бы упростить и кодифицировать существующие учредительные договоры.

Из этого следует вывод, что, основополагающие документы европейского строительства свидетельствует о развитии федералистской концепции интеграции, но ЕС постепенно превращается в гибридную систему, сочетающую начала конфедерализма и федерализма. Дальнейшее развитие ЕС лежит в переходе от практики договоров к принятию единой конституции. Можно предположить, что эволюция ЕС будет проходить в границах конфедеративно-федеративного континуума.

1. Riker W.H. Federalism: origin, operation, significance / W.H Riker. – Boston, 1964. – 235 s.
2. Моне, Ж. Реальность и политика: Мемуары / Ж. Моне. – М., 2001. – 456 с.
3. Сиджански, Д. Федералистское будущее Европы. От Европейского Сообщества до Европейского Союза / Д. Сиджански. – М., 1998. – 296 с.

Лагуновская Е.А. (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Феномен советской культуры является одним из наиболее значительных и вместе с тем сложных, противоречивых, драматических периодов в истории борьбы человечества за идеалы социальной справедливости и социального равенства.

Первая важная особенность советской культуры состоит в том, что это была первая в мире культура рабоче-крестьянского общества. И, следовательно, эта ее принадлежность к новому социально-классовому и духовно-ценностному культурному типу и обуславливала ее особенности, качественно отличающие ее от культур всех предыдущих типов общества (рабовладельческого, феодального, буржуазно-помещичьего).

Идеология социализма, базирующаяся на ценностных основаниях социальной справедливости и социального равенства, отвергала разделение культуры по классовому признаку. В период 1917–1985 гг. глубинным содержанием духовно-нравственного развития стран социалистического лагеря было игнорирование таких понятий, как «высокая», «элитарная культура» для богатых, «низкая», «дешевая» – для бедных.

Культура социалистического общества наиболее результативно выполняла свою гуманистическую, созидательную функцию: она способствовала изменению отношения человека к своей собственной деятельности, к ее результатам в соответствии с требованиями социального прогресса. Культура помогала выработке адекватной самооценки человеком самого себя, своих идейных, нравственных, этических, эстетических, профессиональных качеств, и, в этом смысле, она становилась важнейшим фактором формирования нравственной индивидуальной и социальной деятельности, основанной на единстве морального сознания, отношения и поведения. При социализме культура, становясь все более гуманной и доступной средой обитания для всех членов общества, «второй природой» человеческого бытия, развития и приумножения его талантов, в широком смысле слова, начала выступать «мерой прогресса», но уже не отдельного человека, а общества в целом.

Опыт творческого созидания в единой семье народов СССР свидетельствует о том, что культура практически была реализована как форма духовного и социального объединения разных народов на основе равенства, сложения и приумножения их усилий в решении гуманистических задач: самосохранения, выживания, формирования гармоничных отношений в системе «человек-общество-природа», духовно-нравственного совершенствования самого человека и превращения его в гуманного субъекта современной истории. Таким образом, были представлены экологические аспекты социализма.

Вторая важнейшая типологическая особенность советской культуры состоит в том, что это была культура необычайно короткого по историческим меркам нового общества, чье бытие оказалось предельно насыщенным жесточайшей борьбой различных социально-классовых сил. История рабовладельческого общества длилась тысячи лет, феодального – примерно – одну тысячу, современного буржуазного – около 500, а советского – всего 70–75 лет, значительную часть которых оно отстаивало свою свободу и независимость, либо восстанавливало разрушенные материальные и духовные ценности.

Третья типологическая особенность отечественной культуры советского периода заключается в специфике ее места в социальном пространстве. Советская (народная) власть, возникшая на традиционных принципах культуры русской общины, коренным образом отличалась от общин как Востока, где исторически царил «всеобщее рабство» (К. Маркс), так и общин Запада (ориентированного на принципы частной собственности и индивидуализма, эволюционировавшие в ценностные ориентации всеобщего накопительства, эгоизма и эгоцентризма). Советская культура, возникшая в эпоху духовной деградации западной цивилизации, с одной стороны, оказалась в едином культурно-историческом русле русской цивилизации, а с другой – выделилась своей уникальной спецификой. Она создана на основе коренной (народной) русской культуры (нижний, глубинный слой). Соответственно, ее ценностями являются: приоритет духовного начала над материальным, труд на благо людей как высший нравственный императив, коллективизм (принцип общинности), задушевность, открытость и одухотворенность, многонациональность. Духовное поле русской и как ее продолжения – советской культуры охватывает полторы сотни больших и малых народов, обогащая другие культуры, взаимодействует с ними, сохраняя и развивая их. Данная типологическая особенность советской культуры в исторических рамках и историческом русле архетипа русской национальной культуры способствовала не только сохранению культурных связей между народами, но и их политическому и экономическому развитию.

Советская культура никогда не порывала с архетипическими основаниями российской цивилизации, несмотря на все драматические коллизии и свой социально-классовый характер. Духовно-нравственные ценности социальной правды, социального равенства, мировоззренческие гуманистические контуры этой цивилизации сложились в течение

многотысячелетнего вначале общеславянского, а затем и собственно русского жизнеустройства. И далее она продолжала свою напряженную, но уже материализованную жизнь в советскую эпоху.

Поэтому ведущей, основополагающей чертой советской культуры, ее «генеральным» ценностным стержнем был идеал духовно-нравственного преобразования человека и общества. Этот идеал лежал еще в основе «святой русской литературы» (Т. Манн), но особенно мощно продолжил свою жизнь в советской культуре в целом: музыке, живописи, кино, театре, образовании, просвещении и т.д. Ни в одной из этих сфер, в том числе в массовой печати и информации, не допускалась пропаганда идей национализма, расизма, шовинизма, фашизма; не было культивирования крайних агрессивных форм индивидуализма и культа наживы, неумеренного потребления, пресекалась популяризация гедонистических и аморальных аспектов алкоголизма, наркомании, сексуальных извращений, жестокости, убийств, грабежей. Именно гуманизм и альтруизм стали сердцевиной всех ценностных ориентаций культуры советского общества.

По мнению группы исследователей советской культуры из Петербурга (И.А. Абсалямова, Г.А. Никишов, В.Д. Плахов и др.), ее отличительными чертами как неразрывной составляющей части всей многовековой отечественной культуры являются:

- открытость подвигу;
- востребованность героизма обществом;
- определенная государственная политика по возвеличению и культивированию героизма, поощрению героических поступков, стимулированию героического поведения;
- официально принятый и санкционированный на государственном уровне социальный статус героя (включающий систему наград, льгот, общественное признание);
- наличие и дальнейшее развитие героических традиций, уходящих корнями в глубины русской истории;
- сформировавшаяся и действовавшая героическая субкультура (художественная и документальная литература, публицистика, театр, кино, средства массовой информации и т.д.) [1, 2, 3].

Вся история мировой и отечественной культуры показывает, что подобные черты проявляются далеко не везде и не всегда. Они имманентно присущи только героической культуре и проявляются лишь в определенных исторических условиях, когда народ освобождается от рабства и становится созидателем истории. Иначе говоря, героическая культура реализуется только в героическую эпоху, когда реализуются исторические задачи, требующие экстраординарных усилий, когда осуществляется общественный прогресс при «сверхчеловеческих» усилиях и условиях, которые можно назвать «экстремальными», «драматическими», «трагическими», «революционными».

Пятая типологическая особенность советской культуры заключается в приоритетном значении системы ценностей, смыслов, образов, традиций труда как общественно значимого феномена. Труд, как одна из базовых ценностей материальной (хозяйственной) культуры, отражает отношение человека к деятельности. Мотивы, цели, качество, формы, эффективность труда в конечном итоге определяют успешность существования всей социальной системы в целом.

1. Абсалямова, И.А. Место советской культуры в истории российской цивилизации / И.А. Абсалямова // Советская культура в контексте истории XX века. – СПб, 2000. – Ч. 1. – С. 18–20.

2. Никишов, Г.А. Советская культура как новый тип культуры в истории человечества / Г.А. Никишов // Советская культура в контексте истории XX века. – СПб, 2000. – Ч. 1. – С. 21–23.

3. Плахов, В.Д. Опыт типологического определения советской культуры как героической / В.Д. Плахов // Советская культура в контексте истории XX века. – СПб, 2000. – Ч. 2. – С. 10–12.

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В настоящее время актуальность проблемы гражданского и патриотического воспитания определяется интересами Республики Беларусь как демократического и правового государства, интересами общества и отдельной личности, ее отношением к политике государства и участием в международных политических процессах.

Само понятие «гражданственность» является фундаментальным духовно-нравственным качеством, мировоззренческой и психологической характеристикой личности. На основе гражданственности формируются ценностные ориентации, также патриотические идеалы, взгляды личности по отношению к обществу, осознается ее место в нем. Кроме того, именно через гражданственность личность определяет свои обязанности и меру собственной ответственности перед Отечеством, государством и народом.

В понятии «гражданско-патриотические» качества выражаются не только политико-правовая связь человека и общества, но также морально-этические основания этой связи, что отражается в развитии таких качеств, как ответственность перед обществом и государством, уважение к национальным и социальным ценностям, гордость за достижения страны, честь защищать общественный порядок и мирный труд граждан и др.

Так, по результатам анкетного опроса, проведенного 16–19 апреля 2012 года социологической учебно-методической лабораторией БрГУ имени А.С. Пушкина среди студентов 3–4 курсов всех факультетов, более 85% студентов гордятся историей, прошлым Беларуси, чувством гордости за настоящее испытывают более 50% опрошенных, 40% – полностью присоединились к мнению «Я верю в лучшее будущее Беларуси», 31,2% – согласны частично.

Очевидно, что совершенствование работы по гражданско-патриотическому воспитанию молодого поколения является насущной потребностью общества, вступившего в период социально-экономических и демократических преобразований в сложных геополитических условиях. Задача формирования гражданской зрелости молодежи, чувства национального самосознания, политической и моральной ответственности стоит очень остро, потому что для ее решения необходим кардинально новый подход, отвечающий современным социально-экономическим и духовным условиям нашей жизни, а также особенностями мировых тенденций глобализации планетарного сообщества.

Вопрос о воспитании в современных условиях, когда в обществе решительно меняется способ жизни, о том, как преодолеть тенденцию утраты патриотизма в молодежной среде волнует педагогическое сообщество.

Сегодня гражданско-патриотические идеалы молодежи недооформлены и отягощены потребительскими, иждивенческими ожиданиями, что во многом снижает ее гражданско-патриотическую активность, социальную зрелость, устойчивость ценностных ориентаций.

Будущее Беларуси связано не только с ростом экономических показателей, с нанотехнологиями и другими утилитарно-прагматическими целями. Оно также зависит от мировоззренческих установок молодежи, которые связаны с уверенностью в будущем Беларуси, с возможностью реализации профессиональных и жизненных целей в своем Отечестве, с желанием строить свою семью в родной стране и, тем самым, продолжать свой род и его мудрые вековые традиции.

Такую веру и оптимистический взгляд в будущее укрепляют и развивают высокие гражданские и патриотические качества личности, которые формируются в процессе социализации личности, под влиянием различных детерминант. Особую роль в этих процессах играет государственная политическая идеология образовательных и воспитательных программ.

Современная государственная молодежная политика направлена на формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре Отечества, к другим народам, на соблюдение прав человека.

Гражданско-патриотические качества личности формируются в социуме. Первоначально в семье, где естественно развивается любовь к родному дому, месту, где родился, своей Родине, чувство гордости за свой народ, его исторические и духовно-нравственные традиции, героическое прошлое. Большую роль в развитии гражданско-патриотических чувств играют процессы социализации, образования и воспитания, влияние средств массовой информации и коммуникации.

Данные вышеуказанного социологического опроса показали, что на формирование мнения студентов о жизни и стране оказывают влияние: семья – 42,1 %, СМИ – 35,3 %, негосударственные СМИ, Интернет и др. – 26,7 %, преподаватели социально-гуманитарных дисциплин – 21,5 %.

Несомненно, что воспитание гражданина рассматривается как одно из направлений национального возрождения, реставрации общечеловеческих ценностей. Важно, чтобы этот процесс был непрерывным, сохранял преемственность. Ощущение себя гражданином своей страны, безусловно, поможет сориентироваться в борьбе взглядов, идей, характерных для современного общества.

Независимо от нашего желания, в новых условиях социально-политического, экономического, духовного развития молодежи сохраняется преемственность в истории, в развитии культуры. Учитывая такие особенности развития культуры, задача воспитателей, учителей, преподавателей не отказываться от положительных традиций прошлого, научиться распознавать их и использовать в настоящем, способствуя развитию и укреплению конструктивных процессов воспитания. Нельзя забывать, что понятие «преемственность» отражает не только связь с прошлым, но и взаимосвязи с другими элементами сознания, а именно – элементами национального самосознания.

Проведенные социологические исследования продемонстрировали связь гражданской зрелости студенческой молодежи с развитием чувства национального самосознания. На вопрос «Быть патриотом Беларуси – это...» студенты ответили: уважать национальную историю и культуру – 66,5 %, любить то место, где родился – 62,8 %, быть готовым ащищать Родину словом и делом – 39,5 %, знать и соблюдать законы Республики Беларусь – 28,9 %, чувствовать личную ответственность за происходящее в стране – 21,1 %.

Прошло более двух десятилетий после упразднения советской школы, но ее достоинства по-прежнему неоспоримы. Она органически соединяла в себе душевные силы молодого человека с жизненной целью гражданина, страны, национальными ценностями истории и культуры, которые становились основными чертами созидательного, патриотического характера человека. Советская школа воспитания формировала высокие нравственные принципы коллективизма, патриотизма, трудолюбия, альтруизма, тому примером служит судьба многих людей, имевших разный социальный статус. Советский стиль обучения был направлен на получение специалистами фундаментальных знаний, в отличие от Европы и Запада, где укоренилась прагматическая узкоспециализированная концепция университетского диплома.

Таким образом, в разработке любых программ, в том числе образования и воспитания, необходимо учитывать положительный исторический опыт, в котором национальное и общечеловеческое не противоречат друг другу, а развиваются кооперативно и согласованно.

В современных процессах глобализации обнаруживается противоречивость между «национальной культурой» и «мировой культурой», создается угроза нивелирования национальных традиционных ценностей и, соответственно, размытыми и неопределенными являются патриотические и гражданские качества.

Истоки патриотизма в преемственности между поколениями, в понимании того, что Беларусь исторически связана с различными культурами, цивилизациями и мировосприятиями.

Хотелось бы подчеркнуть, что в современных реалиях личности должны осознавать, что они не только граждане своей страны, но и всего мира. Людей планеты Земля объединяет желание сохранить достойные условия жизни и вообще жизнь на планете. Таким образом, формирование гражданско-патриотических качеств – это и формирование осознания своей ответственности за сохранение жизни на Земле, осознание ответственности за будущее человеческой цивилизации, частью которой каждый из нас является.

Медведева Г.Б., Захарченко Л.А. (Брестский государственный технический университет)

О СУЩНОСТИ И РОЛИ КООПЕРАЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А.В. ЧАЯНОВА

Одним из крупнейших теоретиков кооперации был и остаётся А.В. Чаянов, учение которого постоянно привлекает к себе внимание не только практиков кооперативного движения, но и исследователей – экономистов, пытающихся определить концептуальные основы трансформационной экономики в целом и преобразований в сельском хозяйстве в частности. Научное наследие А.В. Чаянова многообразно, но, на наш взгляд, он вошел в мировую экономическую мысль, прежде всего, как исследователь крестьянского хозяйства и кооперации.

Кооперация понимается А.В. Чаяновым как «...широкое социальное движение, постоянно развивающееся, переходящее из одной фазы в другую, живущее в различных правовых и экономических условиях и сообразно им и состоянию своего развития образующее свои организационные формы» [1, с. 12].

Путь к кардинальному повышению эффективности аграрного сектора ученый видел в массовом распространении кооперации, в её антикапиталистическом и антибюрократическом содержании.

Согласно А.В. Чаянову, понятие «кооперация» должно быть расчленено на два понятия: «кооперативное предприятие» и «кооперативное движение». С одной стороны, существует кооперативное предприятие как организационно-хозяйственная форма, которое может не ставить перед собой никаких социальных задач. С другой стороны, существует широкое социальное кооперативное движение, или точнее различные движения, обладающие свойственным им идеологическим наполнением и пользующиеся кооперативными формами организации хозяйственных предприятий как одним из инструментов своего конкретного воплощения.

Кооперация не может мыслиться изолированно от той социально-хозяйственной базы, на которой она стоит, и поскольку экономически различны эти базы, различна природа самих отраслей кооперации. Но при этом «характерной чертой кооперативного пред-

приятия выступает то, что оно никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов; это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними, и только перед ними» [2, с. 5].

Кооперативная теория А.В. Чаянова решает комплекс организационно – производственных проблем сельскохозяйственной кооперации. Основное положение – необходимость постепенного переустройства сельского хозяйства на основе экономического интереса производителей с использованием многообразных кооперативных связей. В основе его теории лежат два взаимосвязанных элемента: дифференциальные оптимумы и вертикальная интеграция сельскохозяйственного производства.

В основе развития кооперации лежит стремление к оптимизации производственных факторов, а не их максимизация. Это положение получило свою разработку в теории «дифференциальных оптимумов».

Исследуя размеры сельскохозяйственных предприятий, А.В. Чаянов приходит к выводу, что каждой отрасли сельского хозяйства соответствует план, свой оптимум, который отражает различные условия протекания биологических и экономических процессов в разных отраслях. Критерием оптимальности он считал достижение минимума себестоимости по каждому виду продукции. Причем этот оптимум должен быть каждый раз скорректирован в зависимости от изменений (технических, организационных и пр.), происходящих в отрасли. Оптимум зависит от природно-климатических, географических условий, биологических процессов. Все элементы себестоимости в земледелии Чаянов разделил на три группы: 1) уменьшающиеся при укрупнении хозяйств (административные расходы, издержки по использованию машин, построек); 2) увеличивающиеся при укрупнении хозяйств (транспортные издержки, потери от ухудшения контроля за качеством труда); 3) не зависящие от размеров хозяйств (стоимость семян, удобрений, погрузочно-разгрузочные работы). Оптимум сводится к нахождению точки, в которой сумма всех издержек на единицу продукции будет минимальной.

Сельскохозяйственный кооператив является дополнением к самостоятельному крестьянскому хозяйству, обслуживает его и без такого хозяйства не имеет смысла. Процесс кооперирования должен развиваться путем постепенного последовательного отделения от крестьянских хозяйств тех функций и операций, которые экономически подготовлены к кооперативному объединению и в кооперативных формах приносят больший экономический эффект, чем в рамках отдельных крестьянских хозяйств. Масштаб кооперирования зависит от состояния и преобразования технической базы.

Процесс кооперирования содержит ряд этапов: объединение отдельных операций и отраслей, выделенных из крестьянского хозяйства; объединение тех функций, которые ранее находились в руках посредников, обслуживающих крестьянское хозяйство в сфере обращения; собственно процесс производства.

Основу классификации кооперативов А.В. Чаянов увидел в самом производственном процессе. Он объединил все сельскохозяйственные кооперативы по четырём различным группам.

К первой категории он отнёс кооперативы, занимавшиеся обработкой земли. Это были: машинные товарищества, товарищества совместной обработки, а также мелиорационные товарищества.

Во вторую категорию входили кооперативы, в которых на первом плане находились процессы биологические. К ним отнесены племенные и селекционные союзы, общества и товарищества.

В третью категорию им были включены кооперативы, занимающиеся первичной переработкой сельскохозяйственных продуктов: маслодельные, молотильные, овощесушильные, крахмальные и т.п.

В четвертую объединились кооперативы, осуществляющие операции, связывающие хозяйство с внешним миром: закупочные и сбытовые, кредитные, земельные и арендные товарищества, страховые союзы. Диалектика развития кооперации такова, что вначале возникают наиболее простые формы кооперации: потребительские и закупочные товарищества. Они подготавливают почву для организации сбытовых кооперативов. Последние реформируют сельское хозяйство в сторону его наибольшего соответствия рыночной конъюнктуре; встает проблема овладения переработкой. Создаются кооперативы по переработке сельскохозяйственного сырья. Наконец, на основе созданной высокоорганизованной системы сельскохозяйственной кооперации появляются производственные формы – машинные, мелиоративные и водные товарищества, племенные союзы и т.д. В завершение вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, кооперирующих некоторые отрасли своего хозяйства, в систему общественного кооперативного хозяйства, построенную на базе обобществления капитала, оставляющую техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах своих членов на началах технического поручения.

Кооперация представляла как единственный путь постепенной перестройки «разобценных индивидуальных крестьянских хозяйств в высшие формы общественного хозяйства».

Развитие кооперативного строительства в сельском хозяйстве Чайновым А. связывался в первую очередь с вертикальной концентрацией. Идея гибкого объединения в кооперативных формах производственных единиц разных размеров различных отраслей сельского хозяйства была ведущей в его теории, более того, сущность «земледельческой кооперации» связывалась именно с процессом вертикальной концентрации сельского хозяйства.

Чайновым А. была выдвинута идея «кооперативной коллективизации». «Единственно возможный путь в наших условиях внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации и государственного плана, это – путь кооперативной коллективизации, постепенного и последовательного отщепления отдельных отраслей от индивидуальных хозяйств и организации их в высших формах крупных общественных предприятий».

Вместе с тем, А.В. Чайнов не отвергает горизонтальную концентрацию в сельском хозяйстве. С ней он связывает создание крупных производственных единиц в виде сельскохозяйственных коммун, артелей, тозов. Но эти формы не могут иметь массового масштаба, на котором можно строить политику концентрации сельскохозяйственного производства. Горизонтальная концентрация не способна глубоко связать сельскохозяйственное производство. Для нее характерна тенденция к максимизации, к замене управления «снизу» бюрократизацией. Им был предсказан результат горизонтальной концентрации: застой, падение производительности в сельском хозяйстве, антидемократичность управления. Это приведет к сопротивлению со стороны крестьян, к апатии и другим негативным моментам.

Из этого вовсе не следует, что нужно развивать только малые производства, хотя считаться с преимуществами мелкого земледелия там, где оно экономически оправдано, 52

необходимо. Напротив, идея вертикальной крестьянской кооперации предусматривает создание крупных производственных хозяйств и их расширение по мере развития сельскохозяйственного производства. Вопрос состоит в комбинированном развитии взаимосвязанных больших и малых предприятий. Он предусматривает как сохранение преимуществ трудового крестьянского хозяйства, так и создание достаточно крупных сельскохозяйственных предприятий. Сам кооператив «является дополнением к самостоятельному крестьянскому хозяйству, обслуживает его и без такого хозяйства не имеет смысла». Но он не затрагивает его самостоятельности и не изменяет его сущности.

А.В. Чаянов подчеркивал значительную продолжительность процесса кооперирования, в ходе которого преобразуется весь строй крестьянских хозяйств. Процесс кооперирования существенным образом влияет на структуру крестьянского хозяйства. Даже частичное кооперирование заставляет мелкого производителя изменять организационный план своего хозяйства, ведет к перестройке хозяйственных процессов в соответствии с организацией кооперативного сбыта и переработки, предполагает внедрение улучшенной техники. При одновременном развитии широкой сети перерабатывающих производств, инфраструктуры, кооперативного кредита, при нарастании элементов обобществления «вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, в систему общественного кооперативного хозяйства».

Изучение внутренней структуры отдельного крестьянского хозяйства, выявление возможности и эффективности кооперирования отдельных отраслей и операций при сохранении в качестве основы сельскохозяйственного производства независимого самостоятельного производителя, собственника имеет большое значение для развития современной экономики.

1. Чаянов, А.В. Краткий курс кооперации / А.В. Чаянов. – М., 1925. – 15 с.

2. Чаянов, А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации / А.В. Чаянов. – М., 1991. – 32 с.

Медиченко Л.Е. (Брестский государственный технический университет)

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДСТВА ПОЛИТИКИ В СССР

Рассмотрение массовой культуры как средства политики в СССР имеет огромное значение и для современности: именно с помощью особой культуры жизни, особого искусства и было создано Советское государство. Большевикам, после прихода к власти требовалось обратиться к себе массы. Поэтому практически сразу после победы Октября большевики приступили к революции культурной, программа которой была выдвинута В. И. Лениным. Она предусматривала создание под руководством партии предпосылок для решения таких задач, как внедрение новой системы управления, новой организации труда, быта, новой морали. Так как народ был далёк от элитарной культуры, развитой в Российской империи, то большевики стали активно развивать новую советскую массовую культуру, доступную всем. Это была культура, которая в своей основе отражала процесс слияния искусства и политики, решала задачи, поставленные временем, заменяла собой традиционные формы народной культуры.

Вслед за известным исследователем массовой культуры А.Я Флиером [1, с. 138], выделившим основные проявления и направления массовой культуры, хотелось бы подчеркнуть, преобладающие, на наш взгляд, формы функционирования массовой культуры в СССР: массовая общеобразовательная школа; система национальной (государственной) идеологии; массовая социальная мифология, упрощающая сложную систему ценностных ориентаций человека и многообразие оттенков миропонимания до элементарных, дуалистичных оппозиций; массовая художественная культура, массовые постановочно-зрелищные представления, профессиональный спорт.

Анализируя феномен советской массовой культуры как особого социокультурного явления, необходимо указать ее основные характеристики. Это, прежде всего, ориентация на формирование гомогенной аудитории – советский народ – как субъект новой советской культуры. Советская массовая культура была ориентирована на иррациональное, бессознательное, коллективное. Еще Карл Юнг в своих работах отмечал, что основой массовой культуры является символическое образование. Роль символа, по его мнению, заключается в том, чтобы способствовать сублимации энергии бессознательных сфер психики, т.е. направлению ее в объективную реальность. Согласно Юнгу, базовыми в понимании массовой культуры являются следующие компоненты. Во-первых, ее восприятие как компенсаторного явления, восполняющего утраченную целостность человеческой природы. Во-вторых, понимание бессознательной основы массовой культуры. В-третьих, понимание мифотворческого предназначения массовой культуры [2, с. 57]. Советское массовое искусство не стремилось учитывать ни общечеловеческих, ни национальных, ни природных особенностей жизни народов, населявших Российскую империю. Оно было ангажировано строгим режимом, подчинялось ему и функционировало как художественное отображение общественной жизни, в которую включалось и ее идейное содержание. «Отсюда застой, омертвление, – писал А.Л. Андреев. – В таких условиях деятельность художника теряет характер открытия и превращается, по существу, в бесстрастное варьирование канонических тем, сюжетов, композиционно-пластических решений. Из искусства уходит трепетное дыхание жизни, и оно вырождается в холодный, бездушный академизм» [3, с. 6]. Такое искусство способствовало формированию идеологизированного человека с идеологизированным сознанием, которого стали называть «гомо советикус». Сознание такого человека было притуплено браваурными маршами и оптимистическими песнями, лакированной красотой на экранах кино, полотнах художников, на огромных фресках и стендах.

Для массовой культуры, как заметили культурологи, очень свойственно повторение сюжетов, идей и образов. А повторяемость – это свойство мифа. Мифология, в свою очередь, фиксирует в концентрированном виде коллективное бессознательное. Следовательно, массовая культура тем или иным образом ориентируется на архетипы коллективного бессознательного. Советская мифология много поработала над образами своих героев: В.И. Ленин, И. Сталин, М. Будённый, Павлик Морозов. В Советском Союзе создавалась практика использования идеологических возможностей массовой культуры по формированию ценностных ориентаций в сознании населения. Десятилетиями в общественном сознании официальной наукой укоренились различные мифы. Они широко пропагандировались в масштабе всей страны и поддерживались наглядностью модели советской массовой культуры. Так, в бесчисленном количестве изготавливались памятники маршалам, героям, сталиерам и колхозникам, демонстрирующие изобилие и небывалые успехи

хи советского строя. Эталоном соответствующего ему стиля всегда была фреска «всенародного процветания». Такими же идеологически-пропагандистскими были и национальные варианты в официальном советском изобразительном искусстве, где сходства между национальными вариантами такого «искусства» было больше, чем различий. Даже атрибутика сталинско-брежневских времен до мелких деталей была всюду одинакова. Люди привыкли не различать памятников, с безразличием взирали на почти одинаковые фигуры вождей в Москве и Ташкенте, Риге и Минске, не верили текстам на плакатах, которые были абсолютно одинаковы во всех национальных республиках, областях, краях, национальных округах.

Другая, не менее значимая характеристика массовой культуры – эскейпизм, т.е. бегство от реальности в мир фантазий и грёз. Эту черту отмечают многие исследователи. Так, в частности, В.П. Шестаков считает, что именно благодаря эскейпизму массовая культура осуществляет подмену, или, выражаясь языком психоанализа, компенсацию реальности миром обманчивых и утешительных иллюзий [4, с. 124]. Немаловажную роль здесь сыграл советский кинематограф. Достаточно вспомнить по-своему талантливый и любимый нами фильм «Кубанские казаки». Там есть одна из очень примечательных сцен – изобилие товаров на колхозной ярмарке. По воспоминаниям создателей фильма, в тот период даже на Кубани не нашлось столько продуктов, чтобы показать кинематографическую картинку «советского изобилия». Поэтому, все то, что мы видим на экране, – это муляжи продуктов (так и хочется сказать «муляжи советского изобилия»). Но, тем не менее, это была очень убедительная реализация мечты о светлом будущем.

Как особую категорию следует выделить так называемые «культовые» произведения. Их главная особенность заключается в том, что они очень глубоко проникают в массовое сознание и приобретают достаточную степень устойчивости. Достаточно вспомнить, сколько анекдотов породила кинозвезда «Чапаев». А книга «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, ставшая культовым произведением советской социальной сатиры, прочно вошла в сознание масс бесчисленным количеством цитат и афоризмов. Фильм «Подвиг разведчика» и первый художественный сериал «Семнадцать мгновений весны» уже несколько десятилетий являются своеобразными видео-гимнами советской военной разведки, а исполнители главных ролей – П. Кадочников и В. Тихонов в сознании народа всегда будут «нашими советскими героями-разведчиками».

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что в СССР массовая культура отражала процесс слияния искусства и политики. Отстаивая определенные мировоззренческие идеалы, прямо или косвенно отражая общественные процессы в конкретную историческую эпоху, советская массовая культура и искусство вовлеклось в сферу политики. При этом советская массовая культура рассматривается как особый тип культуры, возникший в результате процессов индустриализации и урбанизации и заменившей собой традиционные формы народной культуры.

Под влиянием советской массовой культуры формировалась и изменялась система ценностей. Теория и практика партийности советского искусства и культуры стала реализацией всеохватывающего партийно-государственного контроля над духовной жизнью общества с целью внедрения в массовое сознание единственной унифицированной идеологии. Основная задача такой идеологии – формирование у людей такого типа стандартизированного сознания, которое заставляет их в жизненно важных для общества ситуациях поступать одинаково и так, как это желательно правящей партии. Во многих про-

изведениях советской массовой культуры предлагались готовые ответы на то, что происходит в социокультурном пространстве вокруг индивида, а это способствовало формированию пассивного восприятия действительности. В большинстве своем советская массовая культура, оказывая влияние на общественное сознание, основывалась не на образах, ориентированных на реальность, а на системе имиджей, воздействующих на бессознательную сферу человеческой психики, что в трудах исследователей феномена массовой культуры трактуется как предельное выражение духовной несвободы, социальный механизм отчуждения и угнетения личности человека.

1. Флиер, А.Я. Массовая культура и её социальные функции / А.Я. Флиер // ОНС. Общественные науки и современность. – М., 1998. – № 6. – С. 120–129.
2. Маркова, Г.И. Массовая культура: содержание и социальные функции / Г.И.Маркова // Искусство. – 2008. – № 7. – С. 54–60.
3. Андреев, А.Л. Мир искусства и мир политики / А.Л. Андреев. – М.: Знание, 1990.
4. Шестаков, В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» / В.П. Шестаков – М.: Искусство, 1988.

Меньковский В.И. (Белорусский государственный университет)

СССР КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Двадцать лет назад прекратил существование Советский Союз. Завершилась история государства, которое задумывалось как государство принципиально нового типа, целью которого провозглашалось его превращение во «всемирный союз советских социалистических республик». Лозунги и декларации первых лет советской власти постепенно трансформировались, с течением времени СССР во все большей степени приобретал черты «обычной» (для классической политологии) страны. Однако степень этой «обычности» была и остается предметом научных дискуссий. Во многом именно отношение к феномену СССР определяет и позицию исследователей по отношению к факту распада Советского Союза.

Комплекс социальных, политических, экономических, культурных трансформаций, сопровождавших период прекращения существования СССР и становления новой «постсоветской» истории, привел к изменению всех сторон жизни новых независимых государств. Предметом нашего анализа является лишь один аспект этих кардинальных изменений, связанный с состоянием «постсоветской» исторической науки и ее рефлексией на факт исчезновения единого государства.

В белорусской историографии уже делались попытки анализа научной и мемуарной литературы, отражающей историю кризиса и распада СССР. В первую очередь обратим внимание на справочно-библиографические пособия «Современная историография новейшей истории России и истории СССР», «Современная российская историография» и учебное пособие «История России. XX век» [1, 2, 3].

Авторы отмечали, что в постсоветской историографии тема перестройки и распада Советского Союза не является приоритетной. Однако постепенно изучается и недавнее прошлое. Прежде всего, накапливаются и систематизируются фактические данные.

Важной группой источников являются политические мемуары. Политики, поддерживающие «перестройку» (М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, Н.И. Рыжков, Э.А. Шеварднадзе и др.),

равно как и радикальные демократы (Б.Н. Ельцин, А.А. Собчак) и консерваторы (Е.К. Лигачев), оппонирующие ей, сочли нужным оправдать свою позицию перед общественностью и грядущими поколениями. Несмотря на то, что в силу самого жанра мемуары имеют личностный характер, некоторую общность взглядов отметить все же можно. Советские руководители в большинстве своем признавали косность командно-административной системы и необходимость ее реформирования. Рассуждения о путях оживления экономики и нормализации политической жизни не выходили за рамки довольно абстрактных понятий и предложений [4].

В научной литературе существовал и существует значительный разброс мнений по проблематике, связанной с изучением причин прекращения существования Советского Союза [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]. Некоторые исследователи, например В.И. Болдин, В.А. Печенев, полагали, что причины распада страны носили субъективный характер, то есть объяснялись конкретными ошибками советских политиков. Однако преобладает точка зрения о том, что распад СССР следует понимать скорее как итог деформации системы, чем как следствие частных событий. В объяснении кризисных явлений большое распространение получила теория «модернизации», согласно которой коммунизм оказался тупиковой ветвью развития, так как перестал соответствовать требованиям прогресса. В.В. Согрин и Д.А. Волкогонов считали, что советская система себя изжила и предотвратить ее крах было нельзя. Р.А. Медведев, отвечая на вопрос, почему распался СССР, в качестве основной причины выделял упадок коммунистической идеологии, повлекшей слабость союзного центра и ЦК КПСС, что и стало основой для неконтрольного роста национальных движений, распада соцлагеря и беспомощности перед давлением со стороны Запада. В публикации В.С. Смирнова продемонстрирована неэффективность советской экономики. Кризис власти и экономики отмечал Р.Г. Пихойя, по мнению которого драма крушения СССР прошла относительно безболезненно, благодаря сочетанию двух факторов: массового недовольства населения и неспособности руководства к сопротивлению [12].

Как мы уже отмечали, при всей значимости тематики, связанной с фактом распада СССР, для историков она остается периферийной, серьезные исследователи ограничиваются изучением отдельных аспектов темы и не берут на себя смелость подготовки обобщающих трудов по этому периоду. Возможно, одна из причин этой осторожности связана с завышенными ожиданиями от исторической науки. Общество традиционно ждет от историков «объективного» анализа прошедших событий. Но методологический инструментарий историков и их роль в процессе написания исторических работ принципиально изменились за последние десятилетия. Многие ученые стремятся подчеркнуть, что подготовленные ими работы в принципе не могут не быть субъективными и должны именно так восприниматься. Историки, безусловно, готовят свои работы на репрезентативных источниках, но сам выбор источников, формулировка рассматриваемых проблем, выводы, к которым они приходят, не могут быть абсолютно объективными в силу зависимости от столь субъективных обстоятельств, как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя.

Вопросы, поставленные определенными исследователями, и выводы, к которым они приходят, при использовании репрезентативного корпуса источников являются научно обоснованными, хотя могут не совпадать с вопросами и выводами других ученых. Несовпадение не означает, что одни работы являются «правильными», а другие «ошибочными». Разница в оценках связана как с принадлежностью ученых к разным поколениям, так

и с личностью исследователя. спецификой его теоретической и методологической подготовки. При самом тщательном научном подходе выводы исследователей зависят от их академической и политической позиции. Какой бы «объективной» ни стремилась быть историография, она всегда «субъективна» [13].

После 1991 г. для национальных историографий первостепенной стала задача «выстраивания новых национальных историй», смены тех парадигм, которые создавались в советские годы. Поиск национальной самоидентификации сопровождался совершенно естественной критикой предшествующей историографической модели, направленной на доказательство исторической обусловленности совместного существования в рамках единого государства. Историческая наука выполняла как функцию «политики, обращенной в прошлое», так и функцию науки, формирующей будущее.

Однако было бы чрезвычайным упрощением свести изменения в историографическом комплексе лишь к политической (выполнение новой национальной задачи) и организационной (формирование собственной структурной и кадровой базы) составляющей. Изменения совпали по времени со сменой методологических парадигм в гуманитарной науке. Основное внимание переместилось с проблем политической и социальной истории в сферу культурной истории, для которой наиболее важным является анализ дискурса, пространства, визуальных источников.

Во второй половине XX в. мировая историческая наука прошла сложный и противоречивый путь. В целом это было поступательное развитие, которое привело к обновлению теоретических основ, методологии и методики историографии. «Историография» определяется в научной литературе как: 1) история исторической науки в целом, а также совокупность исследований, посвященных определенной эпохе, теме, проблеме; 2) отрасль исторической науки, изучающая ее становление и развитие, накопление исторических знаний и источниковой базы, борьбу и смену методологических направлений; 3) само описание истории, исторического процесса. Поскольку термин имеет различные толкования, мы считаем необходимым уточнить, какой смысл вкладывается в это понятие. Мы рассматриваем историографию как специальную историческую дисциплину, изучающую историю накопления исторических знаний, развитие исторической мысли и методики исследования, историю создания исторических трудов и биографии ученых, влияние явлений общественно-политической жизни на творчество историков и воздействие исторической мысли на общественное сознание, историю научных учреждений, организации исторического образования и распространения исторических знаний. Подобная точка зрения уже нашла свое место в трудах по методологии историографии и источниковедения [14].

Для профессионального сообщества историков «постсоветского пространства» два фактора представляются наиболее важными в контексте внутринаучных преобразований, кардинально изменивших ситуацию в исторической науке. Во-первых, «архивная революция», начавшаяся после 1991 г. Теперь историки, проводя исследования, могли свободно сочетать возможности, предоставляемые данными «устной истории», изучением советской и постсоветской политической культуры с архивными материалами. Во-вторых, смена единственной («единственно правильной») марксистско-ленинской методологии на широкий спектр методологических подходов, применяемых в мировой исторической науке.

Историки оказались в чрезвычайно своеобразной ситуации. Эйфория, связанная с открытием архивов, достаточно быстро стала сочетаться с пониманием того, что историческая наука не в полной мере способна проанализировать этот архивный материал. Среди

историков стали усиливаться сомнения в отношении письменного источника как ключевого в понимании исторического события, как инструмента который «покажет то, что действительно произошло». как это было сформулировано основоположниками теории историзма. Письменный источник скорее показывает позицию его автора, чем реальный ход событий, и многие исследователи стали анализировать дискурс в том понимании, которое было предложено французским философом М. Фуко, и использовать такие источники как дневники, письма, мемуары для реконструкции мышления, менталитета определенного исторического периода. Методологические изменения не могли не коснуться и историографии истории сталинизма. Здесь историки также сфокусировали внимание на культурной истории, языке и анализе дискурса [13]. Конечно, историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем, поскольку объект его знания всегда находится в прошлом, и ученый имеет дело только с ее следом – историческим фактом. Исследователь также не может избавиться от своего знания последующих исторических событий и в соответствии с этим неизбежно корректирует отношение к свидетельствам современников того или иного события. Таким образом, исторический факт выступает в трех качествах – как реальность прошлого, как реальность прошлого, отраженная в источниках, и как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниках. Видение прошлого в конечном итоге определяется исторической ситуацией, в которой работает историк. Особенно важно подчеркнуть, что меняется методология исторического познания, т. е. совокупность нормативных подходов, принципов, приемов, процедур, которые задаются профессиональным сообществом в определенном культурном контексте и призваны определять направление и цели творческого поиска.

А. Гуревич использовал для характеристики этой ситуации термин М. Фуко «хронотопос историка», подразумевая под ним переключку времен – времени, когда проводится историческое исследование, времени, когда совершались исследуемые события и промежуточных периодов времени, которым принадлежат предыдущие интерпретации события, т. е. историографическим традициям. Историк находится в постоянном единоборстве с источником, ибо последний представляет собой одновременно и средство познания, и преграду. Помимо того, о чем прошлое устами современников намеревалось сообщить, в текстах источников можно обнаружить немало такого, о чем оно, это прошлое, вовсе и не собиралось рассказать; это ненамеренные, произвольные высказывания источников, это то, о чем авторы исторических текстов проговаривались помимо собственной воли. Этот «иррациональный остаток», не подвергшийся цензуре сознания создателей текстов, по мнению А. Гуревича, и является наиболее подлинным историческим свидетельством [15].

Современный взгляд заключается в том, что исторический источник, прежде чем он окажется способным раскрыть какие-то аспекты прошлого, нуждается в критике. Он «непрозрачен», и к фактической информации, которая в нем содержится, прибавляются мысли, идеи, образы, присущие автору или составителю данного текста, с которым вынужден работать историк. Сведения о происшедших событиях и их субъективные оценки и освещение, идущие от создателя текста, неразрывно сплавлены воедино, следовательно, историк сталкивается с огромной трудностью дешифровки, демистификации источника [15]. Для того чтобы расшифровать дошедшие до него послания из прошлого, он должен понять изучаемую эпоху. Такой взгляд принципиально отличается от подхода позитивистской историографии, без всяких оговорок считавшей архивные документы самыми надежными и достоверными материалами.

Историкам новых независимых государств пришлось за короткий период времени освоить ту методологию исследования, которая уже стала неотъемлемой составляющей мировой историографии. Например, рубеж XX–XXI вв. привнес в историографию советской истории новый импульс лингвистического поворота, «на смену модернизации и структурной социальной истории пришли исследования культурных механизмов, языка и семантики советского общества» [16]. Но ведь «лингвистический поворот» в мировой историографии начался еще в конце 1960-х гг. и был только одним из многих «культурных поворотов» в развитии гуманитарных наук, за которым последовали «пространственный», «изобразительный», «визуальный», «перформативный» повороты [См. более детальный анализ 17]. С нашей точки зрения, следует согласиться с российским исследователем А. Гуревичем, что «проблема заключается не в том, чтобы постулировать ставшее уже тривиальностью. Речь о том, в какой мере удастся это сделать в материале, ибо историки мы постольку, поскольку можем по-новому трансформировать и интерпретировать материал, проникнуть в такие глубины, таящиеся в исследуемых нами источниках, которые доселе не были изведаны, и по-новому их рассмотреть» [18].

Как писал историк С. Дмитриев, такая сложнейшая категория, как «социальные изменения», вполне возможно, является для обществоведения таким же вечным объектом познания, как для естествознания «природа». Познавать эту категорию людям, обществу доступно, возможно, но посильно ли достигнуть полного ее познания? До сих пор опыт всемирной истории показал только, что людям все время кажется, что они познали эту сложную категорию [19]. Сфера исследования истории сегодня сопоставима с изучением кардинальных социальных и гуманитарных проблем, без понимания которых нельзя дать ответ на внешне достаточно простые вопросы, в том числе и на вопрос «Почему распался СССР?».

Именно готовность и умение академического сообщества ставить все более сложные вопросы и искать на них адекватные сегодняшнему уровню науки ответы составляет основу процесса познания прошлого. Проблема сегодня заключается не в том, что историкам не хватает эмпирического материала, хотя, конечно, академическое сообщество приветствовало, приветствует и будет приветствовать расширение источниковой базы. Вопрос в большей степени связан с аналитическими возможностями самой исторической науки.

1. История России. XX век: учеб. пособие / В.И. Меньковский [и др.] ; под ред. В.И. Меньковского, О.А. Яновского. – Минск, 2005.
2. Современная историография новейшей истории России и истории СССР: справ. - библиогр. пособие для студентов ист. специальностей ; под ред. В.И. Меньковского. – Минск, 2007.
3. Современная российская историография : в 2 ч ; под ред. В.И. Меньковского – Минск, 2009.
4. Шабасова, М.А. Кризис и распад СССР / М.А. Шабасова // Современная историография новейшей истории России и истории СССР : справ.-библиогр. пособие для студентов ист. специальностей ; под ред. В.И. Меньковского. – Минск, 2007. – С. 202–203.
5. Болдин, В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева / В.И. Болдин – М., 1995.
6. Печенев, В. «Смутное время» в новейшей истории России. 1985–2003: исторические свидетельства и размышления участника событий / В. Печенев. – М., 2004.
7. Согрин, В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина / В. Согрин. – М., 2001.
8. Волкогонов, Д.А. Семь вождей : в 2 кн. / Д.А. Волкогонов. – М., 1995.
9. Медведев, Р.А. Почему распался Советский Союз? / Р.А. Медведев // Отечественная история. – 2003. – № 4.
10. Смирнов, В.С. Экономические причины краха социализма в СССР / В.С. Смирнов // Отечественная история. – 2002. – № 6.

11. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 / Р.Г. Пихоя. – М., 1998.
12. Шабасова, М.А. Кризис и распад СССР / М.А. Шабасова. // Современная российская историография. в 2 ч.; под ред. В.И. Меньковского. – Минск, 2009. – С. 318–319.
13. Меньковский, В.И. Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии / В.И. Меньковский. К Уль М.А. Шабасова. – М., 2012. (готовится к изданию).
14. Шмидт, С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии / С.О. Шмидт – М., 1997. – С. 178.
15. Гуревич, А.Я. Историк конца XX века в поисках метода / А.Я. Гуревич – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>
16. Глебов, С. The Story of Us: Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков / С. Глебов, М. Могильнер, А. Семенов // НЛО. – 2003. – № 2. – С. 199.
17. Smith, P. Cultural Theory: An Introduction / P. Smith. – Oxford, 2001; Bachmann-Medick, D. Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften / D. Bachmann-Medick. – Reinbeck bei Hamburg, 2007.
18. Гуревич, А.Я. Подводя итоги... (Теория и практики исторического познания. Сквозь призму индивидуального опыта ученого XX столетия) / А.Я. Гуревич // XX век: Методологические проблемы исторического познания. – М., 2001.
19. Из дневников С. С. Дмитриева // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 142–153.

Морозова Н.Н. (Академия управления при Президенте Республики Беларусь)

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ НА РЫНОК ТРУДА

Приоритетной задачей инновационного развития страны, в соответствии с Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг., является построение конкурентоспособной, высокотехнологичной, ресурсо- и энергосберегающей экономики. Реализация поставленной задачи требует современных подходов, методов и моделей; поиска перспективных форм интеграции предприятий, научных и образовательных учреждений во внешнеэкономической среде. Взаимодействие бизнеса, науки и государства способно создать такой рынок труда, который обеспечит эффективную занятость и рост конкурентоспособности национальной экономики. Необходимо преодолеть структурные ограничения, а в ряде хозяйственных субъектов – сложившуюся моноотраслевую структуру производства. В данном контексте для Республики Беларусь важно создание кластеров (англ. cluster – скопление), предусматривающих концентрацию на некоторой территории взаимосвязанных организаций: поставщиков продукции, комплектующих и специализированных услуг; инфраструктуры; научно-исследовательских институтов; вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом.

Кластеризация белорусской экономики – планомерный процесс, требующий активного участия субъектов рынка и государства; сотрудничества между государственным и частным секторами экономики. Причем важно, чтобы создаваемые кластеры отвечали реальным требованиям внешней среды, не навязывались извне, имели практическую значимость. Важной предпосылкой развития кластеров является наличие развитой институциональной инфраструктуры (как вертикально, так и горизонтально интегрированной), включающей предприятия, органы государственного управления, специализированные фонды, банки, исследовательские центры, учебные заведения. В Республике Беларусь насчитывается 55 вузов, (10 частных, 45 государственных) с общей численностью студентов более 444,6 тыс. человек [1, с. 210]. Кроме того, в республике сегодня задейство-

вано более 500 предприятий, занимающихся научными исследованиями и разработками с численностью занятых более 30 тыс. человек. Для грамотного формирования кластерной политики целесообразно учитывать опыт развитых стран, в частности Германии, кластерная политика которой обеспечивает устойчивое развитие всей немецкой экономики.

ФРГ принадлежит сегодня к числу ведущих стран в области развития инновационных технологий. Будь то развитие альтернативной энергетики, автомобилестроения, информационных технологий или медицины – Германия успешна, прежде всего, там, где присутствует инновационное начало. Произведенные с использованием инновационных технологий продукты и услуги не только обеспечивают благосостояние немецкой нации, но и создают крепкий промышленный базис Германии, позволяют стране полноценно участвовать в международной конкуренции, создавать в экономике все большее число рабочих мест (имеется государственное учреждение по делам работы – «die Bundesanstalt für Arbeit»). При этом постоянно востребованы нанимаемые на работу специалисты в области информационных и коммуникационных технологий, например в сфере разработки программного обеспечения, мультимедиа, программирования, разработки электронных цепей и информационных систем, в области системного программирования, сетевых и Internet-технологий. Основной проблемой рынка труда в Германии выступает рост спроса на высококвалифицированные кадры и неизбежный рост безработицы представителей профессий, не требующей высокой квалификации. Ощутима потребность в специалистах по маркетингу, инженерах, программистах, работниках финансового сектора, хорошо обученных сотрудников справочно-коммуникационных центров. Доля Германии в мировой торговле наукоемкими товарами составляет чуть более 12 %. В частности, на глобальном рынке экологически чистых технологий доля Германии достигает 15 %, при этом каждое второе предприятие является инновационно активным. Более 2,8 % своего ВВП Германия тратит ежегодно на научные исследования и разработки и среди стран ЕС по расходам на НИОКР выступает лидером (в среднем по ЕС – 1,8 %) [2]. Следует отметить, что темпы прироста расходов на НИОКР в 2005 г. по сравнению с 2000г. выросли на 6,5 % (с € 8,5 млн. до €9 млн.), а в 2011 г. по отношению к 2006 на 51%. К тому же немецкое правительство планирует увеличить данные затраты к 2015 году до 3%. Германия, увеличивая расходы на научные разработки, укрепляет свой инновационный потенциал. Она занимает ведущее место и в финансировании НИОКР со стороны предприятий (6С млрд. долларов США). Расходы на НИОКР по отраслям различны: больше всего на научные разработки расходуется в сфере фармации (15,3% от оборота), электронике (5,5 %). Основу инновационного развития Германии составляет мощная научная база. Научно-исследовательская система Германии чрезвычайно разнообразна: университеты, высшие профессиональные училища, внеуниверситетские исследовательские учреждения научно-исследовательские подразделения фирм и различные организации Федерации и земель. В Германии насчитывается 750 исследовательских институтов, финансируемых государством, и различных центров исследований и развития промышленных предприятий. Во многих регионах отраслевые и университетские новаторы объединяют их исследовательскую деятельность в ассоциации и научно-исследовательские кластеры [3]. Инновационное развитие предполагает тесное сотрудничество на местном, земельном, федеральном, а также на региональном уровнях, что позволяет достичь максимального эффекта в плане научных разработок. «Думать локально, действовать глобально» – важнейший принцип инновационной политики Германии. Переломный период в инновационном развитии Германии – 1996 год, давший импульс активному развитию в немецкой эко

номике устойчивых сетевых структур. Так, кластерный подход в экономике был ознаменован как «приоритетный», исходя из целей инновационного развития, сформулированных немецким правительством: обеспечение конкуренции инновационных идей; сохранение и усиление производственного потенциала Германии; построение устойчивых сетевых структур между наукой и экономикой; разработка инноваций в рамках междисциплинарных и межотраслевых проектов; кооперативное использование know how; быстрое и широкое проникновение новых знаний. Первой программой по развитию кластеров была программа BioRegio, предполагающая целый ряд мероприятий по созданию и развитию биорегионов в Германии. Реализация данной программы привела к увеличению числа биотехнологических компаний на 300%, что позволило создать более 9 тыс. рабочих мест в данной отрасли. Важно отметить, что во многом развитию кластеров в Германии способствует федеральное устройство, в соответствии с которым земли обладают высокой самостоятельностью и осуществляют программы за свой счет. Неслучайно 3 из 7 самых известных мировых кластеров расположены в Германии, а именно: в Дрездене (крупнейшая силиконовая долина 21-го века), Мюнхене (биотехнологический кластер), а также в Гамбурге (авиакластер). Анализ направлений государственной поддержки инновационного развития Германии позволил выделить перспективные сферы технологического развития, которые будут определять формирование «новой экономики». К ним относятся: энергетика, транспорт, авиастроение, военно-морское судостроение, информационно-коммуникационные технологии, био- и гентехнологии, экологические технологии, медицинские технологии, микропроцессорная техника и нанотехнологии, производственные (промышленные) технологии. Сегодня задача немецкого правительства сводится не просто к освоению новых мощностей, их согласованию с экономикой регионов, но и к их успешному втягиванию в международный инновационный процесс на основе формирования кластеров во всех отраслях национальной экономики. Согласно Стратегии, все государственные структуры, имеющие отношение к научным исследованиям и разработкам, должны строить свою работу исходя из «новых установок»: министерства, государственные предприятия, банки должны оказывать всяческую поддержку учёным, людям, внедряющим новые технологии. Нужно развивать приоритетные научные отрасли, что приведет к созданию новых рабочих мест и процветанию государства. Германия выделяет при этом такие направления, как нано-, био-, микро- и оптические технологии. Важно усилить взаимодействия между учёными и предпринимателями. «Сотрудничество и совместные проекты будут поддержаны как никогда прежде» – такова основа развития немецкой экономики. Этот опыт необходимо шире внедрять и в экономику Беларуси.

Наиболее существенными барьерами для инноваций на технологически развитых предприятиях являются: отсутствие финансовых средств, недостаток кадров – инноваторов, отсутствие доступа к новым технологиям и информации о них, высокие издержки внедрения новшеств.

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2012: стат. Сб / Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Минск, 2012. – 634 с.
2. Германия [Электронный ресурс] / Фонд поддержки молодых ученых, 2011. – Режим доступа: <http://funduma.pl/2011/12/germany/> – Дата доступа : 05.11.2012.
3. Исследования и инновации в Германии [Электронный ресурс] / Германский дом науки и инноваций. – Москва, 2012. – Режим доступа : <http://www.dwih.ru/index.php/ru/forschung-und-innovation-in-deutschland.html>. – Дата доступа : 25.10.2012.

КОМИНТЕРН И ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬСКОГО БУНДА)

Революционные события октября 1917 г. в России и создание СССР нашли живой отклик среди социал-демократических организаций в Европе, в том числе и на территории второй польской республики. Не стал исключением в данных условиях и польский Бунд, становление которого в межвоенной Польше во многом прошло в условиях активной внешней политики советского государства. Сложность налаживания взаимоотношений между данным представителем еврейской социал-демократии в Польше и руководством Советской России и СССР обуславливалась несколькими факторами. С одной стороны, опыт построения первого в мире пролетарского государства был однозначно положительно встречен большинством членов польского Бунда, с другой стороны – та насильственная политика, которую проводило советское руководство в годы Гражданской войны и в начальный период становления СССР, была подвергнута резкой критике, как со стороны партийного руководства, так и со стороны рядовых членов организации.

Фактически мы можем утверждать, что создание советского государства в России вызвало череду кризисов в рядах европейской социал-демократии. Причиной данного явления было, прежде всего, то, что после образования в Москве Коммунистического Интернационала (Коминтерна) политика коммунистов, направленная на развал социал-демократических организаций, в том числе и Бунда, начала носить целенаправленный характер. Кроме этого, принятие в 1920 г. на II Конгрессе Коминтерна 21 пункта тезисов Зиновьева-Алфельбаума, которые фактически являлись перечнем условий приёма партий в состав Коминтерна, ещё более усугубило ситуацию.

Стремясь подчинить бундовские организации Польши, Исполком Коминтерна трижды обращался с письмами к ЦК Бунда и рядовым членам партии. При этом если первое письмо было отправлено в официальном порядке в ЦК партии, то второе и третье было обращено непосредственно к рядовым бундовцам. В двух последних письмах Исполком Коминтерна призывал своих сторонников, в нарушении партийной дисциплины, создать коммунистическую фракцию в составе Бунда и тесным образом координировать свои действия с Коммунистической рабочей партией Польши (КРПП): «Главная задача «левого крыла» Бунда состоит в том, чтобы создать свою собственную фракцию на основе программы III Интернационала. Данная фракция должна вести решительную борьбу за лидерство в партии. В свою очередь, КРПП предоставит любую помощь действительно революционным элементам Бунда. Прежняя политика систематического саботажа решений, постоянного поиска компромиссов, недоверия и сепаратизма со стороны Бунда, должна смениться решительными революционными действиями» [1, л. 12]. Перед самым началом II съезда Бунда Исполком Коминтерна направил третье послание, адресованное съезду, в котором настаивал на разрыве съезда с руководством Бунда и подчинению его директивам Коминтерна.

Как видно, данными практическими действиями руководство Коминтерна стремилось подорвать авторитет Бунда среди еврейских рабочих масс и подчинить их собственному влиянию. Обращения Коминтерна к членам Бунда усилило раскол в партии. Местные организации, симпатизирующие III Интернационалу, развернули широкую агитацию, целью которой было склонить партию к принятию 21 пункта условий Коминтерна. Некоторые партийные организации Бунда в полном составе переходили в ряды КРПП.

Б. Джонполл и Э. Мендельсон в своих работах констатируют, что политика Коминтерна в отношении Бунда в 1920–1922 гг. привела к острейшему партийному кризису, который повлек за собой фактический раскол в составе партийных организаций [3, р. 78; 5, р. 82]. Так, в рядах партии выделяются три фракции: правая – консервативная, стоявшая на позициях довоенного российского Бунда, левая – революционно-радикальная, целиком принявшая программу и тактику большевиков, и центристская, стремившаяся найти компромисс между позициями двух первых фракций.

По оценке одного из лидеров партии председателя ЦК Бунда Н. Портного, Бунд фактически прекратил своё существование как политическая организация: «В партии началась полная анархия, местные организации игнорируют распоряжения центрального руководства, в самих местных организациях отмечаются акты неподчинения со стороны рядовых членов, что наиболее проявилось на выборах в муниципалитеты, когда они (рядовые члены) отказывались поддержать кандидатов от партии» [6, с. 239].

Проблемы межфракционной борьбы в рядах польского Бунда стали главными вопросами трёх съездов партии, которые состоялись в апреле 1920 г. в Кракове, в декабре 1921 г. и в конце 1924 г. в Гданьске. Результатом данного внутрипартийного кризиса стало выделение из рядов Бунда радикальной части левой фракции, которая оформилась в самостоятельную организацию – Комбунд. По сообщениям польских властей, на территории северо-восточных земель в 1920–1922 гг. Комбунд являлся наиболее влиятельной еврейской организацией левого толка. Его влияние распространялось фактически на большую часть еврейских профсоюзов [2, л. 23].

Программные различия между Бундом и Комбундом были незначительны. Комбунд стоял на той позиции, что полное удовлетворение потребностей еврейского народа, особенно наиболее передовой его части – пролетариата, возможно только в результате изменения существующего общественного строя путем революции и установления диктатуры пролетариата. Комбундовцы считали, что совершить такую революцию может только Коминтерн, который опирается на государственный аппарат Советской России и имеет больше шансов, чем какая-либо другая организация. Исходя из этого, Комбунд настаивал на полном принятии условий Зиновьева-Апфельбаума [4, с. 46]. В практической работе деятели Бунда и Комбунда проводили одинаковую политику. Польские власти неоднократно фиксировали переходы активистов Бунда в ряды Комбунда и наоборот. Единственной отличительной особенностью Комбунда являлось то, что в социальном отношении 99% всех членов партии являлись рабочими и только 1% её членов составляли представители интеллигенции [4, с. 54]. Однако политическая жизнь партии оказалась недолгой, вступив в 1922 г. в состав КПРП, она прекратила своё существование.

Анализ резолюций, принятых на съездах, позволяет говорить о том, что противоречия между Бундом и Коминтерном в программных установках являлись минимальными, не носили принципиального характера и сводились в основном к расхождениям по тактическим вопросам. Так, Коминтерн настаивал на интенсификации процесса складывания предпосылок социальной революции в странах Западной Европы и Польше. С этой целью его руководство стремилось к централизации в своих руках всего европейского революционного движения.

В то же время Бунд считал, что Западная Европа и Польша в данный момент времени принципиально не были готовы к каким-либо революционным социальным преобразованиям, а централизация западноевропейского и польского революционных движений под эгидой Коминтерна привела бы к гибели европейской социал-демократии. Так, в резолюции II съезда Бунда по данному вопросу было сказано: «Целью двадцати одного

пункта является усиление классовой борьбы партий, входящих в состав Коминтерна. Однако, данные требования неприемлемы в условиях Польши. Выполнение всех пунктов требований невозможно приведёт к расколу еврейского рабочего движения и сделает невозможным выполнение задач, стоящих перед ним. Это приведёт к ликвидации независимого Бунда. Бунд призывает к созданию единого рабочего движения, но с правом автономии еврейских пролетарских партий в его рамках. Данная позиция вытекает из того, что только независимое положение еврейского рабочего движения позволит ему решить те специфические задачи, которые стоят перед ним» [3, p. 115].

По мнению участников съезда, условия Зиновьева-Апфельбаума должны были быть отменены в определённых странах, а именно в Западной Европе, в том числе и в Польше, где условия работы отличались от условий в России. Поэтому требования Коминтерна являлись непригодными для Бунда. Выдвигая Бунду данные требования, Коминтерн не ориентировался в ситуации. Выполнение все пунктов условий привело бы к исключению из состава партии проверенных революционеров, что в свою очередь означало бы раскол Бунда и ослабление позиций еврейского пролетариата в Польше.

Межфракционная борьба в составе Бунда в очередной раз обостряется после V конгресса Коминтерна, который состоялся в 1924 г. Данный конгресс взял курс на большевизацию и централизацию революционного движения, а также принял положение об отсутствии существенной разницы между социал-демократией и фашизмом, что послужило основанием для оценки социал-демократических партий как социал-фашистских. Реакцией Бунда на данное положение Коминтерна стал III съезд партии, на котором произошёл окончательный разрыв Бунда и Коминтерна.

Таким образом, очевидно, что во многом авантюристская политика большевистского руководства, нацеленная на жёсткое подчинение всех коммунистических и социал-демократических партий и организаций в Европе, привела к фактическому расколу в рядах рабочего движения, что означало значительное ослабление потенциала социал-демократических организаций.

1. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО) – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 595.
2. ГАБО – Фонд 67. – Оп. 1. – Д. 12.
3. Jonpoll, B.K. The politics of futility. The General Jewish Workers Bund of Poland, 1917–1943 / B.K. Jonpoll. – New York: «Ithaca», 1967. – 346 p.
4. Korsch, R. Żydowski ugrupowania wywrotowe w Polsce / R. Korsch – Warszawa: Drukarnia P.K.O., 1925. – 215 s.
5. Mendelsohn, E. Jewish politics in interwar Poland: an overview / E. Mendelsohn – London, 1989. – 105 p.
6. Pickhan, G. Kossowski, Portnoj i inni. Rola pokolenia założycieli Bundu w Polsce międzywojennej / G. Pickhan // Bund. 100 lat historii 1897–1997. Pod redakcją prof. F. Tycha i dr. J. Hensla. – Warszawa, 2000. – S. 231–243.
7. Walka / Warszawa. – 1925. – № 1–2.

Наумова В.И. (Брестский государственный технический университет)

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ ФЕДЕРАЛИЗМА

В своей небольшой работе я попытаюсь немножко обобщить общепринятые концепции и представления о федерализме. Если открыть Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, то в нём мы находим следующее определение федерализма: «федерализм (лат.) – основной принцип федерации, признание политическим идеалом федеративной организации государства, стремление либо объединить несколько отдельных государств в одну федерацию, либо обратить государство унитарное в государство федеративное» [1].

Примерно такое же определение даёт Большая Советская Энциклопедия: «федерализм (франц. *federalisme*, от лат. *foedus* – договор, союз): 1) форма государственного устройства, существующая обычно в многонациональных государствах (см. Федерация); 2) в ряде стран политическое движение за федеративное устройство» [2].

На сегодняшний день федерализм как форма государственного устройства и управления утвердился в крупнейших и стабильных государствах мира, таких как США, Канада, Россия и др. Проявления федеративных отношений в разных странах мира имеют многовековую историю, а конституционно-правовое установление федерализма существует около двух столетий.

Основателем теории федерализма считается И. Альтузиус, который разработал так называемую федералистскую теорию народного суверенитета. Согласно его теории, формирование государства представляло собой процесс объединения, поступательно распространяющийся на все уровни социально-политической организации – от семьи, цеха, гильдии, церковного прихода до провинции и государства. Таким образом, федерация, по мнению И. Альтузиуса, – это союз индивидов, добровольно объединенных в семьи и корпорации, который, в свою очередь, образует общину, союз общин – провинцию, а союз провинций и городов – государство.

К классическим теориям федерализма также относят теории, появившиеся в США в XVIII–XIX веках: дуалистическая теория, теория прав штатов, теория кооперативного федерализма.

Теория дуалистического федерализма была разработана американскими федералистами А. Гамильтоном и Д. Мэдисоном и использовалась при написании Конституции США 1787 г. Эта теория представляла федеративное государство как сложное единое целое, в основе которого лежат двухуровневая структура и обоюдное невмешательство в сферу полномочий как Федерального Центра, так и субъекта Федерации. Федеральный Центр имеет минимально необходимые для управления страной полномочия, все остальное находится в компетенции субъектов Федерации.

Теории дуалистического федерализма противостояла теория прав штатов, предусматривавшая суверенитет штатов и право штата на выход из созданного союза. Основными разработчиками данной теории являлись Д. Кэлхун и Т. Джефферсон. Первый был идеологом рабовладения и призывал не уступать федеральному правительству даже части суверенитета. Второй считал, что договор, лежащий в основе союза, может быть расторгнут в случае, если Федеральный Центр в своей деятельности выходит за рамки делегированных ему полномочий.

Развитие капиталистических отношений и начавшаяся в XIX веке индустриализация поставили перед научной мыслью новые и весьма серьезные проблемы. Идеи федерализма, сформулированные А. Гамильтоном и Д. Мэдисоном, подверглись критической переоценке в трудах американцев Дж. Кларка, Т. Дая, Э. Коруина, ставших родоначальниками теории, сыгравшей определенную роль в развитии федерализма [3, с. 590]. Теория дуалистического федерализма в результате своей эволюции постепенно трансформировалась в теорию кооперативного федерализма. Кооперативный федерализм рассматривает уровни федерации как взаимосвязанные и сотрудничающие, утверждает предпочтительность использования согласительного и договорного характера решения вопросов и разрешения конфликтов между федерацией и ее субъектами.

Наибольшую популярность идеи федерализма получили во второй половине XIX в. и в XX в., в период бурного образования современных национальных государств. Прудон

даже предсказывал, что «XX век откроет эру федераций» [3, с. 590]. Как бы подтверждая правоту Прудона, известный французский социолог Р. Арон рассматривал федерализм как единственное пригодное для наших дней средство, способное вывести современное государство из тупика. Он утверждал, что федерализм в середине XX в. играет ту же роль, какую играл либерализм в XVIII в. и марксизм в середине XIX в., т.е. он соответствует идеям нашего времени, позволяя использовать их в теории и на практике. В данный период федеративное устройство призвано было обеспечить хозяйственное и политическое единство страны с большой территорией и разобщенными районами. Оно успешно сочетает преимущества государственного единства и централизованной власти со сбалансированной самостоятельностью ее многочисленных членов.

Теории федерализма получили развитие и в XX веке, вплоть до конца 70-х годов. Необходимость разработки новых методологических подходов связана с бурным развитием экономики, ускорением научно-технического прогресса. В этот период сформировалось много новых концепции федерализма (конкурентного федерализма, технократического федерализма, федеративного общества, нового федерализма и др.) Так, концепция нового федерализма была введена в научный оборот администрацией Президента США Р. Никсона, а затем широко использовалась при Р. Рейгане. Основной идеей этой концепции является необходимость возвращения субъектам Федерации полномочий, присвоенных Федеральным Центром.

Концепция конкурентного федерализма обращена к теме соревновательности субъектов Федерации: конкурентное начало, присущее федеративной системе, рассматривается в ней как одно из важнейших преимуществ федеративного устройства.

Концепция федеративного общества, основными представителями которой являются Э. Баркер, У. Ливингстон, А. Лейпхарт, основана на идее первичности общества и вторичности его институтов. Федеративным считается многосоставное общество с компактно проживающими обособленными сегментами, заключившими между собой договор [3, с.592].

Аналогичные взгляды можно наблюдать и у представителей теории социального федерализма, по которой процесс объединения происходит на основе единого принципа союза, поступательно распространяющийся на все уровни социально-политической организации.

Концепция технократического федерализма поднимает проблему сращивания федеральных властей с высшими должностными лицами субъектов Федерации, что ведет к созданию закрытых корпоративных взаимоотношений. Главный тезис ее сторонников – возвращение к традиционным двухуровневым отношениям, усиление контроля над федеральными органами со стороны субъектов Федерации.

В целом можно отметить, что федеративный союз-государство образуется снизу вверх, от малого – к большому, от множества – к единству. Однако объединение в единое государство не лишает входящие в него образования прав на сохранение своей самобытности и самостоятельности. Федеративное государство обладает следующими признаками: верховенство федеральной конституции и законов; наличие исполнительной власти, приводящей в жизнь эти законы; демократические институты; прямое действие федерального законодательства; законы федерации применимы к гражданам страны и т. д.

Таким образом, качествами, которыми обладают все федерации, могут быть: те или иные формы самоопределения народов и даже территорий в составе единого государства; самостоятельность и взаимодействие трёх уровней власти: центральной, региональной и местного самоуправления; обеспечение прав человека и прав народов; развитие

гражданского общества; воплощение демократических ценностей в государственном устройстве народов и территорий: технология развития многонационального территориально сложного государства [4, с.200].

В заключение можно сказать, что многие современные концепции федерализма представляют собой не целостные учения (каковым является, например, теория кооперативного федерализма), а лишь теории, разработанные или применительно к одному из элементов федеративного устройства государства, или же для решения какой-то конкретной проблемы (как, например, теория технократического федерализма).

1. Энциклопедический Словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона [Электронный ресурс] / С.-Петербург, 1890–1907. – Режим доступа: www.vehi.net/brokgauz/index.html.
2. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс] / М., 1969. – 1978. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com>.
3. Бабаев, В.К. Теория государства и права / В.К. Бабаев. – М., 1999.
4. Абдулатипов, Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России / Р.Г. Абдулатипов. – М., 2001

Никитенкова Л.П. (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Ленинское наследие в период существования СССР являлось догмой для советского человека. Сегодня свое отношение к ленинизму, порой резко отрицательное, высказывают многие историки, поднимающие вопросы строительства социализма. «Живучесть и, надо признать, привлекательность многих постулатов ленинизма долгие десятилетия основывались на неизбывном, естественном стремлении людей к более совершенному и справедливому миру. Российские революционеры, и особенно Ленин, верно вскрыли вековые пороки человеческого бытия: эксплуатацию, неравенство, несвободу. Но, получив возможность искоренить их, люди, руководствовавшиеся ленинизмом, в конечном счете утвердили новую, государственную, едва закамуфлированную эксплуатацию; вместо социального и национального неравенства пришло неравенство сословно-бюрократическое; на смену классовой несвободе пришла несвобода идеологическая, тотальная», – писал Д. Волкогонов [3, с.13]. Но, тем не менее, изучение взглядов известных деятелей российской истории, каким, безусловно, является В.И. Ленин, заслуживают внимания и обсуждения.

История становления СССР, подход Ленина к решению сложных проблем национально-государственной политики подтверждает тезис о чрезвычайной сложности вопроса национальных отношений.

Российская империя была одним из самых многонациональных государств мира, где народы находились на различных уровнях социально-экономического и культурного развития. Политика великодержавного шовинизма, проводимая правящими кругами империи, осложняла национальные отношения в государстве.

Уже в дооктябрьский период Лениным были написаны фундаментальные работы по национальному вопросу: «Критические заметки по национальному вопросу» (1913), «О праве наций на самоопределение» (1914), «Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы)» (1916), «Итоги дискуссии о самоопределении» (1916) и другие

[4, с. 259]. Эти работы стали теоретической основой в поисках оптимального подхода к национально-государственному строительству после окончания Гражданской войны. Исходя из права наций на самоопределение, Ленин выступал за национально-территориальный принцип формирования самостоятельных государственных образований. Владимир Ильич твердо стоял за добровольность объединения республик, за решение всех вопросов на демократической основе. Ленин был непримирим к любым проявлениям национализма как противоречащим гуманистическим идеалам социалистического общества.

«Подлинный интернационализм большой нации должен состоять, по Ленину, не только в соблюдении формального равенства наций, но и гораздо больше — ее способности идти в случае необходимости и на уступки «инородцу». Только так можно преодолеть недоверие, обиды, несправедливость, возникающие на национальной почве. Ленин предупреждал: действительно пролетарское отношение к национальному вопросу будет иметь огромное значение для завтрашнего дня всемирной истории»[4, с. 263].

Ленинская политика национального самоопределения выражалась в добровольном единстве всех народов, что соответствовало твердому личному убеждению Ленина в том, что при социализме исчезнет элемент принуждения из управления. А национальное равенство возможно только при уничтожении разделения на индустриальные и аграрные нации.

Большевистская политика и практика отрицала дискриминацию между людьми на основе национальности, расы, цвета кожи. Положительной стороной политики равенства было как раз оказание помощи народам, находящимся на ступеньку ниже в своем развитии. Это предусматривало материальную помощь, просвещение, предоставление технических специалистов и консультантов и обучение национальных кадров. Сталин в своем видении объединения также говорил о значимости национальных кадров: «Одной из серьёзных преград по пути к осуществлению советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям советской и партийной работы. Недостаток этот не может не тормозить как просветительную, так и революционно-строительную работу на окраинах. Но именно поэтому было бы неразумно, вредно для дела отталкивать от себя эти и так малочисленные группы местных интеллигентов... Но использование национальных интеллигентских групп далеко ещё недостаточно для удовлетворения потребности в инструкторах. Одновременно необходимо развить богатую сеть курсов и школ на окраинах по всем отраслям управления для создания инструкторских кадров из местных людей. Ибо ясно, что без наличия таких кадров организация родной школы, суда, администрации и прочих институтов на родном языке будет затруднена до крайности» [11, с. 360–361].

Мировая модель национальной политики при капитализме заключалась в развитии индустриального центра, а окраины использовались в качестве источников сырья и продовольствия. В том же русле работала и Российская империя, то есть капитализм не заботился о равноправии наций и народов. Советское государство стремилось развивать промышленное производство на всех территориях. Содействие экономическому равенству наций имело глубокие корни в большевистском мировоззрении. Ещё на десятом съезде партии в 1921 году отмечалось, что там, где существовала большая разница в уровне цивилизации «уничтожение фактического национального неравенства...возможно лишь как длительный процесс»[6, с. 366].

С началом строительства социалистического государства единого мнения среди большевистского руководства по толкованию принципа самоопределения наций не бы-

по. Сталин, Бухарин говорили о самоопределении трудящихся, что вызывало решительное возражение со стороны Ленина. «Каждая нация должна получить право на самоопределение, и это способствует самоопределению трудящихся» – именно так звучала ленинская постановка вопроса [7, с. 161].

Летом 1920 года Ленин говорил: «Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность, как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (например, Башкирская и Татарская автономные республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)» [8, с. 164].

«В сентябре 1922 года в письме Л.Б. Каменеву для членов Политбюро, а затем в продиктованных им 30 и 31 декабря записках «К вопросу о национальностях или об «автономизации» Ленин изложил свои мысли по этому вопросу. В записках он подчеркивает, что отклоняет сталинский план «автономизации», опасаясь усиления бюрократического централизма. На основе пятилетнего опыта Советской власти Ленин пришел к убеждению, что еще ранее надо было обратить больше внимания на аппарат, которая Советская власть унаследовала от царских времен. Этот аппарат, зараженный великодержавным шовинизмом, является питательной средой для бюрократических идей централистской автономизации, направленных против федерации» [1, с. 91].

Очень важно не давать пищи «независимцам», не уничтожать их независимости, а, наоборот, создать «новый этаж, федерацию равноправных республик» [9, с.211].

Таким образом, уже в начале становления социалистического общества было испробовано много подходов к созданию нового объединения народов, населявших Россию. Искали компромисс между планами коммунистов построения общества всеобщего благоденствия и национальными традициями.

Создание СССР определялось как первоячейка всемирного братства народов. Необходимость объединения республик считалась потребностью хозяйственного и культурно-развития наций.

«Величие этого свершения – образование СССР в том, что мы здесь имеем единство формы и содержания. Именно этого добивался Ленин. Все видели необходимость изменения формы существования и функционирования Советской государственности, ибо содержание новых задач этого требовало, но не все сразу находили ту форму, которая решила бы задачу. Гораздо легче ломать старую чуждую нам форму государства, чем даже видоизменять ту, которая нами же закладывалась. Незаметно для себя все мы, коммунисты, и даже вся комиссия ЦК, в том числе и Сталин, искали формы, укладываемые в новом, измененном виде в уже сложившуюся форму Российской Социалистической Федеративной Республики, исходя при этом и из предыдущих постановлений партии.

Только гений Ленина открыл теоретически, политически и практически эту новую форму Союзного Советского государства. Только Ленин смог предложить образовать из республик, в том числе и РСФСР, новое, небывалое в истории объединение – Союз Советских Социалистических Республик», – такова оценка одного из современников Ленина, известного политического деятеля Кагановича Л.М. [5, с. 301].

«Интернационализм Ленина – никак не формула словесного примирения национального с интернациональным, а формула международного революционного действия», – оценил Троцкий Л. один из постулатов ленинизма [12, с. 110]. «Он русскую действительность не только знает, он ее видит и чувствует. На всех поворотных пунктах истории партии, особенно в момент, когда мы стали у власти и от решений партии зависели судьбы 150 миллионов

людей, меня в Ленине поражало то, что англичане называют «commonsense», то есть здравый смысл. В этом его величие, как политика», – писал Радек К. [10, с. 51].

Известный русский мыслитель Бердяев, написавший в тридцатые годы книгу «Истоки и смысл русского коммунизма», такую дает оценку личности Ленина в целом: «В характере Ленина были типические русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практическая мысль, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе»[2, с.94].

Таким образом, советская государственность сделала крупный шаг вперед в декабре 1922 года, когда представители советских республик собрались на первый Всесоюзный съезд Советов и приняли Декларацию и Договор об образовании Союза ССР. Ленинские принципы национально-государственной политики получили реальное воплощение в жизнь, что свидетельствует о значимости его разработок в этой области.

1. Белادي, Л. Сталин / Л. Белادي, Т. Краус. – М., 1989.
2. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М., 1955.
3. Волкогонов, Д.А. Ленин. Политический портрет: в 2 кн. / Д.А. Волкогонов. – Кн. 1. – М., 1997.
4. Зотов, В. Национальный вопрос: деформации прошлого / В. Зотов // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989. – С. 258–269.
5. Каганович, Л.М. Памятные записки / Л.М. Каганович. – М., 1996.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1983. – Т. 2. – С. 319–418.
7. Ленин, В.И. Доклад о партийной программе 19 марта 1919 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М., 1962. – Т. 38. – С. 151–173.
8. Ленин, В.И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – Т. 41. – С. 161–168.
9. Ленин, В.И. Об образовании СССР / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – Т. 45. – С. 211–213.
10. Радек, К. Ленин. К 25-летию партии / К. Радек // А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. – М., 1991.
11. Сталин, И.В. Политика советской власти по национальному вопросу в России / И.В. Сталин // Соч. – Т. 4. – М., 1953. – С. 351–369.
12. Троцкий, Л. Вокруг Октября / Л. Троцкий // А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. – М., 1991.

Опарин А.Ю. (БГАТУ), Подпорин И.Г. (БГУ)

ИДЕАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СССР

29 декабря 1922 года на конференции делегаций от съездов Советов РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР (Закавказской федерации в составе АзССР, АрССР и ГрССР) был подписан Договор об образовании СССР – нового государственного образования, которому предстояло сыграть важнейшую роль в мировой истории. В конце 1991 года, не дожив до своего 70-летнего юбилея, в результате практически необратимых процессов системной дезинтеграции, происходивших в общественной и политической жизни Советского Союза, СССР прекратил своё существование. 26 декабря 1991 года Верховный Совет СССР принял декларацию о прекращении существования некогда великой страны.

Между этими датами – огромный промежуток истории, полный достижений и потерь, смысл которой открывается только сейчас, в её ретроспективе. Разумеется, подлинные события – ретроактивны и они сами создают свои собственные основания. История обретает смысл, когда завершается. Когда оказывается, что, после того как нечто произошло, по логике обратной силы выясняется, что именно это и должно было произойти [1. с. 7].

Это позволяет, по крайней мере, смягчить последствия той исторической «травмы», которую пережили и до сих пор переживаем все мы, «вышедшие» из СССР.

Однако нас здесь интересует нечто совершенно иное – не последствия распада прежнего общего советского пространства, а условия его формирования, а именно тот идеальный проект СССР, который никогда не был реализован. И при таком рассмотрении вопроса о советском федеративном государстве тот фактически распадается на два более частных: почему – *государство*, и почему – *федерация*? При этом ответы на оба вопроса естественно приводят нас к личности создателя советского государства и «главного архитектора» СССР – В.И. Ульянова (Ленина).

Марксизму свойственно проблематизировать государство вплоть до постановки под сомнение необходимости его существования. Для марксизма государство – это институт социального принуждения, возникший в связи с формированием классового общества и ввиду необходимости упрочнения власти господствующих элит. «Всякое государство «есть особая сила» для подавления угнетённого класса. Поэтому всякое государство несвободно и ненародно...», – утверждал Ленин [2, с. 20]. Сущность этого государства была всецело подчинена именно такой идее: организовывать производительный класс для целей производства и подавлять его политическую волю для целей перераспределения произведённого.

Поэтому Ленин полжизни проектирует революцию, имеющую своей целью «снятие» государства через тотальную аннигиляцию. Отсюда ленинское радикальное требование разрушить буржуазное государство, что означает разрушить государство как *таковое*, и создать новую коммунальную социальную форму, где каждый мог бы принять участие в решении социальных вопросов. Как представляется, для Ленина это не было теоретическим проектом какого-то далекого будущего: в конце сентября – начале октября 1917 года Ленин писал, что «мы можем сразу привлечь государственный аппарат миллионов в десять, если не двадцать человек» [3, с. 316].

Однако на практике, после Октябрьской революции 1917 года, им реализуется замена буржуазного государства его пролетарским аналогом, что происходит за счёт введения народных субститутов государственной власти. «Устранение полиции, армии, чиновничества», – это по-прежнему считает необходимым Ленин [4, с. 53]. Их должны заменить организованные массы трудящихся, в частности, армию и полицию должна заместить *милиция* – вооружённое население. При этом, по мысли Ленина, отправление государственных полномочий должно потерять свой привилегированный статус. Государство на этом этапе должно стать тем, чем оно по факту является – определённым набором социально-ориентированных функций. Чиновничьи обязанности должны перейти в руки выборных и ответственных перед трудящимися лиц, которые в любой момент могут быть заменены [2, с. 44]. Реализация этого проекта предполагала свободную политическую активность трудящихся, их волевою *установку* на политическое участие. Последнее оказывалось возможным потому, что после того, как Февральская революция свергла монархию, Россия оказалась едва ли не самой демократической страной в Европе, с беспрецедентным уровнем мобилизации масс, свободой организаций и печати.

В конечном счёте, однако, организованная так диктатура пролетариата постепенно превратилась в диктатуру организованного *меньшинства* пролетариата («*никаждая кухарка может управлять государством*», – справедливо подправил Маркса его русский последователь), легитимации власти которой служила *идея* пролетариата [5, с. 100], в пользу которого это меньшинство осуществляет власть, и каковое (меньшинство) вскоре начинает перерождаться в класс новых эксплуататоров – советскую бюрократию. Последняя в итоге приватизировала это пролетарское государство и «выхолостила» политическую активность масс, сведя её к жестко регламентированному набору процедур.

Впрочем, это уже был сталинский проект возвращения к реалистическому «здоровому смыслу». И в этом контексте можно заново «перечитать» сталинистский террор как парадоксальный результат попытки *стабилизировать* Советский Союз, сделать его обычным государством с прочными границами и институтами. т.е. террор был защитной реакцией на угрозу этой стабильности государства [7, с. 82].

Для Ленина государство – это компромисс, компромисс с наличной политической ситуацией, когда революция в мировом масштабе оказывается невозможной (пока?). Поэтому государство как таковое сохраняется, теперь уже как инструмент защиты интересов производящего класса, именно в интересах которого это государство обобществляет средства производства, ставя их под свой контроль. Хотя на самом деле, этот строй, по меткому выражению самого Ленина, есть ничто иное как «государственный капитализм». Но это государство необходимо, как минимум, для «борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от её интриг» [6, с. 19]. И это, как представляется, не жест отчаяния, а прагматическая попытка создать плацдарм для дальнейшего развёртывания революции.

К слову, Н. Бердяев, обратившись в 1930-х гг. к феномену русского коммунизма, констатировал: «Большевизм – за сильное, централизованное государство...» [5, с. 99]. Но Бердяев, на самом деле, говорит о Сталине и результатах того, что тот решил воспользоваться совершенно антиленинистской идеей о «построении социализма в одной отдельно взятой стране». Для Ленина, повторимся, государство есть компромисс, и временная, переходная стадия организации общества.

Но даже для такого временного государства всегда актуальна опасность социального реванша, сползания в прежние, привычные, буржуазные формы организации государственной власти. Революционная воля – это атрибут правящего пролетарского меньшинства, однако, как замечал сам Ленин, государственный бюрократический аппарат, доставшийся от прежней власти и фактически мобилизованный новой властью для целей государственного управления, «на самом деле насковозь ещё чужд нам, и представляет из себя... мешанину, переделанную в пять лет... при преобладании «занятий» военных и борьбы с голодом не было никакой возможности» [6, с. 16].

Другой опасностью, подстерегающей молодое советское государство, по мысли Ленина, мог стать рудиментарный великодержавный шовинизм. И единственным средством борьбы с этим наследием Ленин видел принципиально иную организацию советского государства по сравнению с прежней Российской империей, а именно федерацию как свободную ассоциацию равноправных национальных участников вплоть до того, чтобы оставить в ведении центральных органов только вопросы государственной обороны и дипломатию. Что же должно было скреплять это государство со всеми его противоречиями и «отсталостью» национальных «окраин»? Ленин отвечает просто: «Партийный авторитет» [6, с. 20]. Собственно, как это потом нашло отражение, как минимум, в советских конституциях в виде «главствующей роли партии». Но и это уже было ускользание от ленинского проекта.

1. Философия начинается с Канта и заканчивается Гегелем. Интервью со Славоем Жижекком // Логос. – № 1 (58), 2007. – С. 3–13.

2. Ленин, В.И. Государство и революция / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1981.

3. Ленин, В.И. Удержат ли большевики государственную власть / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – Т. 34. – С. 287–330.

4. Ленин, В.И. Письма из далека. «Апрельские тезисы» («О задачах пролетариата в данной революции») / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1968.

5. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев – М.: Наука, 1990

6. Ленин, В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» / В.И. Ленин // Последние письма и статьи / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1973. – С. 15–21.

7. Жижек, С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. – М.: AdMarginem, 2003.

ДАПАМОГА САВЕЦКІХ РЭСПУБЛІК НАСЕЛЬНІЦТВУ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 20–30 гг. ХХ ст.

Дапамога савецкіх рэспублік, перш за ўсё БССР, насельніцтву Заходняй Беларусі у міжваенны час адбывалася пад кіраўніцтвам камуністычнай партыі. У 1927–1928 гг. праходзіла акцыя дапамогі галадаючым Віленшчыны. У польскіх афіцыйных сродках інфармацыі прычынамі голаду называліся неўраджай, суровая зіма, а таксама позняя і сырая вясна, якая выклікала недахоп кармоў для скаціны. Згодна афіцыйным дадзеным у маі 1929 г. неадкладнай дапамогі патрабавалі 132 285 чалавек [5, л. 2].

У красавіку 1927 г. сакратар ЦК КП(б)Б Крыніцкі напісаў лісьмо ў ЦК ВКП(б)Б, у якім звярнуўся да Сталіна з прапановай аб стварэнні ў БССР *Камітэта дапамогі пацярпелым ад неўраджая ў Заходняй Беларусі*. На той момант на тэрыторыі БССР ужо праходзіла кампанія па збору збожжа і грошаў на дапамогу насельніцтву Заходняй Беларусі, у выніку якой было сабрана 1 000 пудоў хлеба і 46 000 руб., з якіх 23 000 руб. прызначалася пацярпелым ад неўраджая, а 23 000 руб. перадаваліся МОПР на дапамогу палітзняволеным і іх сем'ям [10, л. 114]. Стварэнне Камітэта павінна было «узмацніць за мяжой, асабліва ў Польшчы, палітычнае значэнне праведзенай у БССР кампаніі» [10, л. 114]. Цікава і тое, што ў лісьме прапаноўвалася стварыць аналагічны Камітэт на тэрыторыі Заходняй Беларусі і даручыць гэта ТБШ і беларускай кааперацыі, а таксама звярнуцца да грамадскіх арганізацый Заходняй Еўропы і Амерыкі з заклікам прыйсці з дапамогай пацярпеламу ад неўраджая насельніцтву Заходняй Беларусі [10, л. 114]. У вёсках Савецкай Беларусі на агульных сходах пачалі стварацца камісіі, у склад якіх уваходзілі прадстаўнікі Камітэтаў сялянскай узаемадапамогі і радавыя сяляне. На сходах зачытваліся даклады аб цяжкім становішчы сялян Заходняй Беларусі, якія знаходзяцца пад «уціскам польскага фашызму і паноў», збіраліся ахвяраванні па падпісных лістах [11, л. 173].

Ход кампаніі шырока асвятляўся ў друку. Аб правядзенні кампаніі дапамогі ў БССР пісалі газеты Заходняй Беларусі. «Наша воля» на першай паласе паведамляла: «Горача адгукнуліся нашы браты беларускія сяляне на тым баку гранічнай мяжы. Ва Усходняй Беларусі па ўсіх вёсках, мястэчках і месцах адбываюцца публічныя зборы дзеля дапамогі сялянству Заходняй Беларусі. І народ дае свае ахвяры ахвотна і радасна, разумеючы, што гэтая братняя помач будзе мець вялізарнае не толькі матэрыяльнае, але і маральнае значэнне» [13, с. 1].

Да канца мая 1927 г. у 85 раёнаў Савецкай Беларусі было сабрана 8 043 руб., а таксама збожжа і харчаванне. Больш за ўсіх грошай прадаставілі Горацкі раён Аршанскай акругі (1050 руб.), Крычаўскі раён Калінінскай акругі (551,56 руб.), Касцюковіцкі раён Калінінскай акругі (450 руб.). Але ў некаторых раёнах было сабрана толькі па 7–5 руб., і нават менш за 2 руб. (Стрэшынскі раён Бабруйскай акругі) [11, л. 260]. Неабходна звярнуць увагу на тое, што акцыя дапамогі Заходняй Беларусі адбывалася ў той час, калі ў БССР назіраліся праблемы з харчовым забеспячэннем насельніцтва. Сітуацыя ў БССР асабліва пагоршылася ў сярэдзіне чэрвеня 1927 г., калі ўрад вымушаны быў зацвердзіць нормы продажу хлеба, а ў некаторых акругах хлеб выдаваўся толькі па сведчанням камітэтаў сялянскай узаемадапамогі. У некаторых гарадах людзі праставілі ў чарзе па 2–3 дні каб атрымаць пуд хлеба. Як адзначалася ў дакладзе сакратара ЦК КП(б)Б В.Г. Кнорына аб палітычным становішчы БССР «агульны дэфіцыт на хлеба-фуражнаму балансу БССР складаў 17 млн. пудоў, з якіх жыта і пшаніцы – 11 млн. пудоў» [10, л. 270 адв.].

Дзейнасць Камітэта дапамогі пацярпелым ад неўраджаю ў Заходняй Беларусі адбывалася ў згодзе з МОПР, аб чым сведчыць рэзалюцыя ЦК МОПР БССР ад 24 мая 1927 г. з прынятымі рашэннямі, адным з якіх было пашырэнне склада Камітэта дапамогі Заходняй Беларусі шляхам далучэння да яго работы прадстаўнікоў нізавых мопраўскіх арганізацый, жаночых камітэтаў, радавых рабочых, працоўнай інтэлігенцыі, а таксама падкрэслівалася, што «Камітэт павінен быць дапаможным грамадскім органам для ЦК МОПР Беларусі, знешне захоўваючы самастойнасць у сваёй дзейнасці» [12, л. 8].

Збор сродкаў на карысць галадаючым Віленшчыны сплучаўся з акцыяй дапамогі палітзняволеным у рамках шырокай міжнароднай кампаніі супраць белага тэрору і разгрому рабоча-сялянскіх арганізацый у Польшчы і Заходняй Беларусі. Усяго насельніцтвам Савецкай Беларусі падчас кампаніі было сабрана 68 тысяч рублёў [9, с. 55]. Галоўным арганізатарам правядзення гэтай кампаніі была *Міжнародная арганізацыя дапамогі барацьбітам рэвалюцыі* (МОПР). МОПР была створана 30 лістапада 1922 г. на IV кангрэсе Камуністычнага Інтэрнацыянала. На V кангрэсе Камітэра на былі вызначаны структура і задачы арганізацыі. «МОПР, – зазначалася ў рэзалюцыі кангрэса, – з’яўляецца арганізацыяй пазапартыйнай і ставіць сваёй задачай юрыдычную, маральную і матэрыяльную дапамогу зняволеным барацьбітам рэвалюцыі, іх сем’ям і дзецям, а таксама сем’ям загінутых таварышаў» [1, с. 332]. У жніўні 1922 г. пры польскім бюро ЦК РКП(б) была створана камісія дапамогі палітзняволеным у Польшчы, якая пазней, пасля арганізацыі МОПР, стала функцыянаваць у якасці адной з яе міжнародных секцый і называлася «Чырвоная дапамога». З першага дня заснавання польская секцыя МОПР знаходзілася на нелегальным становішчы. У 1925 г. пасля стварэння КПЗБ быў заснаваны МОПР Заходняй Беларусі (пад кіраўніцтвам КПЗБ) як аўтаномная частка агульнапольскай мопраўскай арганізацыі [8, с. 106]. Верхнім органам кіравання з’яўляўся агульнакраёвы з’езд, які выбіраў Цэнтральны Камітэт. На месцах дзейнічалі акруговыя і раённыя камітэты, а нізавымі арганізацыйнымі адзінкамі былі ячэйкі МОПР [7, с. 47]. У 1934 г. на тэрыторыі Заходняй Беларусі функцыянавала пяць акруговых камітэтаў МОПР (Беластоцкі, Віленскі, Слоніmsкі, Пінскі і Маладзечанскі), пяць гарадскіх і адзінаццаць раённых камітэтаў [8, с. 107].

Члены гурткаў МОПР збіралі сярод працоўных харчы, адзенне і грошы для палітзняволеных, дапамагалі сем’ям арыштаваных, арганізавалі кампаніі салідарнасці ў падтрымку іх барацьбы [2, с. 165; 8, с. 107]. У гарадах МОПР часта арганізавуваў спецыяльныя групы, якія абыходзілі працоўныя кварталы і збіралі прадукты для палітвязняў [3, с. 14]. Мопраўскія арганізацыі мелі цесную сувязь з турмамі ў Беластоку, Вільні, Брэсце, Ваўкавыску. Акружныя арганізацыі МОПР устанавілі шэфства над турмамі, размешчанымі на тэрыторыі іх акруг. Шэфы пасылалі сваім палітвязням прадукты харчавання, адзенне, бялізну, кнігі, газеты. На тэрыторыі Заходняй Беларусі шэфская праца была асабліва распаўсюджана ў вёсцы. Галоўнай яе формай быў збор прадуктаў і адпраўка іх у турмы. Аб памерах дапамогі можна меркаваць па наступных дадзеных. На працягу кастрычніка – лістапада 1924 г. ячэйкі МОПР у Заходняй Беларусі сабралі на карысць палітвязняў больш за 2 000 злотых [14, с. 81]. У жніўні 1925 г. МОПР Заходняй Беларусі аказаў дапамогу 922 палітвязням у турмах і 100 сем’ям [4, с. 14].

Патранаты над палітвязнямі Заходняй Беларусі заснавалі мопраўскія арганізацыі ў Францыі, Канадзе, Аргенціне, ЗША і іншых краінах. У гарадах ЗША (Бостане, Дэтройце, Нью-Йорку, Філадэльфіі і інш.) пачалі стварацца Беларускае народнае таварыства, якія былі звязаны з мопраўскімі арганізацыямі [6, с. 135].

У сваёй дзейнасці МОПР Заходняй Беларусі карыстаўся пастаяннай падтрымкай МОПР БССР і СССР. Праз МОПР БССР было ўстаноўлена шэфства працоўных калек-

тываў гарадоў і вёсак БССР над палітвязнямі ў турмах Заходняй Беларусі. 26 студзеня 1937 г. ЦК МОПР БССР перавёў ЦК МОПР СССР 4 300 руб. для падшэфных турмаў Заходняй Беларусі і Польшчы. Збор сродкаў праходзіў у розных формах: членскія ўзносы, добраахвотныя ахвяраванні, адлікі 1–2% ад заробку, латарэі, правядзенне інтэрнацыянальных суботнікаў і інш. [9, с.59].

Такім чынам, дапамога савецкіх рэспублік, якая ажыццяўлялася праз МОПР і пад кіраўніцтвам камуністычных партый, адбывалася нелегальна, мела выразна палітычны характар. суправаджалася распаўсюджваннем камуністычных лозунгаў, з'яўлялася сродкам згуртавання шырокіх мас насельніцтва ў барацьбе супраць польскіх ўлад.

1. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: док. и материалы: в 2 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории Акад. Наук БССР, Арх. Упр. при Совете Министров БССР. – Минск: Госиздат, 1962. – Т. 1: 1921–1929 / В.И. Жигалов (сост.) [и др.] – 620 с.
2. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: док. и материалы: в 2 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории Акад. Наук БССР, Арх. Упр. при Совете Министров БССР. – Минск: Беларусь, 1972. – Т. 2: 1929–1939 / И.П. Ховратович (сост.) [и др.]. – 560 с.
3. Глинская, Т.Ю. КПЗБ – руководитель освободительной борьбы трудящихся Западной Белоруссии (1924–1928 гг.) / Т.Ю. Глинская. – Минск: Беларусь, 1965. – 199 с.
4. Гойдь, Т.А. Руководство КПЗБ деятельностью МОПРа в Западной Белоруссии по оказанию материальной помощи политзаключённым и их семьям / Т.А. Гойдь // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. – 1981. – № 2. – С. 13–15.
5. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 1. – Вол. 1. – Спр. 2664.
6. Кіпель, В. Беларусы ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск: Беларусь, 1993. – 348 с.
7. Клейн, Б.С. За дело правое: Борьба КПЗБ с буржуазным террором (1920–1938 гг.) / Б.С. Клейн. – Минск: Беларусь, 1986. – 173 с.
8. Ладысеў, У.Ф. КПЗБ – арганізатар барацьбы працоўных за дэмакратычныя правы і свабоды (1934–1938 гг.) / У.Ф. Ладысеў. – Мінск: Выдавецтва БДУ імя У.І. Леніна, 1976. – 168 с.
9. Лугачова, Т.А. Дзейнасць МОПРа па аказанню дапамогі рэвалюцыянерам Заходняй Беларусі / Т.А. Лугачова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. грамад. навук. – 1988. – № 4. – С. 54–61.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Вол. 21 – Спр. 117.
11. НАРБ. – Фонд 103. – Вол. 1. – Спр. 304.
12. НАРБ. – Фонд 242п. – Вол. 1. – Спр. 128.
13. Наша Воля. – 1927. – 9 сакавіка. – С. 1.
14. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / под ред. А.Н. Мацко [и др.] – Минск: Беларусь, 1966. – 397 с.

Посохина Г.И. (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

СССР и СТРАНЫ СРЕДНЕГО и БЛИЖНЕГО ВОСТОКА в МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

После победы Октябрьской революции В.И. Ленин продолжил разработку своего учения по национально-колониальному вопросу, обосновывая стратегию и тактику национально-освободительной войны в новых исторических условиях, когда на международной арене появилось первое в мире пролетарское государство. В «Тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала» Ленин писал: «Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой

стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетённых народов...» [3, с. 163]. Т.е. уже тогда закладывалась идея враждебного окружения и тезис о необходимости союза между «победившим пролетариатом» Советской России и «угнетёнными народами Востока». К этой мысли В.И. Ленин возвращался во многих своих работах. Успех мирового революционно-освободительного процесса, указывал он, будет определять прочность союза первого в мире Советского государства, международного рабочего и национально-освободительного движения.

Советская Россия предпринимала усилия по разрушению прежней системы международных отношений, декларировав «отказ от тайной дипломатии» и опубликовав тайные договоры из архивов дипломатического ведомства России. Среди них важное место занимал договор Сайкс – Пико о разделе азиатской Турции, заключённый Англией и Францией 16 мая 1916 г. и согласованный с российским правительством.

В период между двумя мировыми войнами возможности СССР на Ближнем и Среднем Востоке были незначительными. Во внешней политике СССР в этом регионе всё больше начинает проявляться прагматизм великой державы, которая, «заявив о полном отрицании прежнего миропорядка, всё же обретала некоторые черты государства, вынужденного существовать с другими государствами, подчиняясь давно выработанным, хотя и несколько видоизменённым правилам поведения на международной арене... В Кремле достаточно рано поняли, что революционный потенциал и Запада и Востока, на который возлагалось столько надежд, оказался иллюзией. Нужно было внутри страны консолидировать власть партии, а на международной арене обеспечить свою легитимизацию, безопасность границ, найти союзников. Когда стало ясно, что о «коммунизации» или «советизации» южных пограничных с Россией стран – Турции, Ирана, Афганистана – говорить не приходится, Советское правительство обратилось к установлению с ними нормальных межгосударственных отношений» [1, с. 19].

С Турцией у СССР был общий противник – державы Антанты, которые не только уже поделили арабские владения Османской империи, но и готовились к разделу собственно Турции. Борьбу турецкого народа за независимость, установление республики, проведение реформ возглавил Мустафа Кемаль.

Тяжелое положение Турции в связи с наступлением греческой армии заставило правительство Мустафы Кемалья искать поддержки Советской России. 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор о дружбе и братстве. От имени Советской России договор подписали Г. Чичерин и Дж. Коркмасов, от имени Турции Юсуф Кемаль бей, Риза Нур бей и Али Фуад паша. Московский договор состоял из 16 статей и 3 приложений. Согласно ст. 1 договора стороны обязывались «не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых понуждалась бы силою другая из договаривающихся сторон» [2, с. 597]. Советское правительство соглашалось не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных национальным правительством Турции. Этот пункт Московского договора был направлен против Севрского мирного договора 1920 года, отмены которого добивалась Турция.

Московский договор был дополнен также украино-турецким договором от 2 января 1922 года, подписанным в Анкаре во время пребывания там М.В. Фрунзе. Наконец, 17 декабря 1925 года между Москвой и Анкарой был заключён договор о ненападении и нейтралитете.

После переворота 21 февраля 1921 г. к власти в Иране пришло правительство Сеид Зия эд-Дина. 26 февраля в Москве был подписан советско-иранский договор. Советско-иранский договор 1921 г. имел величайшее значение для урегулирования взаимоотношений двух соседних стран. В этом урегулировании были заинтересованы обе стороны. Советская – потому что ей требовалось обезопасить себя от повторения британской или

любой другой интервенции с иранской территории. Иранское правительство – потому что партнерство с Россией позволяло избавиться от британского вмешательства в иранские дела и проводить более самостоятельную внешнюю политику.

В феврале 1921 г. был подписан договор о дружбе между Афганистаном и Советской Россией. Этот договор подтверждал взаимное признание и независимость обоих государств и содержал обязательство сторон «не вступать с третьей державой в военное и политическое соглашение, которое доставило бы ущерб одной из договаривающихся сторон». Россия согласилась предоставить Афганистану право беспрошльного транзита грузов через российскую территорию, оказать ему финансовую и материальную помощь и, что важно, обещала вернуть Афганистану «принадлежавшие ему в прошлом столетии земли пограничного района». Последнее обязательство в дальнейшем выполнено не было.

По поводу международной обстановки в регионе в советско-афганском договоре отмечалось, что обе стороны обязались уважать «действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая бы форма правления там ни существовала согласно желаниям их народов» [4]. Таким образом, российская сторона добилась признания Афганистаном тех политических переворотов, которые при поддержке Красной Армии были произведены в Бухаре и Хиве. Но одновременно она в свою очередь обязалась соблюдать суверенный статус новообразованных Хорезмской и Бухарской республик.

В 1926 г. СССР и Афганистан подписали договор о нейтралитете. Нейтралитет стал основой традиционной внешней политики Афганистана на последующий период. Вплоть до падения эмира Амануллы в 1929 г. Советский Союз поддерживал его реформы и антибританскую политику.

В 1924 году СССР установил дипломатические отношения с Хиджазом.

В том же году в Джидду, где находились иностранные дипломатические миссии в Хиджазе, прибыл официальный советский представитель. В конце 1925 – начале 1926 года, когда соседний султанат Неджд завоевал Хиджаз и было создано объединённое государство (в 1932 году оно получило название Саудовская Аравия), Советский Союз первым признал его и установил с ним дипломатические отношения. В 1926 – 1927 годах из СССР в Хиджаз были направлены партии товаров – сахар, нефтепродукты, текстиль, силикаты.

СССР в 1926 году признал независимость Йемена, у которого были серьёзные противоречия и столкновения с Великобританией и Италией. В письме Советскому правительству тогдашнего губернатора Ходейды принца Сейф уль-Ислама Мохаммеда говорилось: «Великое Российское правительство бдительно стоит на страже интересов Востока. С этим правительством борются империалисты, направляя на это громадные денежные средства, военные и политические силы стремясь воспрепятствовать тому, чтобы восточные народы были просвещены духом свободы. Это правительство завоевывает симпатии угнетенных народов. Мы надеемся на установление хороших отношений между нашим и этим правительством» [1, с. 22].

В 1928 году, когда Йемен подвергался английскому военному давлению с юга и саудовскому – с севера, йеменские представители обратились к полпреду СССР в Хиджазе с просьбой установить официальные отношения между СССР и Йеменом и начать торговлю. Вскоре в йеменский порт Ходейду были доставлены из СССР необходимые товары.

В ноябре 1928 года СССР и Йемен заключили договор о дружбе и торговле. В преамбуле договора указывалось, что он основывается на «признании взаимного равенства сторон во всём, что касается прав и общих положений, существующих между странами и народами...». В статье 1 подчёркивалось, что Советский Союз признаёт полную и абсолютную независимость правительства Йемена и его короля [1, с. 22].

Советская литература всегда давала оценки советской государственной политики по отношению к Турции, Ирану, Афганистану, а также независимым арабским странам, как соответствующей интересам народов Советского Союза, проявлением прагматизма и здравого смысла. Договоры, подписанные СССР в 20-е гг., якобы, стали серьезным ударом по империализму с его колониальной системой. Договоры, подписанные СССР в 20-е гг., якобы, стали серьезным ударом по империализму с его колониальной системой. Народы, изнывавшие под гнетом соглашений с империалистическими державами, без труда могли убедиться, что двум противоположным общественным системам соответствуют и две противоположные внешние политики. Советское государство показало всем зависимым и угнетенным народам основные принципы международных отношений, которые несет с собой новое, социалистическое общество.

В то же время хотелось бы отметить, что зачастую при подписании этих договоров идеология, политика, государственные интересы стояли выше человеческих жизней. Так, к примеру, в ответ на просьбу Мустафы Кемаля помочь Турции В.И. Ленин распорядился отправить туда 60 тыс. винтовок, 2–3 тыс. патронов на каждую винтовку, 108 полевых и 12 тяжёлых батарей и 10 млн. рублей золотом (стоимость 30 тыс. т. муки, равных 60 тыс. т. хлеба). Датой отправки был 1921 год. Поволжье голодало. Миллионы людей умерли от голода. Хлеб в те дни означал человеческую жизнь. 10 млн. рублей золотом, потраченные на импорт зерна, спасли бы от голодной смерти 2–3 млн. человек, которые в течение 1,5–2 месяцев могли бы питаться этим хлебом. Подобные примеры будут наблюдаться и во время голода в начале 30-х годов, когда советские зерно, мука, сахар, нефтепродукты продавались в Хиджазе, Эритрее, Джибути, Египте. В 1932 году Советское правительство предоставило Турции кредит в размере 8 млн. долларов для приобретения в СССР машин и промышленного оборудования [1, с. 23–24]. Таким образом, характер поведения СССР на международной арене, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке, успехи и просчёты советской внешней политики во многом объяснялись противоречивым единством идеологии и реальных интересов страны.

1. Васильев, А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму / А. Васильев. – М.: Наука, 1993. – 399 с.
2. Документы внешней политики СССР – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. III. – 702 с.
3. Ленин, В.И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – Т. 41. – С. 163.
4. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic – Дата доступа: 2.11.2012.

Потолков Ю.В. (Брестский государственный технический университет)

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» И СОЗДАНИЕ СССР

Философская идея триединой эмпатии, на которой основано моё выступление, исходит любое социальное явление как феномен этический. Следовательно, я ограничиваюсь рассмотрением этической проблематики создания СССР.

Создание СССР в 1922 году было шагом к осуществлению коммунистической мечты о единой семье равноправных народов. У большевиков не было исторического опыта. Они ещё не могли ответить на вопросы о том, какими путями будет укрепляться дружба человеческих общностей, имеющих противоречивую историю взаимных межнациональных взаимоотношений. Не было известно и о том, как преодолевать возможное в буду-

щем недоверие (а то и вражду) одних народов к другим. Не стоит задним числом укорять тогдашних реформаторов в тех или иных экономических, политических и философских просчётах. Но осмысление метафизической природы явления необходимо для решения многих сегодняшних проблем общечеловеческой этики.

Грандиозное историческое решение, о котором мы сегодня говорим, было принято в *атеистической* стране. Это обстоятельство неминуемо привело к упрощённому взгляду на религиозную составляющую национальных менталитетов. Данное упрощение, как показала история, привело впоследствии к трагическим последствиям.

Второй этической ошибкой 1922 года оказалась уверенность в том, что величие пролетарского интернационализма сразу и просто превратит противоречивую человеческую натуру в некий идеальный этический универсум, раз и навсегда «закалит сталь» характера строителя коммунизма. Может быть, этот этический просчёт большевиков оказался решающим в дальнейших судьбах СССР.

Как и всегда в истории, первой заметила нравственную недостаточность коммунистических преобразований художественная литература. В частности, русская литература. Её углублённый психологизм, её внимание к отдельно взятому индивидууму вошли в противоречие с вульгарно-коллективистскими тенденциями времени. Особенно очевидно это этическое противостояние проявилось в отношении такого литературного типа, как так называемый «маленький человек».

Известно, что создание галереи «маленьких людей» – это одно из высших достижений русской литературы. Акакий Акакиевич из повести Н.В. Гоголя «Шинель», Самсон Вырин из «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина, Максим Максимыч из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Семён Мармеладов из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на фоне грандиозных советских планов по переустройству человеческой природы стали казаться фигурами малоинтересными и ни в коем случае не достойными подражания.

Однако литературная действительность оказалась сложнее планов кремлёвских мечтателей. В 20-е и во все последующие годы существования СССР фигура «маленького человека» продолжала занимать видное место в художественных книгах. Она выступила в произведениях В. Маяковского («Клоп»), М. Булгакова («Собачье сердце»), М. Зощенко (рассказы), М. Шолохова («Поднятая целина»), А. Платонова («Усомнившийся Макар») и др. Правда, в произведениях советского времени «маленький человек» оказывается личностью достойной в лучшем случае доброжелательной иронии (таков, к примеру, шолоховский Дед Щукарь), а в худшем – сатирического осмеяния (Иван Присыпкин у В. Маяковского и Шариков у М. Булгакова).

Однако такие общественные настроения, объясняемые этической ситуацией времени, не меняли сущности процесса: литература по-прежнему тяготела к изображению неповторимой индивидуальности, входящей в нравственные противоречия с этическими тенденциями социума.

Сегодня творения советской эпохи, изученные многократно, начинают выступать в совершенно новых ипостасях и поворотах. Обратимся для примера к комедии В. Маяковского «Клоп», написанной в 1928–1929 годах. Эта пьеса повествует о ничёмных жизнях мещанина Ивана Присыпкина (Пьера Скрипкина). Именно жизнях, поскольку этому персонажу довелось жить дважды: в 20-е годы и потом – в эпоху всемирного коммунизма, которая по сюжету пьесы наступит в конце 70-х годов XX века.

Читая эту произведение, не можешь освободиться от мысли, что драматург был как бы «раздвоен»: один говорит «как надо», второй – «как есть». В результате перед нами

предстает не социальная комедия, а психологическая драма, в которой главным героем оказывается не сатирический персонаж, а сам страдающий от собственных внутренних противоречий автор пьесы.

Прочитаем пьесу «Клоп» сегодняшними глазами. Кто такой Иван Присыпкин? Это бывший рабочий, бывший партиец, ныне жених. Его невеста – кассирша парикмахерской Эльзевира Ренесанс. Ради Эльзевиры Иван бросает свою бывшую возлюбленную работницу Зою Берёзину. Жизненная программа Присыпкина – сделать дом полной чашей. Говорит о себе: «Я человек с крупными запросами... Я зеркальным шкафом интересуюсь». Мечтает воспитывать будущих детей в изящном духе. Наверное, перечисленные проявления мещанства не вызывают особого уважения к личности Ивана Присыпкина, но в отрицательные герои вписывать тоже не позволяют. Когда же действие пьесы переносится в будущий коммунизм, бездуховному Ивану начинаешь просто-таки сочувствовать.

Каков же коммунизм, представленный в пьесе? (Учтём, что в его облике воплотились многие надежды социальных реформаторов 20-х годов). Это царство информирующей техники. Объединяющей свою мощью всё население Земли. Названий улиц нет. Есть только номера. Деревья – искусственные, производящие в нужное время нужный фрукт. Из танцев известны только многотысячные движения рабочих и работниц по площади. Движения эти должны изображать различные производственные процессы. Например, ход полевых работ.

Понятие «влюблённость» профессора коммунистической эпохи объясняют так: «так называлась древняя болезнь, когда человекья половая энергия, разумно распределяемая на всю жизнь, вдруг коротечно конденсируется в неделю в одном воспалительном процессе, ведя к безрассудным и невероятным поступкам» Присыпкин с его романами под гитару, тяготением к куреву и выпивке кажется людям будущего «бешеным млекопитающим». Иван комментирует всё, наблюдаемое им, так: «Ни людей, ни лошадей! Автодоры, автодоры, автодоры!!!».

Характерна заключительная сцена пьесы, в которой Присыпкина, сидящего в клетке, демонстрируют заинтересованным зрителям. Вот эта сцена:

« С к р и п к и н

(покорно становится, покашливает, подымает гитару и вдруг оборачивается и бросает взгляд на зрительный зал. Лицо Скрипкина меняется, становится восторженным. Скрипкин отталкивает директора, швыряет гитару и орёт в зрительный зал)

Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?! Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке? Родимые, братцы, пожалуйста ко мне! За что ж я страдаю? Граждане!..

Г о л о с а г о с т е й

- Детей. Уведите детей...
- Намордник. Намордник ему...
- Ах, какой ужас!
- Профессор, прекратите!
- Ах. Только не стреляйте!»

Далее – служители оттаскивают Скрипкина. Музыка играет туш.

Трудно сказать, какой образ – мещанина Присыпкина или коммунистического общества – вызывает у современного читателя большее неприятие. По крайней мере, в приведенной выше сцене нравственно выигрывает Иван. И веришь, что он действительно страдает. В зале – существа пострашнее Присыпкина. Они забыли слова «влюблён-

ность», «табак», «водка», «фокстрот и «романс», но хорошо помнят слова «намордник», «стрелять», «ужас» Итак, перед нами клоунада, узаконенное двуличие. Никакого коммунизма нет; ничего не изменилось. Иными стали лишь обстоятельства научно-технического порядка. Уяснив это, современный читатель вряд ли воспримет В. Маяковского как идеального певца советской эпохи. Самоубийственный выстрел поэта в апреле 1930 года имел не только личные причины... Сегодня особенно горько читать строки из «Стихов о советском паспорте»: «Читайте, завидуйте: Я – гражданин Советского Союза».

Таким образом, ясно: этическая программа создателей СССР подвергалась сомнению уже в 20-е годы. Как показали дальнейшие события истории, такие сомнения имели под собой все основания.

Птичкина С.А. (Брестский государственный технический университет)

ПРАВОВОЙ СТАТУС БССР В СОСТАВЕ СССР

29 декабря 1922 года на Конференции полномочных делегаций РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР были обсуждены и одобрены положения Договора об образовании СССР. При этом союзные республики выступали как самостоятельные независимые государства. 30 декабря 1922 г. члены полномочных делегаций союзных республик подписали Договор об образовании СССР, что позволяет рассматривать его как полноценное международно-правовое соглашение.

Глава Правительства БССР А.Г. Червяков настаивал на расширении полномочий союзных органов, однако Договор 1922 г. относил к компетенции Союза международные отношения, установление основ общего плана развития народного хозяйства, руководство транспортом, связью, Вооруженными силами, утверждение единого госбюджета, формирование денежной, кредитной системы, системы общесоюзных и республиканских налогов, пользование недрами, лесами, водами, землепользование, судостроительство, судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство, основные законы о труде, общие начала народного просвещения, законодательство в области союзного государства, законодательство о правах иностранцев. Союзным республикам оставались второстепенные, декоративно-представительские функции. И хотя Договор 1922г. декларировал норму о праве свободного выхода союзных республик из состава СССР, но не условий, не механизма такого выхода законодательство не устанавливало.

31 декабря 1924г. на II Всесоюзном съезде Советов была утверждена первая Конституция СССР. В соответствии с общесоюзной Конституцией Белорусская ССР передала часть своих полномочий СССР. В отношении разграничения компетенции СССР и союзных республик говорилось, что «суверенитет союзных республик ограничен в пределах, указанных Конституцией СССР, вне этих пределов республики осуществляют власть самостоятельно»[1]. Конституция 1924 г. содержала специальную главу, трактующую суверенные права союзных республик. «Статья 4 закрепляла право свободного выхода из состава Союза (это было показателем силы Советского государства, которое заверяло, что ни одна из республик не хочет отделяться от Союза). Специально подчёркивались права союзных республик на неизменяемость их территорий (допустимо только с согласия республики). Статья 5 признавала за республиками право иметь своё законодательство (ответствующее Основам союзного законодательства той или иной отрасли права)»[4].

В апреле 1927 г. на VIII Всебелорусском съезде Советов была принята новая (вторая) Конституция БССР. Статья 2 Конституции гласила, что «БССР является Советским государством диктатуры пролетариата»[3] и вошла в Союз добровольных начал. В других статьях определялись суверенные права БССР в составе СССР. Первая Конституция СССР регламентировала только отношения центра и республик, не затрагивая внутреннего устройства последних. Конституция БССР детализировала принцип равноправия наций (равноправие государственных языков – белорусского, еврейского, русского, польского, признание права получения образования на родном языке); впервые в советской практике чётко разграничила функции законодательной (ЦИК) и исполнительной (СНК) властей; определила, что вопросы об изменении территории республики должны рассматриваться только на съездах Советов БССР. Конституция 1927 г. не содержала прямого указания на суверенитет БССР, на конституционном уровне не закреплялось сохранение за БССР права выхода из состава СССР.

Через год после принятия Конституции СССР 1936 г. 19 февраля 1937 г. Съезд Советов БССР принял новую Конституцию БССР. Как и требовала общесоюзная, Конституция БССР полностью соответствовала Конституции СССР 1936 г. Законы СССР были обязательны на территории республики, каждый гражданин БССР был и гражданином СССР. Впервые была закреплена конституционная норма о сохранении за БССР права выхода из состава СССР. В Конституции говорилось о добровольном объединении БССР на равных правах с другими союзными республиками в Союзе ССР, хотя суверенитет республики был значительно ограничен. Все наиболее важные вопросы государственной жизни были отнесены к компетенции СССР.

В первые послевоенные годы изменения в законодательстве союзных республик, и Белорусской ССР в том числе, осуществлялись в основном законодательными органами СССР.

Союзные республики являлись членами федеративного государства и не обладали свойством государственного суверенитета. Так, Белорусская ССР не имела национальной валюты, таможи, международных связей на уровне посольств, исполнительная власть не обладала всей полнотой государственной власти, соответственно, нельзя было признать республику субъектом международного права. Несмотря на это, с 1944 г. начинается международная деятельность Белорусской ССР. 01 февраля 1944 г. Верховным Советом СССР был принят Закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский». В связи с этим Верховный Совет БССР 24 марта 1944 г. принял Закон «Об образовании Народного комиссариата иностранных дел», внося ряд соответствующих дополнений в Конституцию БССР 1937 г. БССР вместе с 50 государствами участвовала в создании ООН, в разработке её Устава. Дипломатические отношения БССР с иностранными государствами осуществлялись с помощью посольств и миссий Союза ССР в зарубежных странах, хотя Конституции БССР и СССР не содержали каких-либо положений, препятствующих развитию непосредственных дипломатических отношений БССР с иностранными государствами. Вместе с СССР и УССР Белорусская ССР участвовала в работе дипломатической конференции по защите жертв войны, проходившей в Женеве в 1949 г., на которой был выработан целый ряд соответствующих конвенций. В 1954 г. представители БССР участвовали в Гаагской конференции по защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта, в 1958 и 1960 гг. в Женевской и в Брюссельской конференциях по морскому праву и т.д.

Довольно обширной была договорная практика БССР. Заключённые республикой договоры с нормативным содержанием охватывали самые различные стороны международной жизни. Некоторые из них: Статут Международного Суда ООН, Конвенция о политических правах женщин (1953), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) и т.д.

Однако всё вышеперечисленное не привело к каким-либо существенным изменениям в положении республики в составе СССР. «Белорусская ССР придерживалась во всех вопросах так называемой «согласованной линии социализма». Делегации БССР во всех случаях поддерживали позицию делегаций СССР»[2].

14 апреля 1978 г. на внеочередной девятой сессии Верховного Совета БССР девятого созыва была принята и введена в действие новая Конституция БССР. По содержанию она практически соответствовала тексту Конституции СССР 1977 г.

1. [Электронный ресурс]– Режим доступа :dis 1. ru>avtoreferats 2/av 44. htm.
2. [Электронный ресурс]– Режим доступа :npa.by.>bssr-v-sjstave-sssr.html
3. [Электронный ресурс]– Режим доступа :BestReferat.ru>referat – 37277.html.
4. [Электронный ресурс]– Режим доступа :bestpravo.ru>Документы СССР >eh-praktika/v7p. htm.

Речиц Е.В. (Брестский государственный технический университет)

ВЫДЕЛЕНИЕ ВОДНО-БОЛОТНЫХ УГОДИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ В СССР

Долгое время водно-болотные угодья СССР рассматривались лишь с экономической точки зрения. Они отождествлялись с источниками наводнений, сырости, туманов, местами размножения вредных растений и животных, распространителями паразитов и болезней. К ним подходили как к нежелательным природным комплексам, неудобным для занятия сельскохозяйственной и лесохозяйственной деятельностью, топким, зыбким местам, непригодным для строительства и размещения различных зданий, сооружений, дорог и других объектов.

Осушение и принятие к использованию водно-болотных угодий считалось одним из приоритетных направлений государственной политики. В результате проведенных крупномасштабных мелиоративных работ общая площадь высвобожденных от водно-болотных угодий земель составила более 3,4 млн. га (16,4% территории СССР), свыше 1 млн. га из них пришлось на болота. К примеру, только в Белорусском Полесье было осушено не менее 40% заболоченных территорий [1, с.37].

26 декабря 1975 г. Совет Министров СССР возложил на Государственный комитет СССР по охране природы выполнение обязанностей, связанных с реализацией Советской Стороной Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местообитаний водоплавающих птиц, от 2 февраля 1971 г. (п.2 Постановления Совета Министров СССР от 26 декабря 1975 г. № 1046 «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Советской Стороны, вытекающих из Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц от 2 февраля 1971 г.»).

Ст.2 Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местообитаний водоплавающих птиц от 2 февраля 1971 г. Советской Стороне предписывалось определить подходящие водно-болотные угодья на

своей территории, включаемые в Список водно-болотных угодий международного значения. Допускалось включение прибрежных речных и морских зон, смежных с водно-болотными угодьями, и островов или морских водоемов с глубиной больше шести метров во время отлива, расположенных в пределах водно-болотных угодий, особенно там, где они важны в качестве местобитования водоплавающих птиц.

Водно-болотные угодья для Списка требовалось отбирать на основании их международного значения с точки зрения экологии, ботаники, зоологии, лимнологии или гидрологии. В первую очередь в Список следовало включать водно-болотные угодья, имеющие международное значение в качестве местобитаний водоплавающей птицы в любой сезон.

При выделении водно-болотных угодий международного значения Советской Стороной использовались критерии, рекомендованные проведенной в декабре 1974 г. в ФРГ международной конференцией по охране увлажненных территорий и водоплавающей дичи. Критерии условно объединялись в группы, согласно которым водно-болотные угодья:

представляли экологическую ценность, в том числе для водоплавающих птиц; посещаются не менее чем десятком тысяч особей или имеют жизненно важное значение для биогеографических популяций одного или нескольких ценных видов водоплавающих; имеют большое значение для сохранения генетического и экологического разнообразия растительных и животных форм, а также большое научное или экологическое значение;

отражали репрезентативность или уникальность, т.е. либо представляют собой характерный образец водно-болотных сообществ какого-либо природного региона, либо пример критической стадии сообщества или экстремных условий для биологических или гидроморфологических процессов;

являлись достаточно исследованы, обеспечены научными кадрами и оснащены научным оборудованием; исследования хорошо документированы, регулярно публикуются и представляют в связи с этим благоприятные возможности для просвещения, воспитания общественного экологического сознания, понимания значимости увлажненных территорий, их роли в биосфере, в частности, в гидросфере;

существовала реальная возможность управлять угодьем с физической и административной точек зрения и отсутствует реальная угроза серьезного загрязнения или нарушения гидрологического режима [2, с. 26–27].

В целях обеспечения выполнения обязательств Советской Стороны, вытекающих из названной Конвенции, Совет Министров СССР постановил утвердить 12 находящихся на территории СССР водно-болотных угодий, имеющих международное значение главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц: Кандалакшский залив Белого моря (Мурманская область, РСФСР); залив Матсалу Балтийского моря (Эстонская ССР); дельту реки Волги (Астраханская область, РСФСР); заливы имени Кирова Каспийского моря (Азербайджанская ССР); Красноводский и Северо-Челекенский заливы Каспийского моря (Красноводская область, Туркменская ССР); залив Сиваш Азовского моря (Херсонская область, Украинская ССР); Каркинитский залив Черного моря (Крымская область, Украинская ССР); Дунайские плавни, Ягорлыкский и Тендровский заливы Черного моря (Одесская, Херсонская и Николаевская области, Украинская ССР); озера Кургальджин и Тенгиз (Целиноградская область, Казахская ССР); озера низовий рек Тургай и Иргиз (Ак-тубинская область, Казахская ССР); озеро Иссык-Куль (Иссык-Кульская область, Киргизская ССР); озеро Ханка (Приморский край, РСФСР) (п.1 Постановления Совета Министров СССР от 26 декабря 1975 г. № 1046 «О мерах по обеспечению выполнения обязательств

Советской Стороны, вытекающих из Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, от 2 февраля 1971 г.»). Общая площадь угодий составила 2,84 млн. га [3, с. 10].

В угодьях международного значения СССР, кроме массовых видов водоплавающих и прибрежных птиц, в подавляющем большинстве гусеобразных, предоставлялась охрана около 40 редких видов, внесенных в «Красную книгу СССР», в том числе 7 видов, включенных в «Красную книгу Международного Союза Охраны Природы». Также под охрану попадали реликтовые и эндемичные растения [2, с. 28].

Ратификация СССР Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местообитаний водоплавающих птиц от 2 февраля 1971 г., и выделение водно-болотных угодий международного значения на своей территории положило начало формированию национального законодательства, направленного на: сохранение в естественном состоянии водно-болотных угодий как регуляторов водного режима, как местообитаний характерной флоры и фауны, в первую очередь – водоплавающих и околоводных птиц; сохранение водно-болотных угодий как природных ресурсов, имеющих большое экологическое, научное и эстетическое значение, потеря которых невозможна; сохранение водоплавающих птиц как «международного ресурса», исходя из того, что миграции птиц носят «негосударственный» и транснациональный характер; ограничение антропогенного воздействия на природные комплексы влажных зон; исследование экологии и состояния запасов водоплавающих птиц, в том числе их численности, пространственных и временных связей [2, с.27].

1. Комментарий к Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием / деградацией земель. Глобальные природоохранные Конвенции: опыт осуществления в Республике Беларусь; под ред. В.М. Подоляко, В.В. Савченко. – Минск : Полиграфт, 2002. – 124 с.
2. Скокова, Н.Н. Водно-болотные угодья международного и национального значения в СССР / Н.Н. Скокова // Водно-болотные угодья и водоплавающие птицы / АН ЭССР, Ин-т зоологии и ботаники. – Таллин : Валгус, 1987. – 127[1] с.
3. Кумари, Э. Водно-болотные угодья международного значения и изучения водоплавающих птиц / Э. Кумари // Водно-болотные угодья и водоплавающие птицы / АН ЭССР, Ин-т зоологии и ботаники. – Таллин: Валгус, 1987. – 127[1] с.

Розенблат Е.С. (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ: ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ

Весть о нападении Германии на Советский Союз вызвала в обществе приграничных территорий эффект детонации: казавшаяся неуязвимой советская власть сметалась наступающей гитлеровской армией. Но с ещё большей скоростью, чем продвигались немецкие танки и солдаты, шла волна растерянности и паники, охватившей руководящий и рядовой состав советского аппарата. В хаосе первых дней войны выяснилось, что в обществе, как и среди советского актива, нет единства, нет объединяющей силы, которая позволяет выстоять и направить усилия на достижение одной, главной цели борьбы с врагом. Вторжение противника на советскую территорию, налёты немецкой авиации, несоординированные действия военных и гражданских властей, отсутствие комментариев

к происходящему со стороны высшего руководства страны, – всё это оказывало деморализующее действие на представителей низовых и средних структурных звеньев власти и на население приграничных областей. В условиях вакуума информации (отсутствия официальных источников информации о положении на фронте и ближайших перспективах развития событий) решающим фактором, определяющим умонастроение населения перед лицом стремительно приближающейся гитлеровской армии, стали слухи.

Эти слухи можно разбить на несколько составных частей:

1. О непобедимой мощи немецкой армии.
2. О полном разгроме Красной Армии, сотнях тысяч красноармейцев, попавших в плен.
3. О трусливом поведении представителей советской власти, озабоченных спасением своих близких, своего имущества и собственной безопасностью.
4. О некоем «темном замысле» и происках врага, который делает все, чтобы специально организовать беспорядки и устроить панику.

К сожалению, сама обстановка того времени не способствовала созданию и сохранению источников, которые в полном объёме отображали ситуацию в Беларуси в первые дни и недели Великой Отечественной войны. Публикуемый документ очень ярко отражает атмосферу лета 1941г. в г. Мозыре: внезапную панику, паралич власти, бесконтрольную раздачу денег и бегство из города ответственных партийных и советских работников.

В ЦК ВКП(б) гор. Москва, ген. секретарю т. Сталину
от коммунистов первичной парторганизации г. Мозыря Полесской области Шмырева, Пугачева, Сафонова и Морковкина

Заявление

Мы, коммунисты первичной парторганизации облфо Полесской области (г. Мозырь) просим ЦК ВКП(б) срочно расследовать возмутительный антигосударственный факт, имевший место 27 июня 1941 г. здесь, в г. Мозыре.

Дело в следующем. Ещё ночью (как выяснилось потом) на 27 июня с.г. из города стали эвакуировать свои семьи и домашнее имущество руководящие областные работники, начальники с областного управления НКВД, обкома КП(б)Б, облисполкома, горисполкома и др. организаций.

Для этой цели был срочно мобилизован весь наличный транспорт (автомобильный и пароходы). Проснувшееся местное население быстро узнало об этом и лихорадочно стало собираться, бросая домашнее имущество, скот и дома, оставляя в некоторых случаях записки такого содержания: «Пользуйтесь всем, что найдете в доме, доите корову, ешьте яйца, кур. Мы уходим, не зная, куда». Паника с каждой минутой охватывала все большие массы жителей. В это время в облисполкоме и горисполкоме пытались организованно провести раздачу пропусков за пределы Полесской области, но с хлынувшим потоком беженцев этого сделать было невозможно. За пропуска буквально дрались, осаждая приступом места, где они выдавались.

Внутри этих учреждений творилось неописуемое. Работники исполкомов частично жгли на месте важные секретные документы, частью грузили на автомашины. Из облисполкома было вывезено два закрытых грузовика на хлебокомбинат с документами... Началась паническая (с разрешения тех же руководителей) раздача денег за 1 ½ и 2, 2 ½ месяца вперёд и выдача (в некоторых учреждениях и организациях) трудовых книжек на руки. За этими операциями никто не следил, делалось все наскоро, неизвестно, по крайней мере сейчас, сколько жульнических махинаций было совершено под эту шумиху

У нас в облфо раздачу денег начали в облфо Нисневич, зам. зава Комаров – члены партии, и начальник сектора госдоходов Якиревич – б/п.

До 12 часов дня был отправлен переполненный бежавшими 1 пароход и подготавливался второй. Первый пароход был отправлен вниз по направлению на Киев. По всем направлениям из Мозыря направились местные жители с узлами и малыми детьми, оставляя дома, неизвестно куда. Учреждения и организации бросались без всякой охраны и присмотра открытыми. По примерному нашему подсчёту (из рассказов служащими госбанка) было роздано свыше 8 млн. руб. В этот момент не раздалось голоса со стороны руководящих областных работников против паники и беспорядков. Никто, по сути дела, не руководил областью и городом. Никто из нас, членов истребительного батальона местной обороны, находившихся в это время на своих местах, не знал, кто же будет руководить делом обороны и почему такая паника. Из сообщений информбюро ничего угрожающего нашему городу не явствовало.

Характерно, что сегодня, т.е. 28 июня, секретарь обкома по пропаганде Грушин выступил по радио с призывом к населению за укрепление труддисциплины, поднятия производительности труда, против паники и расхлябанности, тогда как вчера прекратили свою производственную деятельность большинство организаций, но никакого протеста со стороны этого секретаря не было.

В ряде районов области (Калинковичи и др.) имели место такие же факты.

По нашему мнению, здесь имеет место чьё-то тёмное руководство в организации этих беспорядков. Настойчиво просим Вас, т. Сталин, срочно расследовать этот факт.

28 июня 1941 г., г. Мозырь

Члены партии Шмырев, Пугачев, Сафонов и Морковкин

ГАРФ, ф. Р-6822 (Совет по эвакуации при СНК СССР, 1941 г.), оп. 1, д. 508, л. 11-12.

Самосевич В.А. (Брестский государственный технический университет)

СИСТЕМА НЕСИЛОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВОЕННУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СССР

После Второй мировой войны сформировалась биполярная модель мира. Началась «холодная» война между двумя сверхдержавами – СССР и США, их соперничество.

Вначале доминирующая роль принадлежала США, которая только выиграла по итогам Второй мировой войны, но затем происходит необъяснимое: рост экономической и военной мощи Советского Союза. И с этим пришлось считаться, вплоть до невозможности начинать какие-либо военные действия.

Дело в том, как считает С. Горянов, что с 1945 по 1953 гг. этот период стал беспрецедентным научно-техническим прорывом Советского Союза благодаря Л.П. Берии.

К марту 1953 года член Политбюро Л.П. Берия не был шефом госбезопасности страны, он работал заместителем председателя правительства страны (вице-премьером, если говорить нынешними терминами), возглавляя так называемый Спецкомитет (СК) при Совмине СССР. В составе СК действовали три управления – Первое (ядерное оружие, атомная энергетика и промышленность), Второе (ракетная техника) и Третье (высокоточное оружие той поры – электроника, радары, зенитно-ракетные комплексы, управляемые ракеты).

Работу Спецкомитета организовали небюрократическим (делакратическим) способом. Здесь практиковались горизонтальные связи (по сути дела, сетевые, межведомственно-междисциплинарные принципы организации проектов), подбирались кадры фантастической работоспособности, применялся метод награждений по достигнутым конечным результатам.

Результат оказался налицо. СССР в рекордные сроки (в 1949-м) создал ядерное, а затем (1953) – и термоядерное оружие. Позже, когда СК распустили, а его рабочие структуры раздали по обычным бюрократическим ведомствам, инерция бериевского ускорения оказалась настолько велика, что страна раз за разом демонстрировала фантастические прорывы. 1954 год – пуск первой в мире АЭС. Успехи в строительстве электронной промышленности, в создании первых ЭВМ – компьютеров. Ввод в строй пояса зенитно-ракетной обороны Москвы – системы С-125 «Беркут» (Берия-младший и Куксенко), способной сбивать не только реактивные «летающие крепости», но и сбрасываемые ими на парашютах ядерные бомбы (межконтинентальных ракет у США тогда еще не имелось). 1957 год – запуск в космос первого в мире спутника первой в мире баллистической ракетой Р-7, способной доставить ядерную боеголовку из Евразии в Северную Америку. 1960 год – первое в мире успешное применение зенитно-ракетного мобильного комплекса С-75, уничтожившего высотный самолет-разведчик США U-2 (дело Паузрса). 1961 год – первое в мире испытание системы противоракетной обороны (Кисунько). Его ракета В-1000 уничтожила «баллисту»-цель, по сути дела попав пулей в пулю. США подобное сделали лишь в 1984 году. И в том же 1961 году СССР первым в мире запускает в космос пилотируемый корабль с Юрием Гагариным на борту. В те же годы страна овладевает управляемым тактическим ракетным вооружением (в воздухе, на суше и на море), приступает к строительству атомного подводного флота и сверхзвуковой авиации. Любопытная деталь: именно СССР в 1950-е годы строит первый в мире успешный реактивный пассажирский лайнер – Ту-104, показывает успехи в компьютеростроении и создании АСУ – автоматизированных систем управления.

Нетрудно заметить, что успех этих проектов прямо вырастает из Спецкомитета Лаврентия Берии. Позже птенцы «гнезда Бериева» сумеют создать и ПРО Москвы, и систему раннего предупреждения о ракетном нападении на СССР, и истребители вражеских спутников, и систему морской спутниковой разведки и целеуказания (МРКЦ) «Легенда» – Савин, Басистов и т.д. Можно добавить к этому противокорабельные крылатые ракеты Челомея и других, орбитальные станции «Алмаз» и «Салют», тяжелые многзарядные ракеты-межконтиненталки «Сатана/Воевода», ядерные ракетные двигатели, электрореактивные космические двигатели.

К началу 1970-х годов, и особенно после поражения США в войне во Вьетнаме, СССР сравнялся по многим параметрам военно-экономической безопасности. Это послужило пониманию в высших кругах Вашингтона о невозможности победить СССР в военном конфликте, необходимости разработки и выработки новой стратегии борьбы с СССР, основанной на не силовых методах воздействия.

План Р. Рейгана (точнее – директора ЦРУ У. Кейси) включал 7 основных стратегических инициатив:

- 1) тайная финансовая, разведывательная и политическая поддержка польского оппозиционного движения «Солидарность»;
- 2) целенаправленная помощь афганским моджахедам:

3) кампания по резкому сокращению притока валюты в СССР, реализуемая посредством: а) снижения по договоренности с Саудовской Аравией мировых цен на нефть, б) ограничения советского экспорта природного газа в Западную Европу;

4) психологическая война, направленная на возникновение синдромов страха, неуверенности, утраты ориентиров, как у коммунистической власти, так и у населения;

5) организация блокады по доступу СССР к приобретению западных технологий;

6) массовая техническая дезинформация, наносящая хозяйственный урон советской экономике;

7) поддержание через СОИ (стратегическая оборонная инициатива) высоких расходов СССР на оборону, истощавших его финансово-ресурсную базу [1, с. 43].

Советский Союз не смог найти ассиметричных ответов. Высшее политическое и военное руководство СССР переходит к самоубийственной практике зеркального копирования того, что делается в Соединенных Штатах. Невзирая на затраты. Тем самым американцы получают возможность втянуть нас в заведомо проигрышную гонку оборонных затрат (они-то богаче!), заодно подкидывая Кремлю дезинформацию о перспективных фантастических проектах вооружений. Тем самым усугубляя экономические трудности Советского Союза.

Впервые в 1987 году дефицит бюджета СССР составил 17 млрд. руб. Но ухудшилась и экономическая ситуация в США. В 1987 году внешний долг вырос до 246 млрд. долларов. Спасения не было...

И тут случилось чудо – в образе М. Горбачёва, который с 1987 года снял ограничения во внешней торговле и тем самым помог США избежать дефолта. А цены в СССР были ниже, чем во многих странах мира. В 1987 году было вывезено за границу 500 000 телевизоров, 200 000 стиральных машин, только одна иностранная семья вывезла 392 холодильника, 28 стиральных машин и 142 кондиционера.

Это был совершенно непонятный толчок к цепной реакции по развалу Советского Союза, его судьба была предreshена.

Но главной причиной краха СССР, о которой говорит С. Кара-Мурза, являлась мировоззренческая [2, с. 16]. Произошло перерождение элиты из-за неправильной работы с кадрами, крушение советского менталитета – уход последнего поколения сталинских управленцев, в идеологии – взят курс на общество потребления.

Уроки из трагедии первого в мире социалистического государства извлекает Китайская народная Республика. В Китае идёт постоянное обновление идеологии. Установлен предельный возраст и срок пребывания для руководства страны на высших должностях 2 раза по 5 лет. Взят курс на лидерство в научных разработках, в освоении новых технологий и внедрении инноваций. Уже сейчас Китай впереди в освоении космоса и создании высокоскоростного железнодорожного транспорта.

Верность указанным направлениям развития подтвердил 18 съезд КПК, прошедший в ноябре 2012 года.

Таким образом, одними из основных причин краха Советского Союза явились:

1. Мировоззренческая.

2. Отказ от экономично-инновационного подхода в ассиметричных ответах США по защите своей военно-экономической безопасности.

1. Якунин, В. Западня. Новые технологии борьбы с Российской государственностью / В. Якунин, В. Багдасарян. С. Сулакшин. – М.: Алгоритм, 2011 – 429 с.

2. Кара-Мурза, С. Причины краха советского строя / С. Кара-Мурза // Беларуская думка. – 2011. – № 11. – С. 13–17.

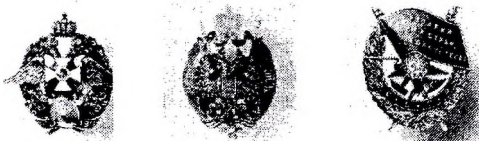
УЗНАГАРОДНАЯ СІСТЭМА СССР – ВЕХІ РАЗВІЦЦЯ

Пасля Кастрычніцкага пераварота 1917 г. (уласна так яшчэ ў 1920-х гадах называлася Кастрычніцкая рэвалюцыя) была разбурана ўзнагародная сістэма Расійскай імперыі. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі ўсе ўзнагароды былі ліквідаваны дэкрэтам УЦВК і СНК ад 10(23).11.1917, але вельмі хутка ўзнікла неабходнасць ва ўвядзенні савецкіх ордэнаў. Вяртанне ідэі ганаровага знака ў выглядзе адзнакі, якая носіцца публічна на вопратцы, пачалося на рэспубліканскіх узроўнях – таму што толькі 30.12.1922 г. рэспублікі аб'ядналіся ў саюз. Ордэны рэспублік актыўна ужываліся ў 1918–1933 гг., у тым ліку рэспубліканскі ордэн Працоўнага Чырвонага Сцяга БССР, які афіцыйна ўручаўся з 1924 г. да 1932 г.

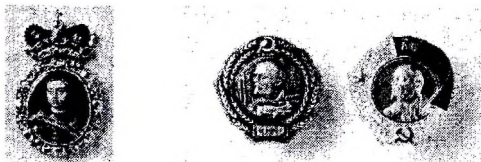

Мал.1. Ордэн Працоўнага Чырвонага сцяга БССР з надпісамі на яўрэйскай, польскай і беларускай мовах і ордэнская кніжка да яго магілёўчаніна Марэева М.П., 1940 г.

Пасля стварэння СССР з'явіліся агульнасаюзныя ордэны (1924–1991), колькасць якіх з цягам часу павялічвалася: Чырвонага Сцяга (1924), Працоўнага Чырвонага Сцяга (1928), Леніна (1930), Чырвонай Зоркі (1930), «Знак Пашаны» (1935), Айчыннай вайны (2 ступені, 1942), Суварова (3 ступені, 1942), Кутузава (2 ступені, 1942; 3 ступені, 1943), Аляксандра Неўскага (1942), Багдана Хмяльніцкага (3 ступені, 1943), Славы (3 ступені, 1943), «Перамога» (1943), Ушакова (2 ступені, 1944), Нахімава (2 ступені, 1944), «Маці-герая» (1944), «Мацярынская слава» (3 ступені, 1944), Кастрычніцкай Рэвалюцыі (1967), Дружбы народаў (1972), Працоўнай славы (3 ступені, 1974), За службу Радзіме ва Узброеных Сілах СССР (3 ступені, 1974), За асабістую мужнасць (1988).

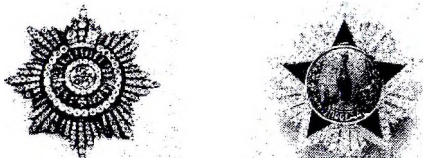

Мал.2. Нагрудныя знакі 62-га Суздальскага палка (з выявай знака ордэна Св. Георгія), Каўказскай Коннай брыгады, пач. 20 ст. (з дрэўкамі двух сцягоў) (злева); ордэн Чырвонага Сцяга ўзору 1924 г. з рысамі палкавых знакаў (справа)

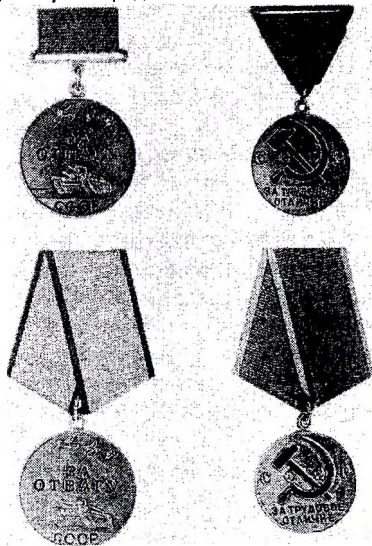
Мал.3. «Жалаваны» партрэт Пятра I (злева); ордэн Леніна ўзору 1930 г. і ўзору 1936 г. з рысамі ордэна Чырвонага Сцяга ўзору 1924 г. (справа)

Больш таго, аднавілася і ідэя залатой ўзнагароднай зброі: ганаровая рэвалюцыйная зброя і тая зброя з ордэнам Чырвонага Сцяга) – узнагарода «вышэйшым начальніцкім асобам», іглядзе: а) шашкі (корціка) (1919, 1920–1921, 1929), б) «рэвальвера» (1921); у 1968 г. была здена Ганаровая зброя з залатою выяваю Дзяржаўнага герба СССР.

Мал.4. Зорка да першай ступені ордэна Св. Аляксандра Неўскага з брыльянтавымі ўпрыгажэннямі і імператарскай каронай, 19 ст. (злева); зоркападобны ордэн «Перамога», 1943 г. (справа)

З цягам часу вярнуліся да жыцця і медалі: першыя савецкія ўзнагародныя медалі іліся ў 1938 г. («За отвагу», «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За доброе отличие») з аднолькавай лентай чырвонага колеру, на невялікай прамакутнай одцы баявыя, на трохкутнай – працоўныя. Узнагародныя медалі СССР налічваюць ,...го 55 медалёў і два асобных знакі ў выглядзе зорак – Медаль «Залатая Зорка» і Залаты медаль «Серп і Молат». Лес савецкіх медалёў быў такі ж , як медалёў Расійскай імперыі апошніх гадоў яе існавання – колькасць узнаагод павялічвалася, іх аўтарытэт падаў. Палова савецкіх узнагародных медалёў мела тыраж большы за 1 млн. экз. Усяго з 1938 па 1991 г. была выдадзена ўзнагароджаным звыш 197 млн. медалёў СССР.

Мал.5. Медалі СССР узору 1938 г. (зверху) і 1943 г. (знізу) «За отвагу» (дыяметр 37 мм) і «За працоўную адзнаку» (дыяметр 32 мм)

Сёння можна шчыра казаць пра спецыфіку ўзнагароднай сістэмы СССР. часам утвараліся парадаксяльныя сітуацыя і пэўныя алюзіі пры рэалізацыі яе прынцыпаў, гэта:

- адказ ад прынцыпаў расійскіх ордэнаў і запазычванні ад іх,
- знішчэнне саслоўяў і класавасць,
- роўнасць і сацыяльная стратыфікацыя,
- «партрэтны» ордэн і колішнія «жалаваныя» імператарскія партрэты,
- адсутнасць знакаў адрознення ордэнаў і наяўнасць аднайменных ордэнаў медальёў,
- адначасовае нашэнне знакаў усіх ступеняў,
- адсутнасць зорак як дадатковых адзнак вышэйшых ступеняў ордэнаў,
- зоркападобныя знакі як знакі ордэнаў,
- знакі для паўторных узнагароджванняў,
- адсутнасць фармалізаванай іерархіі ўзнагарод рэспублік і СССР,
- падвойныя ўзнагароджванні за адзін учынак,
- адсутнасць ордэнскай стужкі (1918–1938),
- «ордэнская» стужка аднаго колеру для розных узнагарод (1938–1943),
- асобнае існаванне пэўных ордэнаў і іх лент (1943–1991),
- з'яўленне ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга – фактычны падзел адзінага (вышэйшага да 1930 г.) ордэна на вайсковую і цывільную разнавіднасці,
- фактычны падзел вышэйшай ўзнагароды на ваенную і цывільную – залатая зорка Героя Савецкага Саюза (1939–1991) і залатая зорка (залаты медаль «Серп і Молат») Героя Сацыялістычнай Працы (1940–1991),
- юрыдычны статус медаля ў вышэйшай ўзнагароды краіны і фактычны статус зоркі вышэйшага ордэна з магчымасцю неаднаразовага ўручэння,
- выхад за традыцыйныя межы нагрудных знакаў – бронзавы бюст у два натуральныя памеры двойчы Героя (безадносна характару атрыманых зорак) на яго радзіме,
- юрыдычны статус асобнага ордэна ў знака да ганаровага звання «Маці-гераяіня» і фактычны статус вышэйшай ступені ордэна «Мацярынская слава»,
- цэльнаметалічная эмалевая калодка-бант (без ордэнскай стужкі з мацерыў) ордэна «Маці-гераяіня», ордэна «Мацярынская слава», медаля «Медаль мацярынства»,
- фактычнае змыканне ганаровых званняў і некаторых узнагарод (носьбыты званняў Герояў, Гарадоў-герояў, Крэпасці-героя, Герояў Сацыялістычнай Працы і «кавалераў» ордэна «Маці-гераяіня»),
- нагрудныя знакі як калектыўныя ўзнагароды,
- аказіянальныя ордэны,
- нацыянальная мова ў легендзе саюзнага ордэна (ордэн Багдана Хмяльніцкага).

Як і ў імперскія часы ў СССР з'явіліся нагрудныя знакі лаўрэатаў прэмій, але ўжо іншых: Ленінскай (1926–1934, 1957–1991), Сталінскай (1940–1952), Дзяржаўнай (1967–1991), Міжнароднай Сталінскай прэміі «За ўмацаванне міру і дружбы паміж народамі» (1949–1956), Міжнароднай Ленінскай прэміі «За ўмацаванне міру паміж народамі» (1957–1991), Савета Міністраў СССР (1981–1991), галіновых савецкіх прафсаюзаў (1982–1991), Ленінскага камсамола (1966–1991), спецыяльных галіновых прэмій ў галіне навукі і вытворчасці. Была характэрна прымярканасць уручэння прэмій да штогадовага свята.

Даволі самастойнымі па паходжанню былі нагрудныя знакі да ганаровых званняў (19 званняў народных і заслужаных работнікаў) (1936–1991).

Адводзілася асобая роля ўзнагародам для моладзі: значкоў і знакаў Усесаюзнага Ленінскага Камуністычнага Саюза Моладзі, значкоў і знакаў рэспубліканскіх камсамольскіх арганізацый, Усесаюзнай піянерскай арганізацыі імя У.І. Леніна.

Цэнтральны камітэт Усесаюзнага Ленінскага Камуністычнага Саюза Моладзі меў наступныя знакі:

а) нагрудныя ўзнагародныя знакі (Ганаровы знак УЛКСМ, Працоўная доблесць, Малады гвардзеец пяцігодкі, Малады гвардзеец X пяцігодкі, Залаты колас, Маладому перадавіку жывёлагадоўлі, Лепшаму маладому хлапкаробу, Настаўнік моладзі, Майстар-залатыя рукі, Майстар-умелец, Ударнік 1973 года, рашаючага года пяцігодкі, Ударнік 1974 года, вызначаючага года пяцігодкі, Ударнік 1975 года, Ударнік 1976 года, Воінская доблесць, Спартыўная доблесць, Піянерскаму ваятату, Лепшаму настаўніку-камсамольцу, За актыўную працу ў камсамоле, 50 гадоў з іменем У.І. Леніна, За актыўную працу па ахове грамадскага парадку, Мая Радзіма – СССР, За актыўнае развіццё маладзёжнага турызму, Ленінскі залік, За выдатную вучобу і інш.);

б) нагрудныя знакі-пасведчанні (Кніга Гонару ЦК УЛКСМ, настольны медаль Камсамольскаму прапагандысту, Ганаровая грамата ЦК УЛКСМ).

Цэнтральны савет Усесаюзнай піянерскай арганізацыі імя У.І. Леніна меў нагрудныя ўзнагародныя знакі «За актыўную працу з піянерамі», «За актыўную працу».

Асаблівасцямі гэтых знакаў грамадскіх арганізацый былі:

– форма безкалодкавых знакаў на падставе знака члена УЛКСМ з дадатковымі элементамі і спецыфічная форма знакаў з калодкаю (на падставе зорак герояў і знакаў да ганаровых званняў),

– абазначэнне паўторных узнагароджванняў «За выдатную вучобу» спецыяльнай калодкай з годам узнагароджвання,

– практыка сумесных узнагарод з іншымі арганізацыямі для некаторых знакаў,

– адсутнасць у большасці выпадкаў індывідуальных узнагародных пасведчанняў, але выдача нагрудных знакаў у некаторых выпадках для адзначаных занясеннем у кнігу гонару ці граматаю,

– адсутнасць нумароў на знаках,

– невызначанасць парадку нашэння пры наяўнасці некалькіх узнагародных знакаў ці знака члена УЛКСМ і ўзнагароднага знака,

– прымярканасць уручэння часткі ўзнагародных знакаў да каляндарных святточных дат.

Не абмінула хваля узнагароджванняў і царкву ў СССР – у др. пал. 20 ст. з'явіліся ўзнагароды аддзеленай ад дзяржавы Рускай Праваслаўнай Царквы, колькасць якіх расла з цягам часу: ордэн святога роўнаапостальнага князя Уладзіміра – 3 ступені (1957), ордэн прападобнага Сергія Раданежскага – 3 ступені (1978), ордэн святога апостала Андрэя Першазванага – 1 ступень (зорка і знак) (1988), ордэн святой роўнаапостальнай княгіні Вольгі – 3 ступені (1988), ордэн святога блавернага князя Данііла Маскоўскага – 3 ступені (1988), ордэн святога пакутніка Трыфана – 3 ступені (1995), ордэн свяціцеля Інакенція – 3 ступені (1996), ордэн святога блавернага царзвіча Дзмітрыя – 3 ступені (1997). У пачатку 21 ст. колькасць узнагарод працягвала павялічвацца: з'явіліся ордэн свяціцеля Макарыя – 3 ступені (2001), ордэн прападобнага Андрэя Рублёва – 3 ступені (2001), ордэн «Славы і гонару»

– адсутнасць забароны нашэння узнагарод СССР, дзяржаўныя ўзнагароды РБ па закону РБ ад 2.07 1997 размяшчаюцца перад узнагародамі СССР.

Кароткі агляд паказвае даволі стыхійны характар складання забытанай і нелагічнай узнагароднай сістэмы СССР, якая яшчэ пэўны час будзе нашай сучаснасцю.

1. Ордена и медали СССР. – М., 1986.
2. Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. – М., 1987.
3. Деммени, М.Г. Сборник указов по монетному и медальному делу в России. помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1881 г / М.Г. Деммени. – Спб., 1887 – Вып. 1–3.
4. Дуров, В.А. Русское наградное оружие XVIII – начала XX вв. / В.А. Дуров. – Москва–Смоленск, 1994.
5. Дуров, В.А. Ордена России/ В.А. Дуров. – М., 1993.
6. Ильинский, И.Н. Геральдика трудовой славы / И.Н. Ильинский. – М., 1987.
7. Колесников, Г.А. Ордена и медали СССР / Г.А. Колесников, А.М. Рожков. – М., 1974.
8. Кузнецов, А.А. Награды: Энциклопедический путеводитель по истории российских наград / А.А. Кузнецов. – М., 1999
9. Куценко, А. Ордена Советских республик / А. Куценко, Ю. Смирнов. – Донецк, 1996.
10. Лобусов, В. Награды ЦК ВЛКСМ / В. Лобусов, Ю. Лавриненко. – М., 1976.
11. Петерс, Д.И. Наградные медали России XIX – начала XX веков: Каталог. / Д.И., Петерс. – М., 1989.
12. Шевелева, Е. Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков / Е. Шевелева. – Ленинград, 1962.

Соботковская О.Н. (Брестский государственный технический университет)

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОВЕТСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

В последние годы в связи с распадом СССР и снятием барьеров, препятствующих широким контактам жителей постсоветского пространства с гражданами других стран, стали отчетливо заметны многочисленные отличия советских людей от представителей иных культур. В этой связи в науку и публицистику вошло и прочно в ней закрепились характеризующие психологический аспект этих отличий понятие «менталитет».

Категория «менталитет» стала активно употребляться в науке с конца 1980-х гг. XX века, однако до сих пор она является предметом споров и обсуждений ученых с точки зрения ее составляющих, а также схожих с понятием «менталитет» терминов. Что касается подходов к рассмотрению данного феномена, то и здесь не наблюдается единства мнений. В каждом подходе упор сделан на определенную сторону: историю (исторические процессы и менталитет), психологию (психический склад), философию (коллективное бессознательное, душа, дух народа) и т.д.

У истоков психологического подхода стоял К.Г. Юнг; его работу «Коллективное бессознательное», опубликованную в 1921 году, можно отнести как к философскому, так и к психологическому направлению исследования менталитета [2]. В наше время исследованиям менталитета посвящены работы Т.В. Ивановой (городская ментальность) [3], К.А. Абульхановой (менталитет как психосоциальная реальность) [1] и др. В учебнике В.Г. Крысько «Социальная психология» менталитет трактуется как «стиль жизни, культуры; система ценностей, взглядов, мировоззрения, черт характера и норм поведения» [4]. А в словаре «Социальная психология» под редакцией М.Ю. Кондратьева менталитет определяется как «специфика психической жизни людей, детерминированная... экономическими и политическими обстоятельствами и имеющая надсознательный характер» [5].

Менталитет – это совокупность принятых и в основном одобряемых обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает его от других человеческих общностей. В сознании отдельного его члена менталитет общества представлен в степени, которая зависит от его активной или пассивной позиции в общественной жизни. Являясь наряду с наукой, искусством, мифологией, религией одной из форм общественного сознания, менталитет не закреплен в материализованных продуктах, а, если можно так сказать, растворен в атмосфере общества, имеет надсознательный характер.

Если обратиться к истории общественного сознания в СССР, то можно было бы выделить основные составляющие менталитета «советского человека», складывавшиеся на протяжении семидесяти лет после 1917 года, и хотя и подверженные изменениям в последние годы, но далеко еще не исчезнувшие. Они могут получить условные наименования, метафорический характер которых способствует прояснению их сущности и смысла.

Одной из основных составляющих менталитета «советского человека» является так называемое «блокадное сознание». Политика, которой придерживалось государство с первых лет своего существования, формировало в сознании советских людей постоянное ощущение опасности, связанной с угрозой нападения внешнего врага. В роли потенциального агрессора в разное время выступали разные страны: Англия, Германия, Соединенные Штаты, Финляндия, Япония, Китай и др. В некоторых случаях для этих опасений были основания, как об этом, к примеру, свидетельствует нападение гитлеровского «третьего рейха» на СССР в 1941 г. Но даже, если реальной угрозы не было, пропагандистские органы раздували страх перед неизбежной войной, навязанной потенциальным агрессором. Едва ли не до начала 90-х годов в менталитете советского общества сохранялось напряженное ожидание «неспровоцированного нападения» на страну, делающую, как утверждалось, все возможное в неустанной «борьбе за мир». Страх перед ядерной войной в сознании конкретного человека обеспечивал готовность выдержать и оправдать любые тяготы и лишения во имя спасения детей и себя от надвигающейся угрозы «ядерного уничтожения». В настоящее время заметны изменения менталитета. Налицо отход от «блокадного сознания». Все большее число людей осознает, что ожидать неспровоцированного ядерного удара (во всяком случае, со стороны Запада) нет оснований. Образ внешнего врага все больше и больше тускнеет, «испаряется» из сознания людей.

Еще одна составляющая – «семейная стриптизация». Уникальной особенностью советского общества являлось обнажение интимного мира семейных взаимоотношений – то, что можно условно назвать семейной стриптизацией. Поскольку семья рассматривалась как ячейка общества, а советское общество идентифицировалось с государством, то в менталитете «советского человека» считалось неоспоримым естественным правом государства и его партийного руководства управлять и командовать семьей как любой государственной структурой. Многие советские люди не видели ничего противоестественного в фактах вмешательства официальных инстанций в интимную сферу их жизни. Вероятно, только в социалистическом обществе в случае измены мужа женщина считала для себя возможным обратиться в официальные партийные или административные органы с просьбой, а то и требованием, вернуть супруга в лоно семьи. Разведенному полагалось писать в некоторых официальных документах: «Состою в разводе с гражданкой Н. Причины развода известны парторганизации».

Нередкими были случаи, когда партийные комитеты обсуждали и принимали меры к родителям, которые допускали, с точки зрения руководителей парткомов, ошибки в воспитании

детей. При этом считалось вполне допустимым использование стеновой печати, заводского радио, разборки на партсобраниях и т.п. Надо полагать, атавизмом семейной стриптизации являются родительские собрания в школах, где классный руководитель публично позорит одних родителей за проступки и недостатки их детей, усиливая унижение неумеренными похвалами по поводу других учеников, чьи отцы и матери присутствуют здесь же. По мере становления правового цивилизованного общества, мера открытости или закрытости мира семьи, за исключением очевидных криминальных обстоятельств, будет определяться самой семьей, что приведет к существенным сдвигам в сознании ее членов.

Важно рассмотреть и такую составляющую менталитета «советского человека», как ханжеская десекуализация. Сложившаяся к началу 30-х гг. в официальной идеологии концепция «советского нового человека», главной целью которого в каждый момент его жизни остается, якобы, построение светлого коммунистического будущего, усиливала пуританский характер общественного сознания. Мир интимных чувств человека, уводящий его в сторону от служения общественному идеалу, был изначально враждебен идеологии тоталитарного общества. В наибольшей степени это относилось к сфере сексуальных отношений.

Идеологическое табу на протяжении десятков лет накладывалось на все, что было связано с отношением полов и в особенности на упоминания о собственно физиологической стороне этих отношений. Изображения и показ обнаженного тела, за исключением известных классических образцов, подвергались придирчивой цензуре и полностью исключались для кинематографа. Педагогическое табу в отношении любых вопросов, относящихся к половой жизни, оставалось законом для школы, даже если это могло касаться старшеклассников, находящихся на пороге брачного возраста. На этом основании строилась «бесполовая педагогика».

Ханжеская десекуализация в качестве компонента менталитета «советского человека», как запомнилось многим, была прорекламирована на одном из первых телемостов «СССР – США», когда одна из советских участниц заявила, что в Советском Союзе «секса нет». Однако после того, как в период «перестройки» были сняты идеологические запреты, в сознании людей – если не всех, то многих, – стала проявляться другая крайность как реакция на бывшее табуирование: терпимое отношение, а то и активное оправдание грубой порнографии, примирительное отношение к проституции. В настоящее время баланс между ханжескими запретами и сексуальной вседозволенностью в сознании людей еще не установлен. Это порождает многие трудности, с которыми сталкиваются и не всегда успешно разрешают педагоги, врачи-сексологи и родители.

Следует, однако, помнить, что менталитет «советского человека» не отрицал существования и проявления других черт, складывавшихся на протяжении столетий. Всем известны такие качества, как бескорыстное гостеприимство и хлебосольство, взаимовыручка и отзывчивость, отсутствие национального чванства, наличие обостренной потребности в защите Родины, которая сыграла решающую роль в годы Великой Отечественной войны, и многие другие. Здесь черты менталитета совпадают с приметам национально-го характера. Можно, конечно, сказать, что эти качества скорее общечеловеческие и потому выпадают из категории менталитета. Действительно, но исключено, что будут указаны народы, имеющие такой же или подобный набор черт, но это не говорит еще об общечеловеческом их характере. «Советский менталитет» – это форма общественного сознания тоталитарного государства, внедренная в структуру личности его подданных, но менталитет народа всегда в чем-то совпадал, а в чем-то не совпадал с инвариантами мышления и поведения, заказанными и санкционированными сверху.

1. Абульханова-Славская, К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подход / К.А. Абульханова-Славская // Российский менталитет. – М., 1997 – 435 с.
2. Введение в психологию: учебник для вузов / под ред. А.В. Петровского. – М.: Академия, 1996 – 496 с
3. Иванова, Т.В. Социально-психологические проблемы городской ментальности: автореф. дис. доктора псих. наук / Т.В. Иванова; СамГПУ. – Ярославль, 2004
4. Крысько В. Социальная психология: учебник для вузов / В. Крысько. – 2-е изд. – СПб: Питер, 2006.
5. Социальная психология: словарь / сост. М.Ю. Кондратьев – М.: Речь, 2005.

Стрекалова Е.Н. (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

«КОРЕНИЗАЦИЯ» И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ЗАДАЧИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КAVKKAZE В 1920-е гг

Формирование наднациональных объединяющих начал советской идентичности и решение «национального вопроса» в период образования СССР актуализируют необходимость изучения проходивших процессов. В этом контексте значительный интерес представляет проходивший процесс создания национальной интеллигенции у северокавказских народов, что провозглашалось государственной задачей для преодоления «исторического неравенства» уже с самого начала 20-х гг.

Подготовка национальных кадров интеллигенции являлась не только и даже не столько культурной, а скорее политической задачей. Северокавказские исследователи процесса формирования национальной интеллигенции отмечали практически полное отсутствие образованных людей из местных горских народов вплоть до первых десятилетий XX века. Немногочисленные представители интеллигенции региона в большинстве своем были русскими, приезжими, либо относились к чиновничеству и духовенству [1, 12, 17, 25]. Неотъемлемой чертой новой интеллектуальной элиты должна была стать политическая лояльность к советской власти и марксистской идеологии.

Северный Кавказ начала XX столетия представлял собой аграрную окраину Российской империи. Процессы модернизации медленно втягивали местные народы в водоворот российского капиталистического процесса. В преимущественно аграрной экономике региона рельефно выделялось крупное промышленное производство. Это были Грозненские, Майкопские и Кубанские нефтяные промыслы, цветная металлургия в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии, цементные заводы Новороссийска [16, с. 398–400]. Регион нуждался в учителях, агрономах, инженерах. Однако подготовке специалистов из местных народностей препятствовал низкий уровень грамотности, отсутствие светской школы, органов печати, у некоторых не было письменности на родном языке. Анализ данных даже к 1920 г. показывает, что наибольший уровень грамотных был в Северной Осетии – 12 % [17, с. 4]. Среди общего количества грамотных (9,2 %) в Дагестане образование на русском языке получили только 2,5%. Самые низкие показатели грамотности были в Чечне и Балкарии – 0,8 %, в Кабарде – 2,1 %, в Ингушетии – 3 %, в Черкесии – 4,3 %, в Карачае – 6,7 % [11, с. 168; 17, с. 37]. Безграмотность являлась главным препятствием на пути получения профессионального образования горскими народами.

Показатели грамотности северокавказских народов, да и других народов России к 1920-му г., объясняют, почему в одной из последних своих работ В.И. Ленин писал, что предстоит уйма работы, чтобы на почве «пролетарских завоеваний достигнуть сколько-нибудь культурного уровня, цивилизованного государства Западной Европы». Также от-

метим, что малограмотность населения должна служить предостережением для всех, кто впадает в идеях «пролетарской культуры» [20, с. 21]. Ленин хорошо знал, что человек вне грамотности, вне письменной культуры остается вне политики. В национальных территориях это было чревато весомыми проблемами.

В связи с этим сразу после завершения основных военных конфликтов гражданской войны передовым направлением в подготовке национальных кадров стало обучение административно-управленческого персонала, от которого во многом зависело национально-государственное строительство. В 1921–24 гг. из Горской республики выделались автономные Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северо-Осетинская, Адыгейская, Ингушская, Чеченская автономные области, вошедшие в Юго-Восточный край, переименованный в 1924 г. Северо-Кавказский с центром в Ростове-на-Дону [1, с. 38–39]. Автономии нуждались в управленцах из коренного населения. XII РКП(б) съезд весной 1923 г. называл проблему преодоления неравенства второй очередной задачей партии [13, с. 83–84]. Очевидно, что для горцев гораздо понятнее звучали политические лозунги и экономические задачи из уст земляков. Управленцы из местных народов становились опорой советской власти, поддерживали и укрепляли влияние государственного центра на окраинах страны.

Обучение наиболее подготовленных представителей горских народов проходило ускоренными темпами в совпартшколах. Такой своеобразный, созвучный времени тип учебных заведений появился сразу после революции 1917 г. Однако на Северном Кавказе их распространение задержали бои с армией Деникина. В 1920 г. партийные школы появились во Владикавказе и Грозном. Отбор учащихся шел в первую очередь среди вступивших в партию и комсомол. Краткосрочность обучения (2 месяца) позволила уже к январю 1921 г. подготовить 82 человека [14, с. 28].

Северокавказский интеллигентовед 70-х гг. М.М. Бекижев подчеркивал, что совпартшколы были основной базой подготовки «руководящих кадров местной интеллигенции в 20-е гг.» [1, с. 79]. Сегодня вызывает серьезные сомнения, насколько можно отнести к интеллигенции советских номенклатурных работников с образованием от двух–шести месяцев до года. Даже когда к 1922 г. после многочисленных экспериментов установился единый тип совпартшкол, на первой ступени обучения в 3–4 месяца общеобразовательным дисциплинам отводилась половина учебного времени. По причине низкого уровня образовательного уровня слушателей и на второй ступени обучения длительностью в год общеобразовательные предметы изучались четвертую часть времени [15, с. 10]. Они получали элементарные политические знания и выполняли агитационно-пропагандистскую работу.

Однако, возвращаясь в родные места, они способствовали интеграции региона в пространство советской государственности. Не случайно пленум Ингушского обкома в марте 1926 г., рассматривая вопрос о подготовке горцев в учебные заведения, особо выделял краевые курсы парработников, куда тщательно проводился отбор наиболее подготовленных по образовательному уровню националов-партийцев, комсомольцев и рабочих [6, д. 257, л. 16].

Несмотря на это, большая часть управленцев на Северном Кавказе, как и в целом по стране, отличалась низким уровнем образования [3, с. 121]. Только третий уровень партийного образования завершался трехгодичным курсом коммунистического университета. В 1925–26 гг. в Москве в комвузе трудящихся Востока на горско-дагестанском отделении обучалось 138 представителей северокавказских республик [26, д. 83-а, л. 92]. Но Всесо-

юзная партийная перепись 1927 г. показала, что только 26 советских партийных работников в регионе закончили комвузы. В общем составе управленцев около 75% имели ту или иную общеобразовательную подготовку [2, с. 60–109, 119]. Экономические реалии периода нэпа и национально-территориальные преобразования, тем не менее, требовали расширения круга управленцев из местных народов. Вместе с тем льготы номенклатурным работникам благоприятствовали обучению в совпартшколах карьеристски настроенных выходцев из северокавказских народов.

После обучения управленцев первостепенной становилась подготовка учителей из местных народов, затем готовились медицинские, аграрные, технические и научные кадры [24, с. 92–93]. Анализ документов доказывает такую расстановку приоритетов до середины 20-х гг., когда для развития промышленности, освоения горнорудных месторождений Кавказа, развития электроэнергетики потребовались специалисты-техники. Техническое образование, говорилось в одном из документов Главпрофобра, выступило в виде острой социально-экономической проблемы, для решения которой были необходимы экстренные меры [7, д. 19, л. 45]. Представляется, что подготовка инженеров и техников из представителей северокавказских народов при указанной проблеме малограмотности, к которой добавлялось и плохое знание русского языка, являлась самой сложной задачей, которую перед собой ставила власть. Исследователи не уделяли специального внимания этому вопросу, в связи с чем, остановимся на нем подробнее.

Высшие учебные заведения на Северном Кавказе возникли после революции 1917 г. Политехнические институты во Владикавказе и в Краснодаре начали свою деятельность по общественной инициативе в денкинское время и законодательно были утверждены советской властью после окончания гражданской войны. Техническая школа в 20-е гг. должна была соответствовать потребностям народного хозяйства в переживаемую эпоху, ее реформированием занимался Главпрофобр [19, с. 17–20; 22, с. 20–21; 18, с. 173–174]. Однако в условиях послевоенной разрухи вузы испытывали значительные материальные и организационные трудности. Сроки обучения сократились с пяти до трех лет, количество предметов – до минимума. Главная ставка делалась на практическое обучение профессии [5, д. 361, л. 38; 21, с. 2]. Учебные заведения не обеспечивались профессорско-преподавательскими кадрами и учебно-материальной базой. По сведениям комиссии по улучшению быта ученых, в 1922 г. часть преподавателей ночевали в аудиториях, проживали с семьями в проходных комнатах, уходили на частные предприятия [27, д. 213, л. 52; 22, с. 33].

В 1921 г. возникла угроза закрытия Горского политеха во Владикавказе. В.И. Ленин, к которому обратились за помощью, написал, что спасение вуза – дело политическое. К этому времени в институте училось 1200 студентов, и 800 отпускаемых пайков прожиточного минимума не могли покрыть нужды студентов. 50% содержания вуза перевели на местное финансирование, заинтересованные предприятия отчисляли средства в вузовский бюджет. Оказывали помощь общегорскому вузу и соседние республики. Только в 1922 г. экономсовет Дагестана учредил 10 стипендий для студентов – дагестанцев, поступающих в политехнический вуз [8, Оп. 6., д. 13 л. 9–11; 9, д. 173, л. 5, 17]. Тем не менее, к 1925 г. бюджет вузов удовлетворялся только на 8–25%. В это сложнейшее время вузы переформировывались, сохранялись в усеченном виде. В 1923 г. Горский политех сохранился в виде мелиоративно-гидротехнического факультета [26, д. 113, л. 59].

Своеобразными подпорками высшей школе служили рабочие факультеты. За два года они готовили рабочую молодежь к вузовскому обучению. В Северо-Кавказском крае в 102

1920 г. рабфаки появились в Ростове, Владикавказе, Краснодаре, в 1921 г. – в Грозном, в 1927 г. – в Махачкале [17, с. 63; 18, с. 183]. Рабфаки предназначались и для пролетаризации высшей школы. При комплектации студенческим составом преимущество отдавалось рабочим. Роль рабфаков в процессе формирования национальной интеллигенции огромна. Малочисленность сельских трудовых школ, дающих подготовку в вузы, бедность населения обусловили то, что рабфаки стали одним из наиболее целесообразных типов учебных заведений. Однако низкая грамотность местных народов приводила к тому, что студентов из коренных народов в них было меньшинство. Так, в 1922 г. из 211 студентов во Владикавказском рабфаке училось только 50 горцев [26, д. 252, л. 32].

Определенный демократизм советского образования дал возможность учиться многим из рабочих и крестьян, кто в царское время был лишен этой возможности. С другой стороны, классовый принцип в образовании исключал наиболее подготовленных по образовательному уровню к высшей школе детей служащих, интеллигенции, духовенства из числа студентов, как потенциально враждебных. Проводились чистки вузов. Под лозунгом борьбы за пролетаризацию в 1925 г. из вузов исключили бывших гимназистов [27, д. 160, л. 24].

Сложности в положении высшей школы региона приводили к складыванию практики командирования в ведущие вузы Москвы, Ленинграда, что приобретало весомое место в системе подготовки специалистов. С этого времени утверждается политика «бронирования мест» для конкретных национальностей в определенных вузах в зависимости от потребностей в специалистах той или иной профессии. Коллегия Главпрофобра в 1921 г. забронировала для Горской республики 45 мест в вузах, Дагестану – 32 места [8, оп. 7, д. 24, л. 6–18, 31–37]. Система льгот, организованная государством, не позволяла всегда занять все места абитуриентам из северокавказских республик. Не хватало подготовленных людей. Исполком Кабардино-Балкарии объяснял это крестьянским составом населения, не имевшим возможности получить необходимый уровень образования.

Целевая подготовка специалистов наряду с плюсами приобрела отрицательные стороны: низкий уровень знаний выпускаемых специалистов, определенное иждивенчество студентов. Смягчение экзаменационных испытаний при плохом знании русского языка приводило к тому, что зачастую целые группы не могли сдать экзамены вовремя [23, д. 192, л. 623–625; 9, д. 113, л. 58].

Итак, преодолеть «культурное неравенство», провозглашенное властью, оказалось чрезвычайно сложно в силу низкой грамотности населения, отсутствия высших учебных заведений в регионе, нехватке преподавательских кадров, общей разрухе после гражданской войны. В подготовке интеллигенции установился форсированный, мобилизационный тип развития: сокращались сроки обучения, упрощались вступительные испытания, установилась система бронирования льготных мест в центральных вузах для северокавказских народностей. Несмотря на трудности, государство проявляло настойчивость в подготовке национальных кадров интеллигенции. Представляется, что в подготовке интеллигенции из горских народов совпали общегосударственные прагматические цели и национальные интересы региона, выразившиеся в потребности повышения общекультурного уровня. Происходила советизация местной интеллигенции, поскольку в учебных курсах идеологическая составляющая занимала значительное место. Интеллигенция помимо профессиональной деятельности выступала агитатором, проводником политики и идеологии, способствовала интеграции региона в пространство единой государственности.

1. Бекижев. М.М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа. (1917 – 1941) / М.М. Бекижев – Черкесск : Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1978. – 288 с.
2. Всероссийская партийная перепись 1927г. – М.: Партиздат, 1927. – 205 с.
3. Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы. 20-ые годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР) / Е.Г. Гимпельсон. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 225 с.
4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). – Фонд. 1. – Оп. 1. – Л. 18–19.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Фонд. Р. – 3758. – Оп. 1 – Д. 361
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд. А. – 296. – Оп. 1 – Д. 257
7. ГАРФ. – Фонд. А. – 2306. – Оп. 8.
8. ГАРФ. – Фонд. Р. – 1318. – Оп. 6.
9. ГАРФ. – Фонд. А. – 1565. – Оп. 4.
10. К десятилетнему юбилею рабфаков : Научно-методический сборник. – Краснодар: Кн. из-во., 1929. – 185 с.
11. Даниялов, А.Д. Строительство социализма в Дагестане / А.Д. Даниялов. – М.: Сов. Россия, 1975. – 184 с
12. Джамбулатова, З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии. (1920– 940) / З.К. Джамбулатова. – Грозный : Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1974. – 235 с.
13. Двенадцатый съезд РКП(б). По национальному вопросу //КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 9-е изд. – М., 1984. – Т. 3. – С. 79–88.
14. Известия. Кавбюро ЦК РКП (б). – 1921. – №4.
15. Известия ЦК РКП (б). – 1922 – №3.
16. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с.
17. Каймаразов, Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. По материалам Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, и Чечено-Ингушской АССР / Г.Ш. Каймаразов. – М.: Наука, 1988. – 334 с.
18. Культурное строительство в Северной Осетии : сб. документов и материалов : в 2 т. – Орджоникидзе ИР, 1974. – Т.1. – 546 с.
19. Куценко, И.Я. Кубанский государственный технологический университет. История и современность / И.Я. Куценко. – Краснодар: Из-во Куб. ГТУ, 1999.
20. Ленин, В.И. Странички из дневника / В.И. Ленин //КПСС в резолюциях и решениях съездов. . – Т 3 – С.21 –24.
21. Материалы по профессионально-техническому образованию. Реформа высшей технической школы. – Вып. 1. – М.:Красная новь, 1920. – Ч.1. – 159 с.
22. Народное образование на Северном Кавказе. (По материалам обследования 1 декабря 1926 года) – Ростов н/Д. : Северный Кавказ, 1926. –134 с.
23. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд. 8084. – Оп. 1.
24. Советская интеллигенция. Словарь-справочник / под ред. Л.В. Ивановой. – М.: Наука, 1987. – 251с.
25. Хачиров, А.К. О формировании осетинской интеллигенции /А.К. Хачиров. – Орджоникидзе: Сев. Осет. 1964. – 92с.
26. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Фонд. 7. – Оп.1.
27. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). – Фонд. 9. – Оп.1.

Стрелец М.В. (Брестский государственный технический университет)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РУКОВОДИТЕЛЯ СУБЪЕКТА ГЕРМАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОЛЕ ФОН БОЙСТА)

В рамках настоящего круглого стола представляется вполне уместным обращение к опыту функционирования германской федерации. К сожалению, в отечественной историографии ещё не исследовались политические портреты руководителей её субъектов. Автор настоящего доклада попытался восполнить этот пробел на примере Оле фон Бойста.

Оле фон Бойст, Карл-Фридрих Арп Оле барон фон Бойст родился 13 апреля 1955 года в Гамбурге. Оле фон Бойст – младший из трёх сыновей Ахима-Хельге барона фон Бойста и Ханны баронессы фон Бойст. Его родители вынуждены были во времена национал-социализма бежать, так как его мать по национал-социалистической терминологии

гии была полуеврейкой («Halbjudin»). Отец будущего политика был первым земельным председателем Молодёжного союза города Гамбурга. Одним из его предков был саксонский и позднее австрийский государственный деятель Фридрих Фердинанд фон Бойст. Его прабабушка одновременно была также прабабушкой Ютты Дитфурт, известного германского учёного в области социальных наук, публициста и политика [1].

Первоначальное имя данного человека Карл-Фридрих Арп. Бабушка кликала его как ребенка на нижненемецком диалекте «Оле поп» («старая кукла»). При достижении совершеннолетия он позволил зарегистрировать в загсе происходившую отсюда кличку Оле.

Фон Бойст в 1973 году сдал экзамен на аттестат зрелости в гамбургской вальдорфской гимназии. В 1975 году он начал изучение правовых наук, которое закончил в 1980 году первым, а в 1983 году – вторым юридическим государственным экзаменом. С тех пор этот человек принят в самостоятельную адвокатуру [2, с.10].

Фон Бойст не скрывает своей нетрадиционной ориентации. С 2010 года он состоит в союзе с Лукасом Фёрстером, практикантом, 1989 года рождения, то есть на 34 года моложе его.

Уже в возрасте 16 лет в 1971 году фон Бойст вступил в ХДС и в 1973 году стал ассистентом фракции ХДС в гамбургском парламенте. С 1977 по 1983 г. он был земельным председателем Молодёжного союза. Молодой человек стал ещё активнее проходить школу парламентаризма, став в 1978 году членом гамбургского парламента. Имело место и дальнейшее продвижение в партийной карьере. С 1992 года объект настоящего исследования – член земельного правления гамбургского ХДС. В 1998 году он пополняет корпус членов федерального правления ХДС.

Связав свою политическую судьбу с гамбургскими демохристианами, фон Бойст, естественно, переживал их взлёты и падения. На выборах в парламент Гамбурга в 1991 году ХДС достиг 35,1 % голосов. Выборы были оспорены внутри ХДС несколькими членами ХДС, в том числе Магнусом Вагнером из-за недемократического выдвижения кандидатов. Перед гамбургским конституционным судом, который в 1993 году объявил выборы недействительными, Оле фон Бойст выступал в качестве юрисконсульта ХДС. На выборах в парламент города Гамбурга ХДС в 1993 г. достиг лишь 25,1 %, в то время как Маркус Вегнер с избирательным объединением «Вместо партии – Независимые» с 5,6 % неожиданно попал в гамбургскую ратушу. Проигравшим считался Юрген Эртернах, многолетний земельный председатель ХДС, который за год до очередных выборов передал своё председательство.

На выборах в гамбургский парламент в 1997 году фон Бойст был главным кандидатом от ХДС. Так как его гомосексуальность была уже открытой тайной внутри партии, он мог бы стать на дыбы, так как никто не верил, что он мог бы победить. Несмотря на некоторый прирост (30,7% у ХДС), выборы не привели к смене правительства. Но также не могла вновь править правительственная коалиция во главе с бургомистром Хеннингом Вошеру из СДПГ (36,2 %) и «Вместо партии – Независимых» (3,5 %), так как последние не преодолели 5%-й барьер.

21 апреля 2001 он вновь был избран главным кандидатом. На выборах в гамбургский городской парламент в 2001 году ХДС под руководством Бойста достиг лишь 26,2%, в то время как СДПГ с 36, 5% осталась сильнейшей фракцией. Несмотря на это, фон Бойст смог образовать правительство с поразительно сильной партией государственно-правового наступления(ППН) (доля голосов 19,4 %) и СвДП (доля голосов 5,1 %). 31 октября 2001 года он был избран первым бургомистром Гамбурга. Тем самым фон Бойст стал вторым после Курта Зивекинга первым бургомистром Гамбурга, который был по-

ставлен ХДС [3]. Своим заместителем новый глава субъекта федерации определил Рональда Шилла (ПГПН). Как потом свидетельствовал Бойст, он осознавал, что это – человек со «сложным» характером:

«Шилл был средством к цели. Коалиция с ним являлась властно-политическим расчётом. Я придерживался мнения о том, что СДПГ должна через 44 года уйти, и надеялся, что он попадётся на своём посту» [2, с. 10].

29 августа 2002 года Шилл в качестве гамбургского сенатора держал речь в бундестаге в дебатах по финансированию мероприятий, связанных с наводнением в Восточной Германии. В ней он критиковал иностранную политику красно-зелёного правительства и упрекнул его в том, что вместо того, чтобы создавать резервы на случай катастрофы, оно слишком много платило иммигрантам. Это вызвало бурную и продолжительную реакцию. Фон Бойст высказался критически: «Кто выступает в бундестаге или в бундесрате, должен выступать от земли, не как председатель партии» [4]. Шилл не выступал по поручению гамбургского сената [2, с. 10].

В августе 2003 года фон Бойст освободил от занимаемых постов из-за затяжных упреков (должностных проступков) государственного советника ведомства внутренних дел Вальтера Велингхаузена и сенатора по по внутренним вопросам и второго бургомистра Рональда Шилла. Фон Бойст свидетельствует, что Шилл хотел воспрепятствовать увольнению Велингхаузена угрозой о том, что он в ином случае предаст огласке тот факт, что у фон Бойста были интимные отношения с сенатором по вопросам юстиции Роджером Кушем, и вместе с тем не иначе как смешал отношение первого бургомистра к Велингхаузену с личной жизнью. Фон Бойст и Куш всё это решительно отвергли. Они были лишь друзьями студенческих лет и фон Бойст являлся для Куша также домовладельцем. Шилл, напротив, усилил свои обвинения и рассказал о якобы «определённом шуме в квартире» во время посещения фон Бойстом Куша и что он не шантажировал фон Бойста и лишь требовал от первого бургомистра не применять двойную меру в отношении Велингхаузена и его самого [5].

Несколько позднее Роджер Куш открыто признал себя гомосексуалистом [6]. Со своей стороны фон Бойст, реагируя на неослаиваемое интервью своего отца, сделал аналогичный шаг [2, с. 10]. Он объявил об этом даже с радостью и рассматривал как позитивный тот факт, что обо всём этом ещё ранее рассказал его отец [5]. После увольнения Шилла популярность фон Бойста сильно возросла, Шилл, напротив, утратил симпатии.

9 декабря 2003 года фон Бойст объявил о расформировании правительственной коалиции, так как она после отставки Шилла и ещё пяти депутатов из партии государственно-правового наступления не располагала большинством. Одновременно первый бургомистр объявил о новых выборах на 2004 год.

Выборы в городской парламент состоялись 29 февраля 2004 года. ХДС активно использовал трехзвучный слоган «Михель – Альстер – Оле» и девиз «Выбираем Оле. Последовательного. Честного. Обязательного». Акцент демохристиан на персонализированный момент, завязанный на личности фон Бойста, полностью себя оправдал. Имея отличный избирательный итог – 47,2 % голосов [2, с. 10], – ХДС достиг абсолютного большинства в парламенте Гамбурга. Бывшие партнёры ХДС по правительственной коалиции – ПГПН и СвДП – не преодолели пятипроцентный барьер, что исключало их представительство в данном законодательном органе. Рональд Шилл покинул после избирательного поражения Германию и направился в Бразилию.

К началу своего второго должностного срока фон Бойст уменьшил сенат с 10 до 9 сенаторов. По причине абсолютного большинства кабинет отныне состоял только из сенаторов ХДС, а также из четырёх беспартийных членов сената. Через два года герой очерка уволил сенатора по вопросам юстиции Роджера Куша. Фон Бойст обосновал это тем, что его учреждение непозволительным образом завладело доверительной документацией из парламентского комитета по расследованию и передало их огласке. Куш заявил, что противоправное содержание этой документации представлялось лишь как «дружеский жест» и «маленькая компенсация за совершенно недопустимое обращение» при допросе его перед комитетом [7].

Во время своего второго должностного срока Оле фон Бойст был избран по принципу ротации с ноября 2007 года президентом бундесрата и передал этот пост по тому же принципу 1 ноября 2008 года саарскому премьер-министру Петеру Мюллеру.

На закрытом заседании ХДС в Йестебурге было решено, как и на выборах 2004, года избирательную кампанию 2004 года скроить под первого бургомистра. «Альянс за Оле» должен был звучать как центральный девиз. 1 апреля 2007 года Оле фон Бойст заявил, что после поражения от своего соперника, выдвиженца от СДПГ Михаэля Наумана на выборах в парламент Гамбурга, 24 февраля 2008 года он уйдёт из политики [8]. На земельном собрании представителей гамбургского ХДС фон Бойст был избран с результатом 98% (193 из 197 голосов) первым номером в земельном списке. На выборах в парламент герой очерка выступал с правительственной программой «В надёжных руках. Основы для успеха в Гамбурге».

Согласно исследованию представителей гамбургского университета, Оле фон Бойст был соизмеримо поддержан в избирательной борьбе гамбургской «Бильд-цайтунг» [9]. На выборах в городской парламент 24 февраля 2008 года ХДС получил 42,6% голосов, что на 4,6% меньше, чем в 2004 году. Потеряв абсолютное большинство в парламенте, Оле фон Бойст образовал коалиционное правительство с альтернативным списком зелёных, первую чёрно-зелёную коалицию на земельном уровне. Он заявил, что замечает также некоторые совпадения на федеральном уровне [9, с. 12]. Правда, ХДС вновь стремился к союзу с СвДП.

18 июля 2010 года, в день народного опроса о школьной реформе в Гамбурге, Оле фон Бойст за полчаса до закрытия избирательных участков объявил на пресс-конференции в городской ратуше о своей отставке как первого бургомистра, действительной с 25 августа 2010 года. Вместе с ним также подали в отставку государственный секретарь сенатской канцелярии доктор Фолькмар Шеен [2, с. 11] и сенатор по вопросам культуры Карин фон Вельк [10]. Вследствие этого городской парламент избрал 25 августа 2010 года Христофа Альхауза первым бургомистром.

Эра Бойста была также отмечена неоднократной приватизацией. Хотя население на народном опросе высказалось против, земельное предприятие больницы с большинством голосов продавалось субъекту частного ведения – медицинским клиникам Гамбурга, доля в 25,1% осталась у города Гамбурга. Приватизация затронула также портовое предприятие «Гамбургский порт и логистика». Округленно 30% было продано бирже. При этом более 20% эмиссионного объёма приобрели сотрудники, которые владели правом продажи со скидкой в 50%, и частные лица. Объединённый профсоюз работников коммунальных учреждений и красно-зелёная оппозиция критиковали это событие, так как они могли представить себе только продажу акций без права голоса, так называемых народных акций.

В 2002 году фон Бойст со словами «Это лучше всего послужит городу» продал последнюю долю акций, равную 25,1%, бывшего некогда в государственной собственности субъекта хозяйствования «Гамбургские электрические предприятия» («HEW») за 869 миллионов евро

плюс за особую плату в 96 миллионов евро «Ваттенфаль Ойропэ» («VattenfallEurope») [11]. В 2007 году он публично об этом сожалел («Сегодня я бы не продавал HEW», так как вследствие приватизации «город не имеет больше влияния на стоимость электроэнергии и только незначительное влияние на инвестиции предприятия») [12].

Уйдя из политики, герой очерка перманентно консультирует субъектов бизнес-сообщества.

1. Interview mit Bürgermeister Ole von Beust // ZEITmagazin. – 2004. – №12. – S. 32.
2. Interview mit Bürgermeister Ole von Beust // Frankfurter Allgemeine Sonntags-Zeitung. – 2009. – 9 August. – Nr.32. – S. 10-12.
3. Interview mit Bürgermeister Ole von Beust // ZEITmagazin. – 2003. – № 11. – S. 22.
4. Plenarprotokoll vom 29 August 2002 // Deutscher Bundestag. – Berlin, 2002. – S. 432.
5. Ole von Beust privat in Bunte // Eurogay.net. – 2004. – 13 Februar. – S. 2.
6. Kusch outet sich [Electronic resource]. – Mode of access: www.politik.de.
7. Interview mit Bürgermeister Ole von Beust // ZEITmagazin. – 2010. – № 23. – S. 26.
8. Von Beust kündigt Rückzug an // Die Welt online – 2007. – 2 April. – S. 6.
9. Interview mit Bürgermeister Ole von Beust // ZEITmagazin. – 2008. – № 22. – S. 12.
10. Interview mit Bürgermeister Ole von Beust // ZEITmagazin. – 2010. – № 32. – S. 8.
11. Interview mit Bürgermeister Ole von Beust // ZEITmagazin. – 2003. – № 12. – S. 5.
12. Interview mit Bürgermeister Ole von Beust – Der HEW-Verkauf an Vattenfall war ein Fehler // BILD-NN. – 2007. – 12 Juli. – S. 12.

Тохийн Т.М. (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

ОБРАЗОВАНИЕ СССР В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 50-х – НАЧАЛА 90-х гг. XX в.

XX съезд КПСС (14–25.02.1956, Москва), на котором Н.С. Хрущёвым был зачитан доклад «О культе личности и его итогах», а в последующем было принято постановление «О преодолении культа личности и его итогов», положил начало новому исследовательскому периоду. Разоблачительная критика, прозвучавшая в адрес И.В. Сталина, повлекла за собой изменения в общественном сознании и политической ситуации в СССР. Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XX в. произошла относительная либерализация исследовательского процесса. Приоритетным объектом исследований исторической науки стали образование и вхождение ССРБ в состав СССР. Идеализация государственности советского типа нашла отражение во всех научных исследованиях данного периода.

Со второй половины 50-х гг. XX в. учёные больше внимания стали уделять юридическому аспекту в построении белорусской государственности. С.Р. Вихарев в монографии «Суверенитет Белорусской ССР в составе Союза ССР» рассмотрел структуру высших органов государственной власти и указал на особенности Конституции [1, с. 25]. С.П. Маргунский в работе «Создание и упрочение белорусской государственности (1917–1922)» [2] привёл основные конституционные акты, законодательно закрепившие образование ССРБ [2, с. 183].

Детальному обоснованию участия В.И.Ленина в создании белорусской государственности посвящена монография Я.И.Барановского «За дружбу народаў. Дзейнасць Камуністычнай партыі па ажыццяўленню ленинскай нацыянальнай палітыкі ў 1921–1925 гг.» [3]. Исследователь показывает поэтапное воплощение ленинских идей в жизнь. Заслуга В.И.Ленина, по мнению исследователя, состоит в «обогащении марксистской теории решением национального вопроса» [3, с. 57].

В белорусской историографии выделялась проблема вхождения ССРБ в состав СССР, хотя для значительной части исследователей этот факт являлся скорее закономерностью, а не проблемой. Впервые после XX съезда КПСС эта проблема была рассмотрена в 1966 г. С.П. Маргунским в монографии «Государственное строительство в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925)» [4]. Основной акцент исследователем был сделан на политике взаимопомощи РСФСР Беларуси и обусловленности вхождения ССРБ в состав СССР. Однако автор недостаточно чётко определил статус Беларуси в СССР. В 70-е гг. XX в. С.П. Маргунский в соавторстве с Л.И. Кукреш вновь обратился к рассмотрению проблемы в работе «Интернациональное и национальное в государственном строительстве Белоруссии (1917–1922)» [5]. На этот раз исследователь, выясняя статус СССР, и пришёл к выводу, что это была не федерация, а конфедерация. Некоторые авторы, в частности Я.И. Барановский [3], стремясь доказать историческую и политическую обусловленность создания СССР, высказали мнение, что «БССР ўжо ў першыя дні жыцця заявіла аб сваім жаданні быць у саюзе з усімі савецкімі рэспублікамі» [3, с. 40]. Данное утверждение автора не нашло документального подтверждения. В начале 80-х гг. XX в. к проблеме образования СССР обратился Я.Ю. Нестерович в работе «За союз нерушимый республик свободных: Объединительное движение трудящихся Белоруссии» [6]. Основной упор исследователь сделал на обосновании значительной роли В.И. Ленина в образовании СССР [6, с. 6–7] и «поддержке трудящимися Белоруссии ленинской идеи государственного союза советских республик» [6, с. 6]. Освещая трудности национально-государственного строительства в Беларуси, автор показывал необходимость союза.

Государственной системой в 60-е гг. XX в. было инициировано издание информации пропагандистского плана. Из их числа выделяются материалы Н.В. Каменской «Образование Белорусской Советской Социалистической Республики» [7] (в помощь лектору). Автором была поставлена цель: довести до сведения мысль о том, что создание белорусской государственности – это есть результат «стремления её трудящихся масс к укреплению союза с великим русским народом» [7, с. 22]. В 70-е гг. XX в. уже В. Ракашевич в работе «Под знаменем братства (1917–1922)» [439] продолжил мысль Н.В. Каменской и указал на обусловленность союза Беларуси с РСФСР и другими республиками [8, с. 38, 55, 79, 152].

Рядом исследователей в 70-е и 80-е гг. XX в. акцент в монографиях делался на двух моментах: великом значении для ССРБ помощи со стороны РСФСР, которая способствовала упрочению белорусской государственности [4, с. 42; 187, с. 125; 9, с. 17], и колоссальной важности для ССРБ вхождения в состав СССР [187, с. 129]. Е.Н. Шкляр в работе «Белорусская ССР – одна из учредительниц Союза ССР» [11] указала, что создание этого союза было спасением от империалистической кабалы и национального гнёта [11, с. 41–42].

Значительный вклад в обоснование необходимости и обусловленности образования СССР был сделан С.П. Маргунским, Л.И. Кукреш. В работе «Государственное строительство в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925)» С.П. Маргунский проводил мысль, что вхождение ССРБ в состав СССР было необходимо для «борьбы против эксплуататорских классов, восстановления разрушенного войной сельского хозяйства» [4, с. 42]. Несколько позже, в 1978 г., в соавторстве с Л.И. Кукреш исследователь подверг анализу государственно-правовые взаимоотношения ССРБ с РСФСР. На основании изучения документов архива ЦГАОР БССР учёные пришли к выводу, что Беларусь, будучи юридически независимой Советской республикой, подчинялась всем декретам и мероприятиям органов государственной власти и государственного управления РСФСР [5, с. 92]. Исследователи

также заключили, что «государственно-правовые взаимоотношения БССР и РСФСР в начале 1919 г. и второй половине 1920 г. являлись промежуточной ступенью, имели признаки, характерные как для федерации, основанной на договоре, так и для автономии» [5, с. 92]. Авторы указали и на то, что федеративные отношения между БССР и РСФСР предполагали координацию действий со стороны РСФСР объединённых и необъединённых наркоматов не только на основании двусторонних соглашений, но и при отсутствии их» [5, с. 135].

В период со второй половины 50-х гг. до начала 90-х гг. XX в. проблема образования СССР стала активно изучаться отечественными исследователями. Однако отсутствие плюрализма в исторической науке, констатация марксистско-ленинской методологии как единственно верной – повлияли на её изучение. Предпочтение отдавалось материалам, актуализировавшим роль коммунистической партии в деле построения советской государственности. Всё это обуславливало ситуацию «стабильности» исторической концепции. Большинство оценок носило однотипный тенденциозный характер.

1. Вихарев, С.П. Суверенитет Белорусской ССР в составе Союза ССР / С.П. Вихарев. – Минск: Изд-во БГУ, 1958. – 128 с.
2. Маргунский, С.П. Создание и упрочение белорусской государственности (1917–1922) / С.П. Маргунский. – Минск: АН БССР, 1958. – 258 с.
3. Бараноўскі, Я.І. За дружбу народаў. Дзейнасць Камуністычнай партыі па ажыццяўленню ленінскай нацыянальнай палітыкі ў 1921–1925 гг. / Я.І. Бараноўскі. – Мінск: Беларусь, 1972. – 216 с.
4. Маргунский, С.П. Государственное строительство в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925) / С.П. Маргунский. – Минск: Наука и техника, 1966. – 285 с.
5. Маргунский, С.П. Интернациональное и национальное в государственном строительстве Белоруссии (1917–1922) / С.П. Маргунский, Л.И. Кукреш. – Минск: Наука и техника, 1978. – 224 с.
6. Нестерович, Я.Ю. За союз нерушимый республик свободных: Объединительное движение трудящихся Белоруссии / Я.Ю. Нестерович. – Минск: Изд-во БГУ, 1981. – 174 с.
7. Каменская, Н.В. Образование Белорусской Советской Социалистической Республики (материал в помощь лектору) / Н.В. Каменская. – Минск, 1968. – 24 с.
8. Ракашевич, В. Под знаменем братства (1917–1922) / В. Ракашевич. – Минск: Беларусь, 1972. – 168 с.
9. Тихонов, О. Белорусская ССР: история и современность / О. Тихонов. – Минск: Беларусь, 1986. – 62 с.
10. История государства и права Белорусской ССР: в 2 т. / под ред. С.П. Маргунского, Ю.В. Шабашова, И.И. Потеружа. – Минск: Наука и техника, 1970. –Т. 1: 1917–1936 гг. – 608 с.
11. Шкляр, М.Е. Белорусская ССР – одна из учредителей союза ССР / М.Е. Шкляр. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 160 с.

Харитонович С.С. (Брестский государственный технический университет)

СССР – ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ТЕЛЛУОКРАТИИ

У нас, рожденных в СССР, сегодня есть уникальная возможность осмысления его феномена в истории XX века с опорой на собственный жизненный опыт, воспоминания современников и, естественно, научную методологию. Несомненно, даже поверхностное ознакомление с относительно недолгой историей Советского Союза показывает грандиозный и масштабный перечень задач, которые бралась решать его правящая элита. Попробуем сконцентрироваться на части этих задач, а именно на геополитическом блоке.

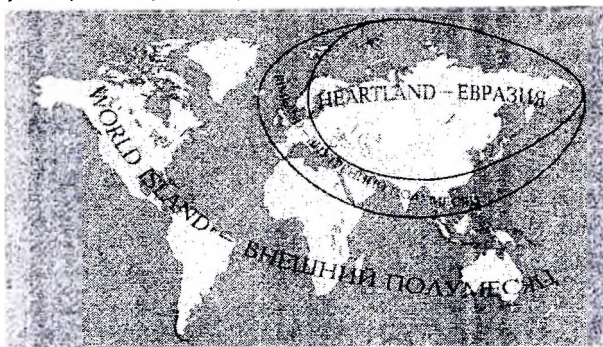
В основу анализа положим базовый геополитический метод – закон дуализма стихий. Дуализм в данном случае – это противостояние сухопутной и морской цивилизаций в борьбе за контроль над мировым пространством. В истории мы знаем примеры такого

противостояния: Спарта и Афины, Рим и Карфаген, Российская империя и Британская империя, СССР и США. В геополитической литературе сухопутная цивилизация, или теллуократия, отличается постоянством, консерватизмом, оседлостью, коллективизмом, воинственностью, строгой иерархией, сословностью, четко и на века прописанными юридическими нормами, авторитарным характером, идеократией, авторитаризмом. Это определено индивидуальным восприятием суши как некой константы, а границы на ней как выверенной линии, нарушение которой сулит войну.

Морское могущество, или талассократия, базируется на восприятии моря как изменчивой и непостоянной среды, где границы размыты. Такая цивилизация отличается изменчивостью, либерализмом, кочевничеством, индивидуализмом, торговым характером, относительно интенсивной вертикальной мобильностью, прецедентным правом, открытостью, демократическими принципами политической организации. Талассократия активно использует достижения научно-технического прогресса для освоения новых пространств, динамична и ориентирована на колонизацию суши в расчете на свою недостижимость для сухопутных жителей.

С точки зрения ведущего российского геополитика А. Дугина, именно противостояние цивилизаций суши и моря является ключевым в понимании сути происходящего в мировой истории и геополитике. «Уже изначально данный дуализм имеет качество враждебности, альтернативности двух его составляющих полюсов, хотя степень может варьироваться от случая к случаю. Вся история человеческих обществ, таким образом, рассматривается как состоящая из двух стихий – «водной» («жидкой», «текучей») и «сухопутной» («твердой», «постоянной»)»[1].

Базовой работой, закрепившей подобный методологический подход в научной среде, стала статья британского географа и геополитика Хэлфорда Джона Маккиндера «Географическая ось истории» (1904) (англ. «Geographical pivot of history»), с которой автор выступил с докладом на заседании Королевского Географического общества. Х. Маккиндер условно разделил все мировое пространство на три зоны: 1) Хартленд (англ. Heartland – «сердцевинная земля») или «мировой остров», географически соответствующий большей части центральной Евразии; 2) зону «внутреннего полумесяца» – страны, расположенные по берегам Евразии; 3) зону «внешнего полумесяца» – «морские» страны.

Основная геополитическая модель мира (по Х. Маккиндеру):

Heartland-Евразия – географическая ось истории. Rimland – береговые пространства. World Island – территории, контролируемые Sea Power, «морским могуществом»[1]

Х. Маккиндер полагал, что наилучшее местоположение в борьбе за мировое господство – центрально-осевое, соответствующее Хартленду. Он также утверждал, что ни в коем случае Британии нельзя допустить выстраивания союза между Россией, занимающей осевое положение в Евразии, и Германией, занимающей осевое положение в Европе, иначе это будет последним днем англо-американского господства в мире. В работе «Демократические идеалы и реальность» (1919) он сформулировал еще один важный геополитический тезис: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом. Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой). Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром»[2]. В 1943 году в работе «Земной шар и достижение мира» рассматривается послевоенное мироустройство. «В своей работе Маккиндер вводит новую геополитическую ось – США, обосновывает идею геополитических блоков и предсказывает становление двуполярного мира, вращающегося вокруг двух противостоящих друг другу осей: Соединенных Штатов и Советского Союза (Хартленда)» [2].

Важно понять, что закон дуализма стихий, или противостояния морской и сухопутной цивилизаций в мировой истории и политике, есть объективный закон, predetermined географическими факторами, влияющими на мировоззрение и, главное, на поведение народов и элит этих цивилизаций. Это их видение друг друга с позиции своего пространства, а контроль над пространством – это вопрос выживания цивилизации. Интересно, что данная методология вовсе не противоречила диалектическому материализму – философско-идеологической доктрине, имевшей распространение среди партийной элиты СССР. Это означает, что теоретически советские руководители владели определенным инструментарием для ведения межцивилизационных войн в конкурентной борьбе за мировое господство. Но понимали ли они истинные причины и механизм данного глобального противостояния?

Марксизм как учение, и в частности «Капитал», создавался на основе исследований деятельности английских текстильных фабрик, определенная часть работ базировалась на анализе германской действительности. Он был призван реформировать по части социальной справедливости именно «прогрессивную» часть человечества – индустриально развитые страны талассократии и зоны Rimland. Россия же была попросту к этому не готова. Она еще только стояла на пороге масштабной индустриализации и должна была вначале пройти через буржуазно-демократическую революцию, но большевики использовали удачный момент и смогли, по сути, «перепрыгнуть» через виток истории. Их задача – «освобождение мирового пролетариата и пожар мировой революции» – дерзкий глобальный проект. Однако для его реализации мало одних идеологических преимуществ, необходима геополитическая доктрина, а с этим были определенные проблемы. Что касается Владимира Ульянова-Ленина, то его понимание европейской реальности и ненависть к царизму определенно исказили восприятие сперва российских, а затем и советских геополитических интересов, а принцип федерализма, положенный им в основу административно-территориальной конструкции СССР, был почерком талассократии и не только ослабил конструкцию теллутократии, но и стал в будущем «миной замедленного действия».

Пришедший ему на смену Иосиф Сталин был скорее евразийцем, чем интернационалистом и космополитом, называл себя «русским грузинского происхождения» и, пожалуй, был единственным в советском руководстве, кто мыслил скорее геополитически. По мнению Евгения Федорова, депутата Государственной Думы Российской Федерации, именно расхождения

в вопросе полномочий союзных республик стали причиной первых чисток в рядах большевиков, о чем говорят весьма распространенные в то время обвинения в сотрудничестве с иностранными разведками. Он полагает, что федеративный принцип проталкивался с подачи англичан, искусно использовавших его для развязывания сепаратистских настроений в будущем СССР [3]. Сталин справедливо полагал, что только унитарное государство, а по сути империя, могло устоять в будущих империалистических войнах. Поэтому федерализм им лишь декларировался. Целями И. Сталина были подготовка государства к ведению освободительных войн и расширение зоны влияния СССР в Европе, Азии и мире в целом. До сих пор не известно, была ли разработана в СССР геополитическая доктрина теллуократии. По мнению Н. Савицкого, одного из авторов евразийской доктрины в эмигрантских кругах, многие практические шаги советского руководства указывают на наличие такой доктрины. Известно, что на Ялтинской конференции, где рассматривались вопросы послевоенного мироустройства, Сталин сказал: «Я отдал свой долг истории», подразумевая, что СССР как империя не только вернулся в границы бывшей Российской империи, но и вышел за их пределы [3].

Что касается Никиты Хрущева, то он попытался стереть явные геополитические успехи Сталина, акцентируя внимание лишь на личности самого «вождя народов» и ее культе. Дальнейшие события показали довольно низкий уровень компетентности Н. Хрущева в вопросах мировой геополитики, поскольку он не сумел явно «прибавить» в благоприятное для Советского Союза время, уступил в «Карибском кризисе», а развитие страны шло в основном за счет инерции развития сталинского периода.

Леонид Брежнев, как и его предшественник, делал акцент на идеологическом противостоянии двух систем, и лишь во вводе войск в Афганистан в 1979 году усматривается геополитическая логика. В 1970-е стал отчетливо заметен системный кризис в СССР, связанный, в первую очередь, с механизмом рекрутинга и подготовки элит.

До настоящего времени господствует устойчивый миф, что «холодная война» между СССР и США происходила из-за идеологических противоречий двух систем. Возможно поэтому команде Михаила Горбачева казалось, что стоит устранить эти противоречия, пойти на ряд «рыночных и демократических» уступок, и «холодной войне» конец. Как видим, это была грубейшая геополитическая ошибка советского руководства.

Война за контроль над пространством, особенно в «высшей политической лиге», никогда не прекращается. Для удержания территорий и тем более новых территориальных приобретений необходимо вовремя модернизировать экономику с использованием новейших технологий, перевооружаться, рекрутировать компетентные политические элиты, понимающие стоящие перед ними задачи, обеспечить благосостояние «среднего класса» и иметь стратегически выверенную геополитическую доктрину, базирующуюся на объективных законах развития.

СССР проиграл в финале мирового геополитического первенства. Цена проигрыша – уход в историю. Это была слишком дорогая цена, которую пришлось заплатить его гражданам. К счастью, история на этом не заканчивается.

1. Дугин, А.Г. Основы геополитики / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 1997 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/dugin/chapt00.htm>. – Дата доступа: 14.11.2012.
2. Маккиндер, Хэлфорд Джон // [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Маккиндер,_Хэлфорд_Джон. – Дата доступа: 14.11.2012.
3. Геополитика России // [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=b2U8L_2UGx4 – Дата доступа: 14.11.2012.

СССР И СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1920-е гг. стали отправной точкой в процессе установления дипломатических, экономических и культурных связей между СССР и странами Латинской Америки. Следует отметить, что процесс нормализации отношений между латиноамериканскими государствами и молодым советским государством, имевший целью содействовать преодолению Советским Союзом внешнеполитической изоляции, развивался не на пустом месте.

Уже с последней четверти XIX в. были налажены торговые, культурные и научные связи между царской Россией и странами Латинской Америки. К 1900 г. Россия официально признала большинство латиноамериканских республик, а с Бразилией, Перу, Аргентиной, Мексикой, Уругваем, Чили и Боливией установила дипломатические отношения [7, с. 5].

Однако после прихода к власти большевиков все американские государства разорвали дипломатические отношения с Советской Россией, и в 1918 г. сотрудники дипломатических миссий и консульств Аргентины, Бразилии, Боливии, Мексики, Кубы, Коста-Рики, Панамы, Перу, Уругвая, Чили покинули Петроград и отбыли на родину [3, с. 462].

Первые шаги с целью нормализации отношений со странами Латинской Америки были предприняты наркомом иностранных дел Георгием Васильевичем Чичериным. В 1921 г. по его инициативе были налажены торговые отношения между Советской Россией и Аргентиной, где у власти в то время находилось леволиберальное правительство И. Иригойена. В сентябре 1921 г. Г.В. Чичерин направил министру иностранных дел Аргентины О. Пуэррейдону телеграмму с предложением направить в Буэнос-Айрес торгового представителя РСФСР для закупки зерна и других продовольственных товаров, в которых нуждалась Россия. В том же 1921 г. И. Иригойен обратился к парламенту своей страны с просьбой предоставить кредит в 5 млн. песо в помощь голодающим России [4, с. 69].

Вскоре Аргентина стала главным торговым партнером СССР в регионе. В 1925 г. в Буэнос-Айресе открылось отделение «Амторга», преобразованное в 1927 г. в «Южамторг» – акционерное общество по развитию торговли с Южной Америкой [7, с. 5–6].

Еще в 1922 г., во время посещения Германии Г.В. Чичерин встречался с посланником Аргентины в этой стране и обсуждал с ним вопрос о возможности восстановления дипломатических отношений. Однако до нормализации официальных отношений между СССР и Аргентиной в те годы дело так и не дошло [4, с. 69].

Первым же латиноамериканским государством, признавшим Советский Союз и в августе 1924 г. установившим с ним дипломатические отношения, стала Мексика. Непосредственное участие в этом деле принимали Г.В. Чичерин и его заместитель Максим Максимович Литвинов [1; 4, с. 69, 72]. В немалой степени нормализация официальных отношений между двумя странами объяснялась тем, что в 1917 г. в Мексике победила революция, и в тот момент у власти находилось левое правительство А. Обрегона (1920–1924) [7, с. 5–6]. Давая оценку свершившемуся факту, Чичерин отмечал, что «установление отношений с Мексикой дает нам политическую базу на новом континенте» [4, с. 69].

Многое сделал для налаживания первоначального взаимопонимания с мексиканской стороной и выхода на широкие круги мексиканской общности, особенно в сфере культуры, первый полпред СССР в Мексике С.С. Пестковский. Именно благодаря его содействию в Мексике побывал В.В. Маяковский. В середине 1925 г. Мексику посетил профессор МГУ географ Б.Ф. Добрынин. Это была первая командировка советского ученого в Латинскую Америку. В конце того же года в Мексику прибыла экспедиция ленинградских ботаников во главе с профессором Ю.Н. Вороновым, которая потом работала в Колумбии (1926 г.) [6, с. 176].

Александра Михайловна Коллонтай, возглавлявшая полпредство СССР в Мексике после С.С. Пестковского, за полгода пребывания в стране в 1926–1927 гг. не только укрепила чисто дипломатические отношения между двумя странами, но и наладила торговлю (Коллонтай была одновременно и торгпредом), при ней же стал выпускаться посольский бюллетень. В 1944 г. Коллонтай была награждена высшей мексиканской наградой – орденом Ацтекского орла.

Деятельность преемника А.М. Коллонтай на посту полпреда СССР в Мексике – Александра Михайловича Макара – протекала в сложной внутривнутриполитической обстановке, в условиях антисоветского давления на Мексику со стороны США. Тем не менее, ему удалось наладить контакты с мексиканской прессой, устроив для местных журналистов пресс-конференцию в Мексике, в ходе которой советский дипломат рассказал о СССР и его политике. По инициативе А.М. Макара был дан прием для деятелей науки, культуры и искусства страны. В здании полпредства устраивались демонстрации советских фильмов. На просмотре фильма «Октябрь» в феврале 1928 г. даже присутствовал президент Мексики Портес Хиль, что было необычным в протокольной практике главы государства. Много сделал А.М. Макар и для заметного увеличения советско-мексиканского товарооборота.

Развитию культурных связей между двумя странами способствовали и визиты деятелей мексиканской культуры в СССР: писателя Рафаэля Рамоса Педруэса, художников – Диего Риверы и Хосе Давида Альфаро Сикейроса [5, с. 60–61].

Как видно, представителями первой плеяды советских дипломатов, работавших в Мексике, были налажены межгосударственные торговые, культурные и научные связи.

Успехом советской дипломатии в латиноамериканском регионе стало признание в 1926 г. Советского Союза Уругваем и восстановление официальных отношений между двумя странами, хотя обмена дипломатическими миссиями и не произошло. Заметную роль в процессе нормализации советско-уругвайских отношений сыграл М.М. Литвинов [1; 4, с. 73].

После вступления СССР в Лигу наций (1934 г.) М.М. Литвинов постоянно поддерживал контакты с представителями входивших в эту организацию стран Латинской Америки, особенно с Мексикой. Позиции обоих государств по ряду вопросов внешнеполитической деятельности полностью совпадали. Так, Мексика и СССР осудили агрессию фашистской Италии против Эфиопии, политику нацистской Германии, активно помогали республиканской Испании, приняв затем у себя тысячи испанских эмигрантов [3, с. 5–6; 4, с. 74]. Подобное совпадение взглядов существовало и с Колумбией, президентом которой в 1935 г. был избран левый либерал А. Лопес. Именно при нем, в немалой степени благодаря усилиям Литвинова, СССР и Колумбия в 1935 г. установили дипломатические отношения. Правда, колумбийская сторона отказалась обменяться посольствами [1; 4, с. 74].

С другими же государствами латиноамериканского региона Советскому Союзу в межвоенный период установить дипломатические отношения не удалось. В большинстве стран Латинской Америки в то время у власти находились правые авторитарные режимы, которые в первую очередь под давлением США саботировали нормализацию отношений с СССР. Вместе с тем с рядом государств региона Советский Союз поддерживал торговые отношения и другие контакты. Значительную роль в этом сыграл «Южамторг», филиалы которого были открыты в Бразилии, Парагвае, Уругвае и Чили.

В 1930-е гг. позиции СССР в Латинской Америке были во многом утрачены. В 1930 г. Мексика разорвала дипломатические отношения с Москвой, обвинив СССР во вмешательстве в свои внутренние дела. В 20-е гг. внутривнутриполитическая ситуация в Мексике оставалась непростой. Нерешенность социальных проблем привела к росту забастовочного движения, на которое правительство Э. Портеса Хиля ответило жестокими репрессиями против коммунистов. В 1929 г. СССР организовал кампанию солидарности с жертвами

террора. В «Правде» был опубликован призыв Коминтерна «к рабочим и крестьянам всего мира подняться на борьбу с «мексиканским фашизмом». Призыв был услышан. в посольства Мексики во многих странах полетели камни. В ответ мексиканский президент объявил миссию СССР в Мехико «рассадником подрывной деятельности» и разорвал дипотношения с Советским Союзом [2, с. 8].

Тем не менее, полного прекращения контактов между двумя государствами не произошло. Так, в 1930–1931 гг. в Мексике работал выдающийся советский режиссер С. Эйзенштейн, снимавший фильм «Да здравствует Мексика!», показывались его знаменитые ленты «Октябрь», «Броненосец Потемкин». В 1930 и 1932 гг. в Мексике в научных командировках побывал генетик академик Н.И. Вавилов [2, с. 8]. Помимо Мексики в ходе четырехмесячной командировки в 1932–1934 гг. ученый посетил также большинство стран Южной Америки и Кубу [6, с. 176].

В августе 1931 г. аргентинская полиция совершила налет на штаб-квартиру «Южамторга» и арестовала 160 его служащих. Советская торговля с Аргентиной прекратилась. Лишившись главного опорного пункта на юге континента, СССР попытался перенести его в Уругвай, предложив правительству этой страны обменяться дипломатическими миссиями. В 1934 г. в Монтевидео было открыто Советское полпредство. Однако уже в декабре 1935 г. Уругвай в связи с событиями в соседней Бразилии разорвал отношения с Советским Союзом. В ноябре 1935 г. в городах Рио-де-Жанейро, Ресифи и Натале произошли организованные Национально-освободительным альянсом вооруженные выступления, ведущую роль в которых играли бразильские коммунисты. Восставшие протестовали в первую очередь против терпимого отношения властей к местному движению «интегралистов», выступавших за создание в Бразилии фашистского «корпоративного государства» по итальянской модели. Коминтерн поддержал выступление бразильской компартии. После подавления восстания Бразилия обвинила советскую сторону в причастности к его подготовке и обратилась к Уругваю с требованием закрыть советское полпредство, которое было удовлетворено. В 1936 г. был закрыт «Южамторг» [3, с. 463].

Таким образом, к середине 1930-х гг. у СССР не осталось ни одного официального представительства в Латинской Америке, и его влияние в регионе к началу Второй мировой войны было сведено к минимуму. Тем не менее, опыт 1920–1930-х гг. свидетельствовал, что, несмотря на слабое развитие или отсутствие в тот период дипломатических отношений, сопротивление сил внутренней реакции и США, у СССР и латиноамериканских государств имелись предпосылки для установления взаимных контактов, а также взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества.

1. Громько, А.А. История внешней политики СССР / А.А. Громько, Б.Н. Пономарева. – Т. 1. – М., 1980. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.militera.lib.ru/docs/0/hvp1.pdf>. – Дата доступа: 20.10.2012.
2. Имидж России в Мексике: прошлое, настоящее, будущее // Латинская Америка. – 2006. – № 11. – С. 4–25.
3. Сидоров, А.Ю. История международных отношений. 1918–1939 гг. / А.Ю. Сидоров, Н.Е. Клейменов. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 640.
4. Сизоненко, А.И. Два наркома / А.И. Сизоненко // Латинская Америка. – 2002. – № 5. – С. 68–75.
5. Сизоненко, А.И. Они строили отношения наших стран / А.И. Сизоненко // Латинская Америка. – 2010. – № 12. – С. 57–62.
6. Сизоненко, А.И. Российские ученые и Латинская Америка (становление научных связей в XIX – первой половине XX в.) / А.И. Сизоненко // Латинская Америка. – 1999. – № 5–6. – С. 172–177.
7. Сизоненко, А.И. Россия – Латинская Америка: отношения в XX веке и перспективы взаимодействия / А.И. Сизоненко // Латинская Америка. – 2001. – № 1. – С. 4–11.

СОДЕРЖАНИЕ

Баюра А.Н. ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА БССР В НАЧАЛЕ 1920-х гг.....	3
Белевич Я.И. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. О ПОДДЕЛКЕ ДОКУМЕНТОВ (20–30 гг. XX в.).....	6
Билевич О.И. РЕАКЦИЯ США НА РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА.....	8
Бодак А.Ю. ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СОСТАВЕ СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.....	11
Борсук Н.М. «МІЖ ДВУХ БЕРАГОЎ...»: ВОБРАЗ ЛІРЫЧНАГА ГЕРОЯ Ў ТВОРЧАСЦІ ПАЭТАЎ-ЭМІГРАНТАЎ.....	14
Будник О.А. МОДИФИЦИРОВАННЫЕ И СОБСТВЕННО-АВТОРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М.А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА».....	17
Варич В.Н. ЦЕННОСТИ СОВЕТСКОГО НАРОДА И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ.....	18
Галимова Н.П. ОБРАЗОВАНИЕ СССР И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС (ОКТАБРЬ 1917–1922 гг.).....	21
Глухова О.В. НЕДОНЕСЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРВЫХ АКТАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	24
Данилов Ю.Д. КЛАССОВАЯ ДОМИНАНТА В РЕШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА ПРИ СОЗДАНИИ СССР.....	27
Ермакович Л. І. ПРАВА НАЦЫЇ НА САМАВЫЗНАЧЭННЕ Ў ТЭОРЫІ І ПРАКТЫЦЫ БАЛЬШАВІЦКАЙ ПАРТЫІ.....	29
Жук Г.В., Соколовская М.Г. СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА.....	32
Кабот Т.Ф. ПОРТРЕТ ЭПОХИ В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ 20-Х ГГ.	33
Кавецкий С.Т. ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР.....	36

Кавецкий С.Т. РАСПАД СССР КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ	38
Ковалёва Н.Н. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЛАРУСИ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА	41
Кудрицкая Е.Г. ФЕДЕРАЛИЗМ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	43
Лагуновская Е.А. ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	45
Луцук Л.Ф., Зайцева С.Н. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	48
Медведева Г.Б., Захарченко Л.А. О СУЩНОСТИ И РОЛИ КООПЕРАЦИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А.В. ЧАЯНОВА	50
Медиченко Л.Е. ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СРЕДСТВА ПОЛИТИКИ В СССР	53
Меньковский В.И. СССР КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	56
Морозов Н.Н. ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ НА РЫНОК ТРУДА	61
Мощук А.В. КОМИНТЕРН И ЕВРОПЕЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬСКОГО БУНДА)	64
Наумова В.И. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИЙ ФЕДЕРАЛИЗМА	66
Никитенкова Л.П. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ	69
Опарин А.Ю., Подлорин И.Г. ИДЕАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СССР	72
Пашковіч А.І. ДАПАМОГА САВЕЦКІХ РЭСПУБЛІК НАСЕЛЬНІЦТВУ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў 20–30 гг. ХХ ст.	75

Посохина Г.И. СССР И СТРАНЫ СРЕДНЕГО И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД	77
Потолков Ю.В. «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» И СОЗДАНИЕ СССР	80
Птичкина С.А. ПРАВОВОЙ СТАТУС БССР В СОСТАВЕ СССР.....	83
Речиц Е.В. ВЫДЕЛЕНИЕ ВОДНО-БОЛОТНЫХ УГОДИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ В СССР	85
Розенблат Е.С. ВЛАСТЬ И НАСЕЛЕНИЕ: ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ	87
Самосевич В.А. СИСТЕМА НЕСИЛОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВОЕННУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СССР.....	89
Сінчук І.І. УЗНАГОРДНАЯ СІСТЭМА СССР – ВЕХІ РАЗВІЦЦЯ	92
Соботковская О.Н. СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОВЕТСКОГО МЕНТАЛИТЕТА	97
Стрекалова Е.Н. «КОРЕНИЗАЦИЯ» И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ЗАДАЧИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-ые гг.	100
Стрелец М.В. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РУКОВОДИТЕЛЯ СУБЪЕКТА ГЕРМАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОЛЕ ФОН БОЙСТА).....	104
Тохиян Т.М. ОБРАЗОВАНИЕ СССР В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 50-х – НАЧАЛА 90-х гг. XX в.	108
Харитонович С.С. СССР – ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ТЕЛЛУРОКРАТИИ.....	110
Харичкова Л.В. СССР И СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД	114